

**МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВ Виталий Олегович

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ЭКСПЕРТНЫХ ПОНЯТИЙ КАК ЭЛЕМЕНТА
ЯЗЫКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ**

12.00.12 – криминалистика, судебно-экспертная деятельность,
оперативно-розыскная деятельность

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Усов Александр Иванович

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ЭКСПЕРТНЫЕ ПОНЯТИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ.....	16
1.1. Язык судебной экспертологии: история изучения	16
1.2. Система понятий как метаязык судебной экспертологии.....	28
1.3. Сущность категории метаязыка судебной экспертологии «“экспертные” понятия»	34
Выводы по первой главе	46
Глава 2. ЭКСПЕРТНЫЕ ПОНЯТИЯ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	48
2.1. Проблема соотношения правовой и лингвистической составляющей... ..	48
2.2. Экспертные лингвистические понятия как отражение объективной	62
2.3. Предметные виды судебной лингвистической экспертизы	85
Выводы по второй главе	92
Глава 3. «ПРОВОКАЦИЯ» КАК ЭКСПЕРТНОЕ ПОНЯТИЕ В	94
СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	94
3.1. Правовой аспект понятия «провокация».....	94
3.2. Лингвистический аспект понятия «провокация»	99
3.3. Экспертный аспект понятия «провокация»	105
3.4. Методические подходы к установлению речевой провокации	107
Выводы по третьей главе	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
Список использованных источников.....	140
ПРИЛОЖЕНИЕ	158

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

В настоящее время можно считать уже состоявшимся появлением самостоятельной науки судебной экспертологии, которая в своей структуре имеет разделы «Общая теория судебной экспертологии», «Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности», «Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности», «Судебно-экспертные технологии» [Россинская 2015: 17]. Каждый из перечисленных структурных блоков судебной экспертологии, прежде всего общетеоретический блок, в настоящий момент активно развивается. Это обусловлено вызовами современного судопроизводства, а именно предъявлением жестких требований к научной обоснованности экспертного заключения, достоверности выводов эксперта. В связи с этим возникает особая потребность в развитии положений, связанных с языком судебной экспертологии, в частности с системой экспертных понятий, на которой строится общая теория судебной экспертологии, а также частные теории отдельных родов и видов судебных экспертиз. С точки зрения общей теории судебной экспертологии язык судебной экспертизы, понятийно-терминологический аппарат рассматривался в единственном на настоящий момент диссертационном исследовании Д.В. Панариной «Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы». В нем подробно освещены вопросы формирования и развития языка судебной экспертологии в аспекте терминологии базовых методологических понятий и определений общей теории судебной экспертизы, унификации, формализации и стандартизации языка судебной экспертизы [Панарина 2018].

В настоящее время в спектре судебно-экспертных исследований имеются направления судебно-экспертной деятельности, непосредственно связанные с исследованием языка и речи, продуктов речевой деятельности, к которым в том числе относятся термины и понятия. Таким направлением является судебная лингвистическая экспертиза, для которой языковые конструкции, продукты речевой деятельности являются непосредственными объектами исследования. Кроме того, задачи

данного рода экспертизы, в отличие, например, от задач других, традиционных родов экспертизы, связанных с исследованием речи и продуктов речевой деятельности (экспертизы видео- и звукозаписей¹, автороведческой экспертизы), зависят от той или иной категории уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении, связанных с речевыми действиями. Соответственно, судебная лингвистическая экспертиза имеет дело с правовыми дефинициями понятий, которыми обозначены те или иные речевые правонарушения в правовых нормах.

Используя терминологию Е.И. Галяшиной, можно говорить об отражении в законодательстве «речевых действий, образующих состав правонарушений» и «правонарушений, совершаемых с использованием речевых действий» [Галяшина 2020: 99]. К первым относятся оскорбление, клевета, преступления экстремистской и террористической направленности (возбуждение вражды, призывы к экстремистским действиям, оправдание терроризма, унижение человеческого достоинства, обвинение и др.), угроза, склонение к суициду и многие другие, ко вторым – преступления коррупционной направленности (предложение, требование взятки и др.), преступления, связанные с совершением развратных действий с помощью телекоммуникационной сети Интернет (побуждение к сексуальным действиям) и т.п. Во всех приведенных случаях требуется применение специальных лингвистических знаний. Для обозначения речевых действий, образующих состав правонарушений, использованы общеупотребительные слова русского языка, которые, перейдя в законодательство, стали правовыми терминами и понятиями. Вместе с тем, несмотря на это, в их основе лежит соответствующее речевое (коммуникативное) действие, лингвистический феномен, т.е. они имеют лингвистическую природу.

Для формулировки экспертной задачи лингвистической экспертизы существенным является то, как законодатель назвал это речевое действие, как его рас-

¹ В других ведомствах данный род экспертизы имеет названия «фоноскопическая экспертиза», «фонографическая экспертиза».

крыл в правовой норме, а также каким образом соотносятся правовое и лингвистическое в наполнении юридических терминов, обозначающих нормы права. Как подчеркивает в этой связи Е.И. Галяшина, «эксперты нередко оказываются перед сложной проблемой отличить лингвистическую трактовку речевого нарушения от правовой квалификации объективной стороны речевого деяния как состава правонарушения» [Галяшина 2004: 186].

К настоящему времени судебная лингвистическая экспертиза прошла этап становления как род экспертизы: накоплена экспертная практика, разработаны программы подготовки экспертов, выработаны методические подходы к решению многих экспертных задач. Вместе с тем до сих пор судебно-экспертные учреждения разных ведомств не пришли к единому мнению о том, каков предмет судебной лингвистической экспертизы и какие именно задачи должны решаться в рамках этого рода экспертизы, и соответственно, как наиболее полно обеспечить потребности судебно-следственных органов в связи с применением специальных лингвистических знаний, при этом не выйдя за пределы компетенции эксперт-лингвиста. Прежде всего нет единого мнения относительно задач установления речевых действий, образующих состав правонарушений. Ряд экспертов считает, что решение задач, связанных с установлением признаков унижения, возбуждения вражды, призыва и т.п., выходит за пределы компетенции эксперта, поскольку эксперт при решении подобной задачи неизбежно сталкивается с правовыми понятиями «унижение», «возбуждение вражды», «призыв» и т.п. Такая позиция отражена, например, в методиках, разработанных в экспертно-криминалистических подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее ЭКП МВД России). С другой стороны, эксперты федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации (далее СЭУ Минюста России) и экспертных подразделений Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее ФСБ России) придерживаются иной точки зрения, согласно которой «унижение», «возбуждение вражды», «призыв» и т.п. рассматриваются не как правовые понятия, а как определенные речевые (коммуникативные) действия, имеющие лингвистическую и психологическую природу.

Данная рассогласованность во мнениях обусловлена тем, что судебная лингвистическая экспертиза является относительно молодым, еще не в полной мере теоретически и методически разработанным родом судебной экспертизы, в связи с чем не имеющим четкого унифицированного понятийно-терминологического аппарата.

Решение данной проблемы видится в разработке системы экспертных понятий, учитывающих соотношение правового понятия и соответствующего ему лингвистического феномена. Такая разработка, по нашему мнению, возможна с опорой на общетеоретические положения судебной экспертологии, которая уделяет особое внимание проблемам языка судебной экспертизы и системы экспертных понятий. Так, в историческом плане вопросами разработки и унификации понятийно-терминологического аппарата в аспекте судебной экспертологии занимались А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская. По мнению ученых, понятия имеют огромное значение в такой интегральной отрасли научного знания, как судебная экспертология, поскольку они служат основой создания теоретической системы: «научные понятия призваны отражать существенные свойства и их проявления в системе признаков, связи и взаимосвязи, формировать систему приемов, методов и средств для систематизации существенной фактологии <...> Эти общенаучные понятия способствуют переносу знания из одной специальной науки в другую. При этом общенаучные понятия, используемые в частной науке, трансформируются в категориальный аппарат специальной науки, в котором и функционируют как особый вариант более общего понятия» [Винберг, Малаховская 1979: 9, 11]. В данном случае речь идет об экспертных понятиях как наиболее важном элементе языка судебной экспертологии как отрасли науки. Современная судебная экспертология, которая в полной мере охватывает все аспекты судебно-экспертной деятельности, не затронутые ранее А.И. Винбергом и Н.Т. Малаховской, а также все виды судопроизводства, в качестве одного из учений выделяет учение о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта, ядром которого является язык судебной экспертологии, а также система экспертных понятий.

Степень научной разработанности темы исследования.

Проблемы языка судебной экспертологии, а также ее понятийно-терминологического аппарата в той или иной мере затрагивались в работах многих ученых: Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, Т.С. Волчецкой, Е.И. Галяшиной, А.М. Зинина, Н.П. Майлис, Н.Т. Малаховской, Т.Ф. Моисеевой, Д.В. Панариной, А.А. Светличного, С.А. Смирновой, Т.В. Толстухиной, А.И. Усова и др. Вместе с тем в настоящее время отсутствуют монографические исследования по проблеме языка судебной экспертологии. Имеется лишь одно диссертационное исследование Д.В. Панариной «Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы» [Панарина 2018], в котором автором выявлены закономерности развития языка общей теории судебной экспертизы.

Тема настоящего исследования применительно к судебной лингвистической экспертизе имеет недостаточную научную разработанность. Экспертные понятия как междисциплинарные категории, занимающие промежуточное положение между правовыми понятиями и понятиями материнских (базовых) наук, в основном рассматриваются в работах ученых, занимающихся проблемами теории и практики судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы: А.С. Голева, Е.Г. Дозорцевой, М.М. Коченова, И.А. Кудрявцева, А.Н. Лавриновича, О.А. Русаковской, Ф.С. Сафуанова, Т.Н. Секераж, О.Д. Ситковской, Н.К. Харитоновой и др. Большой частью вклад в разработку проблемы использования экспертных лингвистических понятий был внесен О.В. Гагиной, О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой, Т.Н. Секераж в методических работах по комплексной психолого-лингвистической экспертизе. Вместе с тем аспект соотношения правовых категорий и лингвистических понятий, прежде всего в связи с определением задач судебной лингвистической экспертизы, формулировок вопросов, ставящихся на разрешение эксперта, определения пределов компетенции эксперта-лингвиста рассмотрен в работах А.Н. Баранова, Ю.А. Бельчикова, К.И. Бринева, Е.И. Галяшиной, Н.Д. Голева, М.В. Горбаневского, И.В. Жаркова, Т.М. Изотовой, С.А. Кузнецова, О.В. Кукушкиной, Д.А. Леонтьева, Т.В. Назаровой, С.М. Оленникова, М.А. Осадчего, А.М. Плотниковой, Ю.А. Сафоновой, И.А. Стернина и др.

Объектом исследования является судебно-экспертная деятельность по проведению судебной лингвистической экспертизы, теоретическую и методологическую основу которой составляют экспертные понятия; общественные отношения, возникающие при применении специальных лингвистических знаний для исследования продуктов речевой и коммуникативной деятельности.

Предметом исследования являются закономерности формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии на примере судебной лингвистической экспертизы.

Цель исследования – разработка системы экспертных лингвистических понятий, отражающих соотношение правовых категорий и лингвистических феноменов, с целью более эффективного использования заключения эксперта по такого рода экспертизам как одного из доказательств по делу.

Для достижения цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

- изучение категории «язык судебной экспертологии», определение его элементов;
- определение категории «экспертные понятия» в судебной экспертологии и в некоторых родах судебной экспертизы;
- изучение основных положений теории экспертных понятий в судебной психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизе;
- исследование существующих в настоящее время основных подходов к установлению соотношения правовых категорий и лингвистических феноменов в теории и практике судебной лингвистической экспертизы;
- разработка категории «экспертное лингвистическое понятие», а также системы таких понятий в судебной лингвистической экспертизе;
- рассмотрение экспертных лингвистических понятий в методическом аспекте;
- разработка предметных видов судебной лингвистической экспертизы на основе экспертных лингвистических понятий;
- выработка экспертного понятия «провокация» в качестве одного из примеров экспертных лингвистических понятий;

– разработка методического подхода к выявлению речевой провокации как экспертного понятия в рамках судебной лингвистической экспертизы.

Методологическую основу исследования составил комплекс различных методов познания теоретического и эмпирического материала:

– диалектико-материалистический метод научного познания объективной действительности, с помощью которого возможно изучение совокупности данных, полученных в результате обобщения следственной, судебной и экспертной практики, с точки зрения их взаимосвязи, взаимозависимости, противоречий, выявление закономерностей и тенденций развития;

– общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, наблюдение, описание, сравнение, экстраполяция, аналогия, системный, структурный и др.);

– частнонаучные методы (формально-правовой, сравнительно-правовой, моделирование и др.).

Теоретическая основа исследования – труды отечественных и зарубежных ученых в разных областях знаний:

– в области философии, теории познания, уголовного права, криминалистики и судебной экспертизы (Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, Т.С. Волчецкой, Е.И. Галяшиной, А.М. Зинина, В.Я. Колдина, Ю.Г. Корухова, Н.П. Майлис, Н.Т. Малаховской, Т.Ф. Моисеевой, Г.Г. Омелянюка, В.Ф. Орловой, Ю.К. Орлова, Д.В. Панариной, А.Р. Ратинова, Е.Р. Россинской, Т.В. Сахновой, С.А. Смирновой, Т.В. Толстухиной, А.И. Усова, А.Р. Шляхова, Л.Г. Эджубова и др.),

– теории экспертных понятий в судебной психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизе (А.С. Голева, Е.Г. Дозорцевой, М.М. Коченова, И.А. Кудрявцева, А.Н. Лавриновича, О.А. Русаковской, Ф.С. Сафуанова, Т.Н. Секераж, О.Д. Ситковской, Н.К. Харитоновой, Т. Grisso, С. Lidz, A. Meisel, A.L. McGarry, L. Weithorn и др.),

– судебной лингвистики (А.Н. Баранова, Ю.А. Бельчикова, К.И. Бринева, Е.И. Галяшиной, Н.Д. Голева, М.В. Горбаневского, Т.М. Изотовой, С.А. Кузнецова, О.В. Кукушкиной, Т.В. Назаровой, М.А. Осадчего, А.М. Плотниковой, Ю.А. Сафоновой, И.А. Стернина, M. Coulthard, A. Johnson, J. Olsson и др.).

Нормативную правовую основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», определения Верховного Суда Российской Федерации, Постановления Европейского суда по правам человека, ведомственные нормативные акты, регулирующие судебно-экспертную деятельность.

Эмпирическая основа исследования:

- материалы экспертной практики федеральных бюджетных СЭУ Минюста России, иных государственных, а также негосударственных СЭУ, частнопрактикующих экспертов (более 500 заключений эксперта);
- материалы уголовных, гражданских, арбитражных дел и дел об административных правонарушениях;
- материалы следственной и судебной практики.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые применительно к судебной лингвистической экспертизе как примера родов судебных экспертиз,

имеющих опосредованную связь с материнской, базовой наукой и задачи которых зависят от конкретной категории уголовного, гражданского, арбитражного дела или дела об административном правонарушении, разработана категория «экспертные понятия», система экспертных лингвистических понятий, а также выработано экспертное лингвистическое понятие «речевая провокация».

Научные положения, выносимые на защиту:

1. Система понятий занимает центральное место в языке современной судебной экспертологии, организуя специфический метаязык судебной экспертологии как науки, в который входят общенаучные понятия, частонаучные понятия, специальные понятия языка судебной экспертологии, правовые понятия, а также экспертные понятия – междисциплинарные категории, занимающие промежуточное положение между правовыми понятиями и понятиями так называемых материнских, базовых наук.

2. Экспертные понятия являются одной из базовых категорий языка современной судебной экспертологии. Данные понятия, с одной стороны, имеют природу, определяемую базовой наукой, а с другой стороны, обладают юридическим значением. Благодаря такому двустороннему характеру экспертных понятий их использование в судебно-экспертной деятельности в полной мере отвечает, во-первых, задаче такой деятельности – оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, во-вторых, требованиям и принципам регламентирующего ее законодательства, а именно необходимости проведения экспертного исследования в пределах специальных знаний на строго научной и практической основе.

3. Экспертные понятия составляют теоретическую и методологическую основу родов (видов) судебных экспертиз, которые имеют опосредованную связь с материнской, базовой наукой и задачи которых зависят от конкретной категории уголовного, гражданского, арбитражного дела или дела об административном правонарушении. В связи с этим на основе данной категории возможна разработка но-

вых родов и видов судебных экспертиз, позволяющих получить ранее не устанавливаемые доказательства.

4. Теоретическая модель формирования экспертных понятий в теории и практике конкретного рода (вида) судебной экспертизы позволяет эффективно реагировать на постоянно возникающие вызовы судопроизводства, прежде всего проявляющиеся в изменениях в законодательстве, часто происходящих в последнее время. Это обусловлено возможностью формирования новых экспертных понятий без значительных временных затрат путем проведения экспертологического анализа, предполагающего соотнесение правового понятия и коррелирующего с ним феномена базовой науки.

5. Одной из основных тенденций формирования и развития экспертных понятий является их стандартизация, предполагающая закрепление и унификацию терминологии. Одно из направлений работы по стандартизации – разработка национальных стандартов в области судебно-экспертной деятельности, прежде всего в области терминов и определений. Благодаря этому возможна в полной мере реализация положения Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», связанного с осуществлением судебно-экспертными учреждениями деятельности по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов.

6. Судебная лингвистическая экспертиза является ярким примером родов судебной экспертизы, в которых экспертные лингвистические понятия составляют теоретическую и методологическую основу, поскольку эти понятия, не теряя своей лингвистической сущности, адаптированы к правоприменению: они соотносятся с речевыми действиями, которые являются в уголовно- и административно-правовом аспекте одним из признаков объективной стороны состава преступления. На их основе возможно построение предметных видов судебной лингвистической экспертизы с учетом изменений в законодательстве.

7. Экспертные лингвистические понятия образуют систему, включающую

экспертные понятия, соотносящиеся с собственно с речевыми действиями, экспертные понятия, соотносящиеся с направленностью речевых действий, и экспертные понятия, соотносящиеся с формой выражения речевых действий. Первый из видов экспертных лингвистических понятий – понятия, соотносящиеся с собственно с речевыми действиями, – является основным видом экспертных понятий, типичным примером которых является экспертное понятие «речевая провокация». Это понятие, имея лингвистическую природу, обладает юридическим значением, тем самым оно адаптировано к правоприменению.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты значительно расширяют объем научной информации, обогащают общую теорию судебной экспертологии в целом и судебной лингвистической экспертизы в частности. Используемые документы и материалы, а также результаты проведенного исследования могут применяться как в научных учреждениях, так и отдельными специалистами при изучении проблем языка современной судебной экспертологии, судебной лингвистической экспертизы, а также при подготовке к судебно-экспертной деятельности по этому направлению.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты позволяют оптимизировать, сделать более эффективной экспертную деятельность по решению экспертных диагностических задач при исследовании продуктов речевой и коммуникативной деятельности, совершенствовать методическое обеспечение экспертной деятельности, разрабатывать новые предметные виды судебной лингвистической экспертизы. Результаты исследования могут использоваться в следующих сферах деятельности:

- в деятельности СЭУ России при производстве судебной лингвистической экспертизы, что будет способствовать повышению качества выпускаемых экспертных исследований, их всесторонности, объективности, полноте;
- в учебно-методической деятельности по подготовке кадров для судебно-экспертных учреждений;
- в деятельности следователей и судей, рассматривающих дела, связанные с использованием продуктов речевой и коммуникативной деятельности;

– в образовательном процессе – в курсе судебной экспертизы в учебных учреждениях, готовящих специалистов в области юриспруденции и судебной лингвистики.

Достоверность исследования подтверждается достаточностью и глубиной представленных эмпирических данных, а также методологией, использованных в ходе исследования и при формировании выводов и предложений.

Апробация и внедрение результатов работы. Полученные в ходе работы выводы, затрагивающие ключевые блоки исследования, опубликованы в четырех (4) научных статьях, три (3) из которых были опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Сделанные автором выводы обсуждены и одобрены на заседании кафедры судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Методические рекомендации и предложения, содержащиеся в материалах диссертационного исследования, внедрены в практическую деятельность ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, что подтверждается соответствующими актами внедрения.

Основные положения и результаты работы докладывались автором на следующих научных мероприятиях: международном научно-практическом семинаре «Экстремистские материалы: практика экспертного анализа и анализ экспертной практики» (г. Брянск, 15–19 сентября 2014 г.); всероссийском семинаре «Актуальные вопросы судебной лингвистической экспертизы» (г. Екатеринбург, 05–09 октября 2015 г.); всероссийском семинаре с международным участием «Актуальные проблемы комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы» (г. Ростов-на-Дону, 06-09 июня 2016 г.); всероссийском семинаре «Актуальные вопросы судебной экспертизы видео- и звукозаписей» (г. Калининград, 19–23 июня 2017 г.); Международном научном форуме «Ситуационный подход в юридической науке и практике», посвященном 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград, 20–22

октября 2017 г.); международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (г. Актобе, 13 декабря 2017 г.); всероссийском семинаре «Актуальные вопросы дополнительного профессионального образования по экспертным специальностям» (г. Москва, 14–15 мая 2018 г.); всероссийском семинаре «Актуальные проблемы судебной экспертизы экстремистских материалов» (г. Москва, 19–21 сентября 2018 г.); научно-практическом семинаре-совещании «Актуальные вопросы проведения лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз. Проблемы и пути их решения» (г. Ессентуки, 05 октября 2018 г.); VI-м Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» в МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, 20–23 марта 2019 г.); Втором всероссийском форуме «Право. Религия. Государство» (г. Москва, 21–22 ноября 2019 г.); всероссийской конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Психологическая и лингвистическая экспертизы: поиски, идеи, решения» (г. Москва, 21–25 сентября 2020 г.); научно-практической конференции «Противодействие информационно-мировоззренческим угрозам в интернет-среде с использованием специальных знаний» (г. Москва, 03 декабря 2020 г.).

Структура работы. Настоящая работа состоит из введения, трех глав, включающих в себя десять параграфов, выводов по главам, заключения, списка использованных источников и приложения.

Глава 1. ЭКСПЕРТНЫЕ ПОНЯТИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

1.1. Язык судебной экспертологии: история изучения и современное состояние

Впервые вопрос о языке судебной экспертологии был поднят в конце 70-х годов прошлого века А.И. Винбергом и Н.Т. Малаховской в фундаментальном труде «Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз)», в котором изложена концепция отдельной науки о судебной экспертизе – судебной экспертологии. Положения данной концепции были подвергнуты в то время жесткой критике со стороны большинства ученых. При этом, как отмечает Е.Р. Россинская, в трудах которой была возрождена идея о создании полноценной науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности, работа А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской «дала новый мощный импульс для исследований в области общей теории судебной экспертизы» [Россинская 2015: 12].

Вместе с тем большую роль в формировании и развитии учения о языке судебной экспертологии, в том числе и на современном этапе, сыграли концептуальные положения учения о языке криминалистики, разработанные в трудах ученых-криминалистов.

Так, Р.С. Белкин и А.И. Винберг в книге 1973 г. «Криминалистика. Общетеоретические проблемы», говоря о языке криминалистики как об одной из составляющих общей теории криминалистики, рассматривали его в аспекте семиотики, знаковой теории. По их мнению, язык криминалистики состоит из нескольких элементов: элементов естественного языка, языка науки, формализованного языка и информационного-поискового языка [Белкин, Винберг 1973: 229–238]. Р.С. Белкин и А.И. Винберг в указанной работе сформулировали понятие языка криминалистики как «системы ее общих и частных понятий, выражаемых определениями и обозначениями (терминами, знаками)» [там же: 238]. По мнению ученых, тенденциями

развития языка криминалистики являются расширение круга употребляемых определений; изменение определений; дифференциация определений; унификация терминологии; разработка знаковых систем криминалистики [там же: 239–243].

Концепция языка криминалистики получила развитие в последующих работах Р.С. Белкина (например, [Белкин 1977; Белкин 1987]), а также в трудах других ученых-криминалистов (например, [Селиванов 1982; Волобуев 1983; Егоров, Ищенко 2020]).

Такие теоретические положения учения о языке криминалистики, как положения о составляющих этого языка (естественный язык, язык науки и формализованный язык), системе понятий, тенденциях развития этого языка, стали ключевыми для учения о языке судебной экспертологии.

Следует отметить, что большей частью исследования в области языка судебной экспертизы и языка эксперта проводились и проводятся в настоящее время в русле положений о языке криминалистики, разработанных Р.С. Белкиным и другими учеными-криминалистами.

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская в упоминавшемся выше труде «Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз)» уже в русле судебной экспертологии рассматривали язык судебного эксперта как составную часть языка науки и сформулировали определение языка эксперта, во многом схожее в определением языка криминалистики: «Язык науки, включая и язык судебного эксперта, представляет собой систему понятий, выражаемых определениями и обозначениями (терминами, знаками)» [Винберг, Малаховская 1979: 14].

По мнению А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, научные понятия, составляющие язык судебной экспертизы, играют большую роль в создании теоретической системы такой новой для того времени отрасли науки, как судебная экспертология: «Теория судебной экспертологии должна строиться на четких научных понятиях. В этой связи уместно показать общее значение научных понятий для разработки любой новой отрасли интегральной науки, имея при этом в виду, что в процессе

дифференциации в каждой отрасли знания действуют свои специфические понятия, свой специфический для данной отрасли знания язык, своя особенность понятийного аппарата <...> Формирование каждого нового понятия может служить основой создания теоретической системы» [там же: 8, 9].

Следует согласиться с тем, что, по мнению ученых, особое значение имеет положение об унифицированном языке судебного эксперта, считая его создание важнейшей задачей судебной экспертологии: «Судебная экспертология в этом плане, при разработке общенаучных понятий, объединяя в своей целостной системе научные основы самых различных судебных предметных наук, должна считать одной из своих важнейших задач выработку единого языка интегрированной теории судебных экспертиз, охватывающего общие научные понятия, присущие всем судебным предметным наукам и соответственно теории судебных экспертиз» [там же: 13]. Его выработка необходима в том числе для оптимизации решения экспертных задач, а именно их алгоритмизации: «Разработка единого языка судебного эксперта особенно необходима для предстоящего процесса по формализации решения экспертных задач, для их алгоритмизации» [там же: 14].

Развивая идею об унифицированном языке судебного эксперта, А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская подчеркивают необходимость сделать этот язык общепонятным для экспертов, следствия и суда: «Унифицируемый язык судебного эксперта должен быть одинаково понятным как судебным экспертам, так и следственным и судебным работникам» [там же: 13]. Положение об общепонятности унифицированного языка судебной экспертологии является особенно важным для настоящего диссертационного исследования.

Большим шагом к выработке такого унифицированного общепонятного языка судебного эксперта явилось создание и издание на базе ВНИИСЭ Минюста СССР в 80-х годах прошлого века серии словарей терминов судебной экспертизы: «Словаря основных терминов судебных экспертиз» (1980), а также словарей терминов отдельных родов экспертиз: судебно-почерковедческой экспертизы (1981), судебно-баллистической экспертизы (1984), судебно-технической экспертизы документов и судебной фототехнической экспертизы (1985); судебно-медицинской,

судебно-психиатрической, судебно-психологической экспертиз, судебно-трасологической экспертизы (1986); судебно-бухгалтерской и планово-экономической экспертиз, криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий, судебно-почвоведческой экспертизы (1987), автотехнической экспертизы (1988) и др.

По мнению авторов монографии 1997 года «Основы судебной экспертизы. Общая теория», создание этой серии словарей свидетельствует о «наличии специфического языка как общей теории, так и частных теорий в науке о судебной экспертизе и о органической связи как этих теорий, так и их языков» [Основы судебной экспертизы 1997: 64].

Дальнейшие исследования языка судебной экспертизы проходили в русле формирующейся науки о судебной экспертизе – общей теории судебной экспертизы, а затем – судебной экспертологии.

Авторы монографии «Основы судебной экспертизы. Общая теория» рассматривают язык общей теории судебной экспертизы как явление, еще только находящееся в стадии формирования: «Как всякая научная теория общая теория судебной экспертизы должна быть сконструирована из четких, однозначно воспринимаемых научных понятий, а ее язык в достаточной мере унифицирован хотя бы настолько, чтобы им могли пользоваться судебные эксперты различных специальностей, следователи, судьи» [там же: 62–63]. Действительно, в настоящее время, несмотря на разработанность теории судебной экспертизы, не все термины и понятия в ней являются однозначно определяемыми.

Т.В. Аверьянова в работе «Судебная экспертиза. Курс общей теории», в которой предложена модельная структура общей теории судебной экспертизы, рассматривает как особый раздел этой структуры учение о средствах и формах коммуникативной деятельности при производстве судебных экспертиз и информационных процессах. Центральной частью этого учения является «язык эксперта, система экспертных понятий и обозначающих их терминов, проблемы формализации экспертного языка и компьютеризации на этой основе судебных экспертиз» [Аверьянова 2006: 103]. Вслед за Р.С. Белкиным Т.В. Аверьянова выделяет в качестве источников языка судебной экспертизы три категории: естественный язык, язык

науки и формализованный язык [там же: 106].

Развивая тему унифицированного общепонятного языка судебной экспертизы, Т.В. Аверьянова поднимает проблему языка заключения эксперта в аспекте адресата экспертного заключения: «Адресатом экспертного заключения является следователь, суд. Именно им предназначены выводы эксперта, они должны оценить заключение: его научную обоснованность, полноту, достоверность результатов исследования и др. А для того чтобы оценить, они должны его понять. Между тем наблюдается процесс интенсивного усложнения экспертных исследований, применяемых экспертами методов, использования все более сложных технических средств исследования. Лицу, не обладающему специальными знаниями в соответствующей области, все труднее становится оценивать ход и результаты экспертных исследований» [там же: 110]. Вместе с тем, по мнению Т.В. Аверьяновой, решить эту проблему путем упрощения языка судебного эксперта невозможно: «Эксперт не должен упрощать научный язык, исключая из него принятые символы, знаки. Это было бы вульгаризацией научного языка, так же недопустимой, как и вульгаризация естественного языка экспертного заключения. Однако при необходимости он может привести в заключении объяснение принятых символов» [там же: 113]. То есть Т.В. Аверьянова допускает решение проблемы адресата экспертного заключения путем дополнительного объяснения, разъяснения каких-либо элементов, используемых экспертом в исследовательской части. Л.Г. Эджубов назвал такой способ решения указанной проблемы приемом «двойного описания»: «Суть его состоит в том, что эксперт детально описывает проведенные исследования с использованием необходимого набора технических терминов и понятий, а затем эти результаты исследований повторно поясняет, адаптируя их для восприятия всеми участниками процесса» [Эджубов 2012: 437].

Е.Р. Россинская в разработанной ею модели современной судебной экспертологии выделяет учение о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта [Россинская 2015: 17].

Придерживаясь положения о трех видах языка, составляющих язык судеб-

ного эксперта (естественный язык (общеупотребительный), язык науки (специализированный), формализованный язык (символический, знаковый)), авторы концепции современной судебной экспертологии Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина и А.М. Зинин, полагают, что целесообразно на современном этапе говорить о синтезе всех трех видов языков, обслуживающих судебно-экспертную деятельность [Россинская, Галяшина, Зинин 2016: 58]. Следует согласиться с данным положением, поскольку оно, по нашему мнению, является более корректным с точки зрения науки о языке, нежели идея о трех видах языка, используемых в судебной экспертизе.

Развивая положение о системе экспертных понятий, авторы концепции современной судебной экспертологии полагают, что термины и понятия, входящие в язык судебного эксперта, неоднородны в связи с межотраслевым, интегративным характером самой судебной экспертологии: «...судебная экспертология должна использовать соответствующий междисциплинарный терминологический аппарат» [там же: 59]. При этом, по их мнению, задачей общей теории судебной экспертологии является упорядочение терминологии, ее систематизация и унификация, что обусловлено многозначностью, нечеткостью, расплывчатостью терминов вследствие того, что многие термины используются в разных науках [там же].

Язык судебной экспертизы в аспекте тенденций формирования и развития рассматривается нижегородскими учеными В.А. Юматовым, Т.В. Радбилем, О.А. Нестеровой. В основу их исследований языка судебной экспертизы положены тенденции развития языка криминалистики, обозначенные Р.С. Белкиным. По мнению В.А. Юматова и О.А. Нестеровой, с целью более эффективного развития языка судебной экспертизы его необходимо вести под контролем лингвистов: «...чтобы задать языку (а в нашем случае – языку криминалистики и судебной экспертизы) полезное для человека направление развития, нужно этот процесс поставить под контроль лингвистов. Таким образом, наши рекомендации заключаются в том, что указанные выше тенденции развития языка криминалистики и судебной экспертизы должны протекать под направляющим и корректирующим контролем со стороны ученых-лингвистов» [Юматова, Нестерова 2014: 257]. Это касается прежде всего

унификации терминологии, систематизации понятий и определений языка судебной экспертизы путем создания тезаурусов. Как подчеркивают Т.Б. Радбиль и В.А. Юматов, на настоящий момент создан номинативный тезаурус – «Словарь основных терминов судебных экспертиз» (М.: СУДЭКС, 2009. 114 с.), затем должен быть создан функциональный тезаурус, а в конечном счете – полный тезаурус, «где главной целью будет являться повышение точности и полноты классификации за счет максимально полного учета всех возможных, в том числе междисциплинарных, связей и отношений систематизированных объектов с условиями их возникновения, функционирования, развития» [Радбиль, Юматов 2014: 188]. С точки зрения о необходимости контроля развития языка криминалистики и судебной экспертизы со стороны ученых-лингвистов, по нашему мнению, вряд ли можно согласиться, поскольку в данном случае мы имеем дело не с лингвистическими терминами и понятиями.

Вместе с тем нельзя не согласиться с точкой зрения Т.Б. Радбиля и В.А. Юматова о том, что язык науки, являющийся одним из источников языка судебной экспертизы, необходимо рассматривать как метаязык, т.е. «специально созданная, во многом искусственная знаковая система описания предмета научных исследований» [там же: 186], дополняющая естественный язык терминами. Исследователь языка научного общения в лингвистическом аспекте, в том числе метаязыка, Н.Б. Гвишиани отмечает, что метаязык является языком «второго порядка», т.е. языком описания естественного языка, инвентаризации терминов (понятий и номенклатур) [Гвишиани 1998: 297]. Она выделяет 3 основных аспекта метаязыка – «1) собственно термины; 2) своеобразные сочетания слов; 3) определенный социолингвистический аспект» [Гвишиани 1986: 46], которые в целом соотносятся с существующим пониманием языка современной судебной экспертологии как отрасли науки.

Большой вклад в развитие учения о языке судебной экспертологии внесли ученые Тульского государственного университета Т.В. Толстухина, А.А. Светличный и Д.В. Панарина. Ими дано принципиально новое определение языка судебной экспертизы как межотраслевого института: «Язык судебной экспертизы – это спе-

циальная знаковая система, выступающая средством реализации научного и практического мышления, обусловленного методологией судебной экспертизы, и понятийно согласуемая с общей системой судопроизводства» [Толстухина, Светличный, Панарина 2019: 651]; «Язык судебной экспертизы – это сложное системное комплексное понятийно-терминологическое образование, имеющее постоянно развивающуюся и совершенствующуюся структуру, выступающее способом и средством осуществления судебно-экспертного научного мышления, обусловленного объектом и задачами исследования в конкретной области, и понятийно согласуемое с общей системой судопроизводства» [Панарина 2017: 149]. В обоих определениях языка судебной экспертизы ученые отмечают его понятийную согласованность с общей системой судопроизводства, что, на наш взгляд, является верным и важным с точки зрения места судебно-экспертной деятельности в системе судопроизводства, а также связи судебной экспертологии со смежными процессуальными науками.

Т.В. Толстухина, А.А. Светличный и Д.В. Панарина подчеркивают строгость и однозначность языка общей теории судебной экспертизы в отличие от языка криминалистики и процессуального права: «Более строгим и однозначным следует признать язык общей теории судебной экспертизы, поскольку он более формализован, представляет собой симбиоз языкового множества наук и по своей природе является неким интегрированным явлением, вобрав в себя термины и определения естественных, технических, экономических, искусствоведческих, химических и других наук, сопровождаемых юридическими положениями и нормами» [Толстухина, Светличный, Панарина 2019: 650].

Исследование языка судебной экспертизы этими учеными проводилось в различных аспектах. Особого внимания заслуживает рассмотрение этого феномена в аспекте терминоведения. По их мнению, «языковая политика общей теории судебной экспертизы должна быть выстроена в соответствии с принципами общего терминоведения, образуя свою специальную терминосистему, и должна быть органично интегрирована в общую терминологическую систему юридических наук»

[Толстухина, Светличный, Панарина 2018: 59]. В соответствии с принципами терминоведения ученые выделяют следующие направления развития системы терминологии общей теории судебной экспертизы: инвентаризация терминов (сбор, описание и систематизация терминов), унификация терминов (упорядочение, стандартизация, редактирование терминов) и терминография (создание словарей, разработка стандартов терминов и определений, создание банков терминов) [там же: 53–54].

Перечисленные направления развития общей теории судебной экспертизы подробно освещены в единственном на настоящий момент диссертационном исследовании, посвященном проблеме языка судебной экспертологии, – кандидатской диссертации Д.В. Панариной «Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы» [Панарина 2018]. В данном диссертационном исследовании автором выявлены закономерности развития языка общей теории судебной экспертизы, связанные «с изменением терминов и определений, обусловленным развитием и изменением знания о предмете и объекте общей теории судебной экспертизы; с внедрением в экспертную практику инновационных технологий и знаковых систем языка; с изменением нормативных требований, предъявляемых к языку науки; с развитием языка смежных процессуальных юридических наук и криминалистики» [там же: 187]. Д.В. Панариной также предложены основные тенденции развития языка судебной экспертологии на современном этапе: «инвентаризация терминов; их унификация и терминография; разработка систематизированного знания о языке общей теории судебной экспертизы» [там же].

В работах Е.И. Галяшиной, представляющих особый интерес для настоящего диссертационного исследования, язык судебной экспертологии рассматривается в аспекте разработанной ею концепции судебного речеведения. Ею дается следующее определение языка экспертизы – «система общих и частных признаков, выражаемых определениями и обозначениями (терминами, знаками). <...> Язык экспертизы призван унифицировать термины, общие для всех классов, родов экспертиз, обеспечивать постоянное пополнение и обновление терминов в частных теориях

родов судебных экспертиз, развивать формализованный язык в целях математизации и компьютеризации производства экспертиз» [Галяшина 2020: 319].

Е.И. Галяшина по отношению к языку судебного эксперта совершенно справедливо использует распространенное в научной литературе понятие «язык для специальных целей»/«специальный язык»: «выделение такого понятия, как специальный язык, язык специальных знаний (метаязык судебной экспертной деятельности), связано с историческим разделением труда и необходимостью общения на профессиональные темы. Язык эксперта является специальным языком, реализуемым на практике в виде заключения эксперта (специалиста) и его показаниями в ходе допроса» [там же: 264].

Как отмечает Е.И. Галяшина, к языку эксперта как специальному языку предъявляется ряд требований, прежде всего ориентация на адресата, доступность для понимания любому лицу, однозначность понимания: «Заключение составляет лицо, обладающее специальными знаниями и использующее эти знания для достижения поставленной цели – ответа на вопросы. Используя язык науки либо иной специальный язык, эксперт должен учитывать возможность восприятия данного заключения. Формализация и унификация языка экспертного заключения – закономерный процесс, позволяющий более эффективно использовать данный вид доказательства» [там же: 270].

Упомянутая Е.И. Галяшиной унификация языка судебной экспертизы ею и многими другими учеными рассматривается как одна из современных тенденций развития языка судебной экспертологии. В связи с этим на современном этапе исследования языка этой науки связаны с таким трендом в области судебно-экспертной деятельности, как стандартизация.

Как подчеркивает О.А. Крестовников, стандартизация терминологии судебной экспертизы благотворно скажется на развитии языка общей теории судебной экспертизы в целом: «В этой связи справедливо ставить вопрос о необходимости упорядочения и стандартизации (международной в том числе) терминологии судебной экспертизы, судебно-экспертной деятельности, т.е. о разработке общей концепции терминологической деятельности, что поспособствовало бы развитию

языка общей теории судебной экспертизы, разработке специализированных тезаурусов, единых баз данных и стандартов проведения экспертиз, а также внедрению их результатов в практическую деятельность» [Крестовников 2018: 26–27].

Говоря о стандартизации терминологии судебно-экспертной деятельности, С.Н. Нефедов подчеркивает важность этого процесса для судопроизводства: «Термины в судебной экспертизе – это не только средства коммуникации экспертов, это также язык общения и взаимодействия эксперта со всеми участниками процесса, от которого зависят правильность понимания результатов экспертизы и решение наиболее сложных проблем и ситуаций, возникающих в ходе следствия и судебного разбирательства» [Нефедов 2016: 62].

А.И. Усов, Г.Г. Омелянюк и Е.В. Чеснокова в связи с проблемой стандартизации судебно-экспертной деятельности отмечают необходимость выработки единого технического языка судебной экспертизы: «Основной задачей на современном этапе развития отношений с международным сообществом является выработка единого технического языка, включая терминологию в области судебной экспертизы» [Усов, Омелянюк, Чеснокова 2019: 59]. Вместе с тем данный вопрос является проблемным – имеют место трудности соотнесения терминов и определений международного стандарта и терминологии отечественной судебной экспертологии, что, как справедливо отмечает Е.В. Чеснокова, обусловлено двумя факторами: «относительностью сформированности отечественной терминологии в теории судебной экспертизы и особенностями перевода некоторых английских терминов» [Чеснокова 2019: 45].

В настоящее время в России и мире в этом направлении ведется довольно активная работа. Так, Техническим комитетом по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» разработаны 8 национальных стандартов России: ГОСТ Р 57343-2016 «Судебная молекулярно-генетическая экспертиза. Термины и определения», ГОСТ Р 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения», ГОСТ Р 57428-2017 «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения», ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения», ГОСТ Р 58081-2018 «Судебно-экологическая экспертиза.

Термины и определения», ГОСТ Р 58332-2018 «Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения», ГОСТ Р 58794-2020 «Судебная экспертиза маркировочных обозначений. Термины и определения», ГОСТ Р 58828-2020 «Судебная экспертиза волокнистых материалов и изделий из них. Термины и определения», действующие в настоящее время.

Кроме того, уже приняты две части международного стандарта ИСО 21043-1:2018, первая из которых – «Судебная экспертиза – Часть 1: Термины и определения» (Forensic sciences – Part 1: Terms and definitions) – имеет прямое отношение к языку судебной экспертизы, а именно к терминологической системе такого языка. В нем даются определения таким базовым терминам судебной экспертизы, как «examination», «forensic», «document» и т.п.

Если говорить об исследованиях языка судебной экспертизы, проводимых за рубежом, то в целом они заключаются в стандартизации и фиксации терминов. Так, помимо вышеуказанного международного стандарта, можно отметить множество словарей судебной экспертизы различных родов и видов, выпущенных в разных странах. Например, J.C. Brenner «Forensic Science Glossary» (1999), J.C. Brenner «Forensic Science: An Illustrated Dictionary» (2003), W.J. Tilstone, K.A. Savage, L.A. Clark «Forensic Science: An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques» (2006), S. Bell «A Dictionary of Forensic Science» (2012), «Dictionary of Forensic Psychology» ed. by G. Towl, D.P. Farrington, D. Crighton, G. Hughes (2013).

Исследования языка судебной экспертизы за рубежом в целом не проводятся. При этом язык права активно изучается начиная с 60–70-х гг. прошлого века в рамках прикладной лингвистики. Существует целое направление, исследующее различные сферы юридического языка. В английской традиции данное направление обозначается различными терминами: language and law, legal language, legalese и др. Среди работ можно выделить такие издания, как D. Mellinkoff «The Language of the Law» (2014), J. Gibbons, V. Prakasam «Language in the Law» (2004), «The Oxford Handbook of Language and Law» ed. by P.M. Tiersma, P. Tiersma, L. Solan (2012), J. Mowbray «Linguistic Justice: International Law and Language Policy» (2012) и мн. др.

Итак, проведенный обзор работ, посвященных исследованию языка судебной

экспертологии, показал, что данный язык представляет собой сложный и многогранный феномен, связанный со всеми аспектами судебно-экспертной деятельности.

1.2. Система понятий как метаязык судебной экспертологии

Как отмечалось в предыдущем параграфе, язык судебной экспертологии в основном определяется учеными как система понятий. Не является исключением и понимание языка судебной экспертизы Л.Г. Эджубовым: «Язык судебной экспертизы – система общих и частных понятий и правил их использования, предназначенная для оптимального и эффективного проведения экспертного исследования, описания этого процесса и представления его результатов» [Эджубов 2012: 434]. В данном емком определении языка судебной экспертизы, с одной стороны, акцентируется внимание на использовании системы понятий в целях создания основного продукта судебно-экспертной деятельности – заключения эксперта, с другой стороны, в нем затронуты все аспекты судебно-экспертной деятельности, задействованные в создании этого продукта. Таким образом, понятия буквально пронизывают всю систему судебной экспертологии, образуя свою специфическую систему терминов и понятий, организуя метаязык судебной экспертологии как науки, отличающий ее от смежных юридических наук – криминалистики и процессуального права.

Многие ученые отмечают интегрированность судебной экспертологии как науки² и обусловленную этим неоднородность входящих в состав этой науки понятий и терминов. В этой связи Д.В. Панарина отмечает: «Язык общей теории судебной экспертизы представляет собой симбиоз множества наук и по своей природе является неким интегрированным явлением, вобрав в себя термины и определения

² Например, А.В. Нестеров применительно к науке о судебной экспертизе использует термин «синтетическая наука» [Нестеров 2007]; Т.В. Толстухина, А.А. Светличный и Д.В. Панарина говорят о судебной экспертизе как о межотраслевом институте [Толстухина, Светличный, Панарина 2019].

естественных, технических, экономических, искусствоведческих, химических и других наук, обогатив его юридическими положениями и нормами» [Панарина 2017: 145]. О неоднородности используемого судебной экспертологией терминологического и понятийного аппаратов свидетельствуют и существующие модели общей структуры судебной экспертологии (см., например, [Россинская 2015: 17; Дьяконова 2015: 98–99; Дьяконова 2017: 473]), в целом отражающие синтетическую природу этой науки.

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская видят причину этой неоднородности в том, что источником понятийного аппарата судебной экспертологии являются экспертная, следственная и судебная практика: «Следует подчеркнуть, что базисом понятийного аппарата экспертологии является экспертная, следственная и судебная практика, которая получает свое отражение и теоретически реализуется в научных понятиях» [Винберг, Малаховская 1979: 11], а также многие области знания, задействованные для решения экспертных задач: судебная экспертология, по их мнению, «вбирает в себя научные основы многочисленных отраслей знаний – предметных судебных наук, отражающих все усиливающуюся тенденцию комплексного исследования вещественных доказательств, а также применение современных возможностей химии, физики, биологии, кибернетики, математики и других наук при изучении различных объектов исследования судебных экспертиз и необходимых для решения экспертных задач. Общенаучные понятия целенаправлены на синтез знания, на интегративные науки. Наряду с философскими категориями они содействуют объединению предметов различных наук в нечто цельное» [там же: 12].

Неоднородность терминологического и понятийного аппаратов судебной экспертологии отражена и в классификациях терминов и понятий этой науки. По мнению авторов монографии «Основы судебной экспертизы», система терминов языка судебной экспертизы включает в себя 3 основных элемента:

- 1) общеупотребительные эмпирические и теоретические термины, в равной мере используемые и в иных теориях;
- 2) заимствования из языка специализированных экспертных наук;

3) специальные термины языка судебной экспертизы как специфической области знания [Основы судебной экспертизы 1997: 63].

Подобная классификация терминов и понятий языка судебной экспертизы приведена и в работах [Аверьянова 2006: 106; Галяшина 2020: 267–268].

Несколько иная, более полная, по нашему мнению, классификация терминов и понятий судебной экспертологии предложена Д.В. Панариной. Согласно этой классификации термины и понятия судебной экспертизы выделяются по двум основаниям: область научного действия терминов и понятий и нормативное закрепление терминов. Исходя из этого Д.В. Панарина выделяет 6 видов понятий и терминов (см. рис. 1).

Рис. 1. Классификация понятий и терминов общей теории судебной экспертизы, предложенная Д.В. Панариной [Панарина 2018: 88].

В данной классификации, в отличие от приведенных выше классификаций, отдельно рассматриваются термины и понятия, относящиеся к процессуальному праву (процессуально закреплённые понятия и термины), что в целом соответствует выдвинутому Д.В. Панариной положению о наличии в настоящее время объ-

ективных оснований для формирования единого межотраслевого терминологического поля – «общей сферы процессуального права, криминалистики, общей теории судебной экспертизы и связанных с ней прикладных наук, образующей единое образное применение, использование и восприятие их терминологии» [там же: 90].

Ученые отмечают относительную устойчивость системы понятий языка судебной экспертологии, несмотря на происходящие изменения в ее элементах. Н.П. Майлис в этой связи подчеркивает следующее: «одни понятия уточняются, развиваются, другие изменяются, появляются новые понятия и категории. Тем не менее, эти изменения не затрагивают существенным образом принципов общей теории судебной экспертизы и ее основных категориальных понятий» [Майлис 2004: 39]. Следует согласиться с Н.П. Майлис, поскольку, действительно, относительно неизменными остаются основные процессуально закрепленные понятия («эксперт», «специалист», «судебная экспертиза», «комплексная экспертиза» и т.п.), общенаучные понятия (например, «анализ», «синтез», «эксперимент»), а также специальные термины судебной экспертологии («предмет экспертизы», «экспертная задача», «экспертная профилактика», «экспертная инициатива» и т.п.). Относительность неизменности основных категориальных понятий объясняется имеющими место несоответствиями, а также лакунами в действующем отраслевом процессуальном законодательстве относительно процессуально закрепленных понятий. Например, одним из таких процессуально закрепленных понятий является понятие «комплексная экспертиза» (см., например, [Усов, Эджубов, Микляева, Карпухина 2015], [Панарина 2018: 121–128]). Относительность неизменности специальных терминов судебной экспертологии обусловлена несоответствиями, например, названий родов судебных экспертиз в разных ведомствах, дублированием терминов и др. (см., например, [Аверьянова 2006: 115–117; Толстухина, Светличный, Панарина 2018: 56]).

Наряду с этим в метаязыке судебной экспертологии наблюдается постоянно идущий процесс терминологического обогащения за счет появления понятийных и терминологических новаций, что, как справедливо отмечает Л.Г. Эджубов, «обеспечивается внутренним развитием самой судебной экспертизы» [Эджубов 2012:

437]. Появление новых понятий и терминов в судебной экспертологии происходит, по мнению ученого, прежде всего в результате т.н. лексического заимствования: «достаточно часто новые термины появляются в результате лексического заимствования из других научных областей, которые используются судебной экспертизой. Прежде всего, это связано с внедрением в практику проведения экспертизы таких научных дисциплин, как математика, физика, химия, информационные технологии и пр. Чаще всего этот процесс касается конкретных видов экспертиз, однако он достаточно заметно обогащает и теорию судебной экспертизы» [там же].

Еще большее значение новым понятиям в судебной экспертологии придают А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская. По их мнению, новые понятия в науке могут служить основой для теоретической системы: «Формирование каждого нового понятия может служить основой создания теоретической системы. <...> Научные понятия призваны отражать существенные свойства и их проявления в системе признаков, связи и взаимосвязи, формировать систему приемов, методов и средств для систематизации существующей фактологии. В данном аспекте понятие включает в себя принципиально новое содержание и создает возможность объединить в границах теоретической системы самые разнообразные и, казалось бы, противоречивые и эмпирические данные» [Винберг, Малаховская 1979: 9–10].

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская рассматривают научные понятия в аспекте появления междисциплинарной науки судебной экспертологии как фундамент, базис для каждого рода судебных экспертиз: «В интегральной отрасли научного знания – судебной экспертологии – научные понятия и язык судебной экспертизы должны быть строго унифицированы, охватывать общие научные положения, в одинаковой мере относящиеся к каждой предметной экспертной науке, к каждой отрасли знания, на которой базируются соответствующие судебные экспертизы как вид практической деятельности» [там же: 9]. При этом интегративный характер судебной экспертологии обуславливает и междисциплинарный, промежуточный характер некоторых понятий этой науки, базирующейся на общенаучных понятиях, которые «способствуют переносу знания из одной специальной науки в другую.

При этом общенаучные понятия, используемые в частной науке, трансформируются в категориальный аппарат специальной науки, в котором и функционируют как особый вариант более общего понятия» [там же: 11]. В качестве иллюстрации этого положения ученые приводят примеры понятия «идентификационное поле», полученного в результате трансформации общенаучного понятия «информационное поле», а также понятия «диагностическая экспертиза» и «ситуационная экспертиза», заимствованные из других областей знаний. А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская подчеркивают: «Интеграция знаний вызывает унификацию научных понятий, рождение новых понятий, имеющих синтетический характер – общий для ряда отраслевых, предметных наук» [там же: 25].

О междисциплинарном характере экспертных понятий до А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской писал А.Р. Шляхов в статье «Повышение роли судебной экспертизы»: «Трудности состоят и в том, что многие термины в области судебной экспертизы содержат синтез двух начал (сторон): юридических и естественнонаучных» [Шляхов 1978: 87].

Такие междисциплинарные понятия составляют теоретическую, концептуальную основу некоторых родов судебной экспертизы, прежде всего комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы и судебной психологической экспертизы, в которых такие понятия традиционно называются «экспертными». Будучи употребленным в кавычках, слово «экспертные» свидетельствует об условности этого термина, большей частью указывает на область применения, функционирования этих понятий, противопоставление их одноименным юридическим понятиям и категориям базовых наук.

Данные «экспертные» понятия также входят в систему понятий судебной экспертологии, являются полноправным элементом ее метаязыка. Исходя из этого, по нашему мнению, метаязык судебной экспертологии в аспекте ее понятийного аппарата составляют общенаучные понятия, частонаучные понятия (понятия из различных отраслей знания), специальные понятия языка судебной экспертологии как науки, правовые понятия (прежде всего понятия процессуального законода-

тельства о судебно-экспертной деятельности), а также так называемые «экспертные» понятия – междисциплинарные, промежуточные понятия, полученные в результате трансформации данных базовых наук (см. рис. 2).

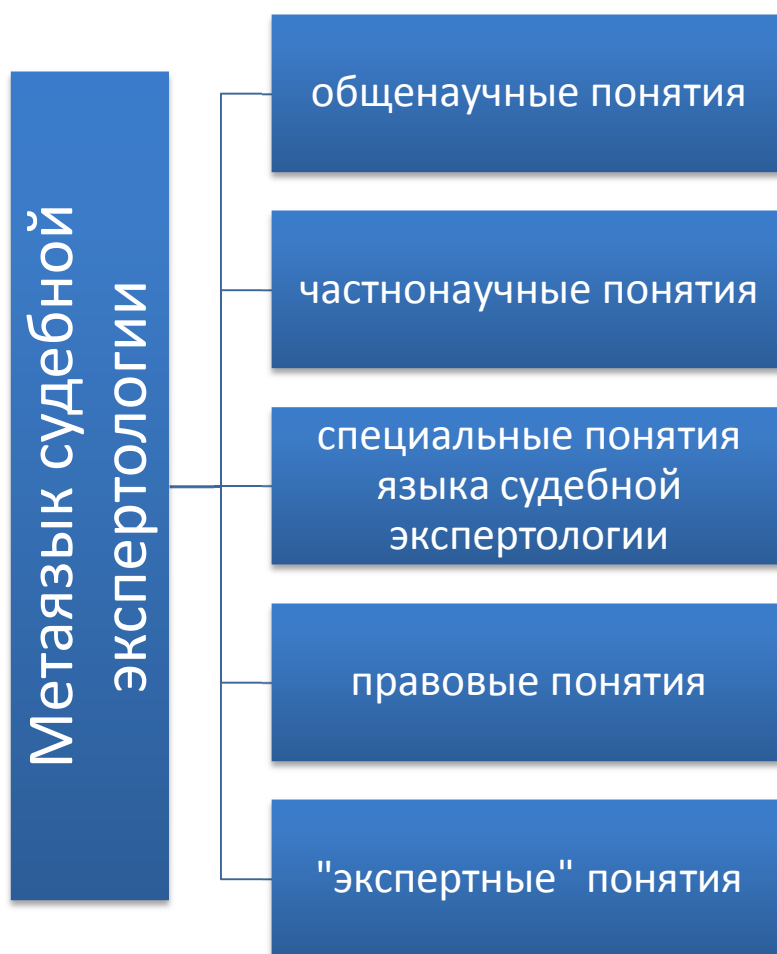

Рис. 2 Структура метаязыка современной судебной экспертологии

Для целей настоящего диссертационного исследования особый интерес представляют последний из выделенных нами элементов метаязыка судебной экспертологии – «экспертные» понятия. В связи с этим рассмотрим подробнее «экспертные» понятия как особый вид этих категорий, входящих в систему понятий метаязыка судебной экспертологии, в следующем параграфе.

1.3. Сущность категории метаязыка судебной экспертологии ««экспертные» понятия»

Итак, в современной судебной экспертологии термин «экспертное понятие» понимается двояко. С одной стороны, данный термин рассматривается широко –

как основная категория метаязыка судебной экспертологии, т.е. как понятия, характерные для данной науки в целом и составляющие систему понятий этой науки. С другой стороны, термин «экспертные понятия» имеет более узкое понимание – как междисциплинарные, промежуточные понятия, полученные в результате трансформации данных материнских наук в зависимости от юридического значения. Такое понимание экспертного понятия характерно лишь для части родов (видов) судебной экспертизы, в которых связь между базовой наукой и судебной экспертизой является опосредованной, т.е. «когда данные материнских наук трансформируются в специальные познания предметной судебной науки» [Винберг, Малаховская 1979: 61]. В этой связи В.А. Полянская, основываясь на идеях А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской о непосредственной и опосредованной связи судебных наук с материнскими науками, характерной для системы родов и видов экспертиз, отмечает следующее: «К непосредственным относятся связи между базовыми науками и судебными экспертизами. В отличие от экспертиз с опосредованными связями, производство экспертиз с непосредственными связями осуществляется на базе исключительно базовых (материнских) специальных знаний. В этих случаях нет специальных экспертных понятий, которые появляются в связи с потребностями экспертной практики. К таким относятся, например бухгалтерская, товароведческая и др. экспертизы» [Полянская 2010: 248–249].

В ряде родов (видов) экспертиз данный термин хотя и не используется, при этом такие междисциплинарные, синтетические категории, как «экспертные» понятия, в них имеются. Например, В.В. Козлов, говоря о понятии «телесное повреждение» применительно к судебно-медицинской экспертизе, пишет следующее: «Оно должно быть свободно от юридических признаков, установление которых не входит в компетенцию судебно-медицинской экспертизы, и в то же время характеризоваться такими признаками, которые, не противореча медицинским понятиям и представлениям, находились бы в соответствии с требованиями закона и правовой практики» [Козлов 1969].

Подобные категории рассматривались применительно и к иным родам экспертиз. Например, понятие «монтаж» в криминалистической экспертизе видео- и

звукозаписей (фоноскопической экспертизе) [Галяшина 2005], «контрафактность» в судебной компьютерно-технической экспертизе [Денявский 2008] и в судебной товароведческой экспертизе [Павлова 2017], «стоимость» в финансово-экономической экспертизе [Хазиев 2019] и др. В приведенных работах данные категории большей частью рассматриваются как «экспертные» понятия. В некоторых случаях при них используется понятие «признак» («признаки монтажа», «признаки контрафактности» и под.), которое служит маркером того, что эти понятия используются и понимаются не как юридические термины, а как понятия экспертные.

Термин «“экспертные” понятия», обозначающий некую междисциплинарную категорию, впервые был введен в рамках теории комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы А.Н. Лавриновичем и А.С. Голевым в конце 1980-х гг. [Лавринович, Голев 1989]. В дальнейшем в судебной психологической экспертизе и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе была разработана теория экспертных понятий (см., например, [Кудрявцев 1988; Ситковская 1998; Дозорцева 2009; Сафуанов 2014; Харитоновна, Русаковская 2018]), составляющая теоретические и методологические основы данных родов экспертиз и судебно-психологической экспертологии.

Вместе с тем категория, подобная термину «экспертные понятия», ранее была разработана в судебной экспертизе за рубежом, прежде всего в судебной психиатрической экспертизе.

Так, в 1973 г. междисциплинарной исследовательской группой, возглавляемой психиатром А. Louis McGarry, в связи с разработкой специализированного инструмента для оценки правоспособности гражданина впервые была предложена идея, заключающаяся в том, чтобы правовые критерии правоспособности «были с точностью переведены в психологические и клинические термины и повторно переведены в соответствующие юридически ориентированные данные» [Competency to stand trial and mental illness 1973: 4]. Анализируя правовые нормы, эта группа исследователей выявила три больших класса способностей, соотносимых с определением правоспособности предстать перед судом. Ученые перевели эти юридические понятия в 13 психологических «функций», или когнитивных, поведенческих

и интеллектуальных конструктов, которые считались важными факторами для описания роли обвиняемого в условиях судебного разбирательства (например, «качество отношений с адвокатом», «понимание судебного процесса» и др.). Затем эти функции были использованы для создания двух инструментов оценки: инструмента оценки правоспособности и скринингового теста правоспособности. При этом, как полагали ученые, эти инструменты должны быть использованы в сочетании с другими клиническими методами для определения связи между «психологическими и клиническими терминами» («psychological and clinical terms») и «юридическими критериями дееспособности» («legal criteria for competence») [Ibid.].

В 1980-х гг. другие ученые вслед за междисциплинарной исследовательской группой, возглавляемой психиатром А. Louis McGarry, разрабатывали инструменты для оценки не только правоспособности гражданина предстать перед судом, но и других юридически релевантных способностей. Так, Т. Grisso разработал несколько инструментов для оценки способности несовершеннолетних и взрослых давать показания [Grisso 1981]; L. Weithorn, а также L. Roth, С. Lidz, А. Meisel и др. исследовали методы оценки способности давать согласие на лечение [Weithorn 1980; Roth, Lidz, Meisel, Soloff, Kaufman, Spike, & Foster 1982]. Каждый из этих ученых стремился разработать стандартизированные количественные методы, с помощью которых можно было бы исследовать аспекты поведения и человека, имеющие прямое отношение к вопросам права.

Наибольший интерес для нашего исследования представляют работы Т. Grisso. Он предложил так называемые «методы судебно-экспертной оценки» – «Forensic Assessment Instruments» (FAIs) [Grisso 2003: 43], специально разработанные или адаптированные из других областей психологии. По его мнению, «FAIs могут улучшить нашу способность концептуализировать отношения между юридическими определениями способностей и психологическими конструктами, связанными с человеческими способностями» [Ibid.].

В своей работе Т. Grisso показывает соотношение юридических конструктов и психологических конструктов в виде модели. На верхнем уровне модели пред-

ставлены концептуальные определения («concept definitions»): (А) представляет собой правовой конструкт («legal competence construct»), отраженный в правовых нормах, постановлениях, прецедентах, (В) – психологические конструкты («psychological constructs»), определяемые теорией психологии и экспериментальными психологическими исследованиями, (С) является психологическим определением юридически релевантных функциональных способностей («psychological definitions of legally relevant functional abilities»), которые были логически выведены из анализа правового конструкта. Эти юридически значимые способности, в свою очередь, концептуализируются как связанные с такими основными психологическими конструктами (В), как «интеллект», «память» и др. Таким образом, конструкт функциональной способности (С) понимается как концептуальная связь между правовым конструктом (А) и основными клиническими или психологическими конструктами (В).

На нижнем уровне модели представлены так называемые операциональные определения («operational definitions»), соотнесенные, с одной стороны, с психологическими конструктами – (В') – методы клинической (психологической) оценки («clinical assessment instruments»), с другой стороны, с психологическим определением юридически релевантных функциональных способностей – (С') – методы судебно-экспертной оценки («forensic assessment instruments»). При этом методы судебно-экспертной оценки связаны с методами клинической (психологической) оценки, поскольку многие методы судебно-экспертной оценки получены в результате адаптации, трансформации методов клинической (психологической) оценки [Ibid.: 45–46].

Концептуальную основу теории экспертных понятий, разработанной отечественными учеными, составили принципы судебной экспертологии, отраженные в труде А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской «Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз)», прежде всего принцип сравнительного экспертоведения, объясняющий, «как данные материнских фундаментальных (базовых) наук трансформируются в систему специальных по-

знаний в предметной науке, как эти познания реализуются в практической экспертной деятельности при производстве судебных экспертиз» [Винберг, Малаховская 1979: 8].

По мнению М.М. Коченова, экспертные понятия в судебной психологической экспертизе представляют собой психологическое содержание отдельных правовых понятий, «описывающих поведение людей и его внутренние механизмы, фиксирующих временные психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов» [Коченов 1991].

Ф.С. Сафуанов экспертные понятия определяет как такие судебно-психологические понятия, которые «занимают промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и юридическими терминами. Они не могут быть заимствованы в неизменном виде из теории психологии, поскольку связь судебно-психологической экспертизы с общей психологией всегда опосредована: общепсихологические понятия не содержат никакой информации об их юридической значимости <...> В то же время «экспертные» судебно-психологические понятия нельзя признать и полностью правовыми – они носят междисциплинарный характер» [Сафуанов 2014: 112, 113]. Ученый подчеркивает, что «с семиотической точки зрения экспертные понятия обеспечивают коммуникацию между двумя разными языками: психологическим и юридическим» [Сафуанов 2020: 42] – в данном случае Ф.С. Сафуанов акцентирует внимание на аспекте языка судебной экспертологии, значимом для настоящего диссертационного исследования.

Подчеркивая такую важную особенность экспертных понятий, как юридическое значение, Ф.С. Сафуанов отмечает: «юридическое (доказательственное) значение для суда имеют заключения экспертизы, определяющие не правовые нормы, имеющие психологическое содержание, с одной стороны, и не диагностируемые экспертом общепсихологические явления, с другой, а экспертные понятия, которые могут служить основанием для правового определения обстоятельств материально-правового характера» [Сафуанов 2011], «которые, не теряя своей психологической сущности, адаптированы к правоприменению» [Сафуанов 2020: 40]. Тем самым ученый подчеркивает значимость экспертных понятий в аспекте эффективности

применения специальных знаний, поскольку они позволяют учитывать правовые последствия заключения эксперта, его юридическое значение.

Так, Ф.С. Сафуанов выделяет следующие правовые последствия использования экспертного заключения: «При всём разнообразии предметных видов экспертизы данные последствия сводятся либо к индивидуализации наказания, либо к квалификации определённых статей Уголовного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ и Семейного кодекса РФ, либо к ограничению участия в судопроизводстве подэкспертного лица» [там же: 40]. Исходя из выделенных ученым видов правовых последствий использования заключения эксперта по результатам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, прежде всего квалификации определённых статей законодательства, можно заключить, что использование экспертных понятий позволяет эксперту установить факт, стоящий ближе к предмету доказывания. Например, «использование экспертного установления аффекта у обвиняемого для судебного определения внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) – одного из признаков состава преступления по ст. 107; судебное определение беспомощного состояния потерпевшей как признака состава преступления по ст. 131³ на основе экспертного определения её неспособности понимать характер и значение действий обвиняемого или оказывать сопротивление обвиняемому в изнасиловании; <...> признание сделки недействительной при экспертном клинико-психологическом определении нарушения способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177) либо заблуждения (ст. 178)⁴» [там же: 40, 41]. В связи с этим положение о юридическом значении экспертных понятий и правовых последствий заключения эксперта имеет большое значение для теории и методологии других родов (видов) судебной экспертизы, схожих с судебной психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизами. Это в полной мере соответствует принципу сравнительного судебного экспертоведения как раздела методологии науки судебной

³ Имеются в виду ст. 107 и ст. 131 УК РФ

⁴ Имеются в виду ст. 177 и ст. 178 ГК РФ.

экспертологии [Винберг, Малаховская 1979: 56–62].

В соответствии с данным принципом для того чтобы экспертное понятие выработать, общепсихологическое понятие необходимо трансформировать или адаптировать. Ученые выделяют ряд способов такой трансформации.

По мнению О.Д. Ситковской, трансформировать общепсихологическое понятие можно следующим образом:

– введением «понятия-ограничителя», сужающего круг случаев использования понятия, по сравнению с тем кругом, на который оно распространяется в общей психологии;

– выделением из всего класса случаев, охватываемых соответствующими категориями общей психологии, более узкого круга, значимого для уголовного права. Например, из всего многообразия видов (модальностей) аффекта юридическую психологию интересуют аффекты гнева и страха;

– ограничением круга изучаемых параметров психологического явления. Например, понятие «личность» в судебной психологической экспертизе обозначает феномен с гораздо более ограниченным набором исследуемых качеств, нежели в общей психологии;

– углублением смысла понятий, поскольку значимыми оказываются те стороны предмета исследования, которые для общей психологии безразличны. Например, общепсихологические понятия «осознанно-волевое поведение», «аффект» и другие имеют в виду актуальные состояния; для юридической же психологии важной является ретроспективная оценка состояний;

– использованием дихотомий. Например, способность к осознанно-волевому поведению в уголовно-релевантной ситуации и неспособность к нему; понимание субъектом (потерпевшим) характера и значения действий, совершаемых в отношении него, и непонимание этого [Ситковская 1998: 41, 43, 44].

В концепции построения предметного вида судебно-психологической экспертизы Ф.С. Сафуанова выработка экспертного понятия, представляющего собой частный предмет указанного рода экспертизы, является одним из этапов разработки конкретного предметного вида экспертизы.

Так, ученый выделяет 3 этапа:

- анализ юридического значения;
- экспертологический анализ;
- психологический анализ [Сафуанов 2017; Сафуанов 2020: 40–42].

Выработка экспертного понятия происходит на этапе экспертологического анализа. В свою очередь, данный анализ проводится в два этапа:

- 1) анализ соотношения экспертных понятий и правовых норм;
- 2) анализ соотношения экспертных понятий и общепсихологических явлений [Сафуанов 2020: 41, 42].

Ф.С. Сафуанов выделяет 2 варианта анализа соотношения экспертных понятий и правовых норм, зависящие от формулировки нормы права: «Эти правовые нормы могут быть сформулированы на языке “профанного” дискурса, “житейских”, по терминологии Л.С. Выготского, понятий (например, как “нравственные страдания”, “заблуждение”, “привязанность ребенка к родителю” и т.п.), а могут представлять собой так называемые юридические критерии, которые, как правило, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности как отражения окружающего мира, так и регуляции поведения (“способность понимать значение своих действий или руководить ими”, “способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания”, “способность понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление виновному” и т.п.). При втором варианте экспертологический анализ сводится к трансформации юридического критерия в критерий «психологический». <...> В первом же варианте (правовая норма без юридического критерия) выделение судебно-психологического экспертного понятия происходит через более сложный и опосредованный анализ. Характерными примерами такого экспертологического анализа является соотнесение правовых и экспертных понятий в СПЭ по делам о компенсации морального вреда, по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка» [Сафуанов 2017: 231].

В своих работах Ф.С. Сафуанов приводит примеры соотношения правовых и

экспертных понятий при наличии юридического критерия и при отсутствии такового (см. табл. 1).

Таблица 1. Соотношение правовых и экспертных понятий в судебной психологической экспертизе (СПЭ)

Предметный вид СПЭ	Способность потерпевшего по половым преступлениям оказывать сопротивление	Аффект
Юридическое значение	Квалификация ст. 131 (Изнасилование) и ст. 132 (Насильственные действия сексуального характера)	Квалификация ст. 107, ст.113
Правовое понятие	Беспомощное состояние	Аффект
Юридический критерий	Нарушение способности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление виновному	–
Экспертное понятие	Нарушение способности понимать сексуальную направленность и социальное значение совершаемых с ним насильственных действий или оказывать сопротивление	Аффект: 1) физиологический, 2) кумулятивный

Как видно из приведенной таблицы, при наличии юридического критерия экспертное понятие практически в полной мере соотносится с наполнением юридического критерия. В случае отсутствия юридического критерия «психологический критерий» вырабатывается напрямую на основе правового понятия путем ограничения круга изучаемых параметров. Например, в случае аффекта имеет место ограничение до аффекта физиологического и кумулятивного.

В настоящее время экспертные понятия, используемые в судебной психологической экспертизе, стандартизированы. В 2016 году ФБУ РФЦСЭ при Минюсте

России совместно с ФГБУ "Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского" Минздрава России разработан национальный стандарт ГОСТ Р 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения». Создание такого национального стандарта позволило унифицировать терминологию судебной психологической экспертизы, закрепить единое понимание судебно-психологических экспертных понятий, способствовать реализации единого научно-методического подхода к экспертной практике производства судебных психологических экспертиз в разных ведомствах. Например, в ГОСТ Р 57344-2016 закреплены следующие определения понятий:

– аффект у обвиняемого: Эмоциональная реакция, которая возникает внезапно у обвиняемого и на высоте своего развития резко ограничивает его способность к осознанно-волевой регуляции своих криминальных действий;

– эмоциональное состояние, оказавшее существенное влияние на сознание и поведение: Эмоциональное напряжение, возникающее не внезапно, однако обусловленное психотравмирующим воздействием со стороны потерпевшего или длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с поведением потерпевшего, и ограничивающее способность обвиняемого к осознанно-волевой регуляции своих криминальных действий [ГОСТ Р 57344-2016].

Как видно из приведенных дефиниций судебно-психологических экспертных понятий, они являются синтетическими: в них отражено как общепсихологическое, так и правовое содержание понятий аффекта и эмоционального состояния, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение.

Необходимо отметить, что теория экспертных понятий в судебной психологической экспертизе, связанной с исследованием психологии человека, получила свое развитие в новом направлении судебной психологической экспертизы – психологическом исследовании информационных материалов [Секераж 2019].

В статье «Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы» Ф.С. Сафуановым и Т.Н. Секераж путем применения экспертологического анализа было разрабо-

тано судебно-экспертное психологическое понятие «психологическая направленность информационного материала (текста) или коммуникативной деятельности на побуждение адресата к совершению самоубийства» [Сафуанов, Секераж 2017]. Схематично выработку данного экспертного понятия можно представить в виде таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2. Экспертологический анализ юридического понятия «склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении»

Понятие / Статья	Ст. 110.1 УК РФ
Правовое	Склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении
Экспертное	Психологическая направленность информационного материала (текста) или коммуникативной деятельности на побуждение адресата к совершению самоубийства
Специальное (психологическое)	Эмоциональное состояние; эмоционально-смысловое отношение; социальная установка

Также теория экспертных понятий получила свое развитие в комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизе. В данном виде экспертизы к настоящему времени выработан ряд экспертных психолого-лингвистических понятий. Так, в методических пособиях по комплексной психолого-лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму разработаны так называемые «экстремистские» значения, которые соотносятся с правовыми нормами антиэкстремистского законодательства: «возбуждение вражды», «призыв», «угроза», «обвинение», «оправдание», «унижение человеческого достоинства», «пропаганда» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011; Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014].

С целью применения в рамках психолого-лингвистических экспертиз видеозаписей процессуальных действий было разработано экспертное понятие «наводящий вопрос» [Гагина, Кузнецов, Секераж 2015; Гагина, Кузнецов 2020].

Таким образом, экспертные понятия в узком понимании (т.е. как междисциплинарные понятия, полученные в результате трансформации данных базовых наук в зависимости от юридического значения и в связи с этим занимающие промежуточное положение между понятиями базовых наук и правовыми категориями), играют большую роль в некоторых родах (видах) судебной экспертизы, составляя теоретические и методологические основы этих родов экспертизы.

Попытки выработки экспертных понятий предпринимались и в таком молодом роде судебной экспертизы, как судебная лингвистическая экспертиза, по аналогии с комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизой [Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016; Семантические исследования... 2018; Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи 2020] без теоретического осмысления этой категории применительно к данному роду экспертизы. Этому посвящена следующая глава настоящего диссертационного исследования.

Выводы по первой главе

1. Учение о языке судебной экспертизы и судебного эксперта является важной и неотъемлемой частью судебной экспертологии как науки. Язык судебной экспертологии представляет собой сложный и многогранный феномен, связанный со всеми аспектами судебно-экспертной деятельности.

2. Система экспертных понятий занимает центральное место в языке судебной экспертологии. Данная система организует специфический метаязык судебной экспертологии как науки, отличающий ее от смежных юридических наук – криминалистики и процессуального права.

3. Понятия, составляющие метаязык судебной экспертологии, неоднородны, что обусловлено междисциплинарным, синтетическим характером судебной экспертологии как науки. В систему понятий метаязыка судебной экспертологии входят общенаучные понятия, частонаучные понятия (понятия из различных отраслей знания), специальные понятия языка судебной экспертологии, правовые понятия (прежде всего понятия процессуального законодательства о судебно-эксперт-

ной деятельности), а также так называемые «экспертные» понятия – междисциплинарные, промежуточные понятия, полученные в результате трансформации данных базовых наук в зависимости от юридического значения.

4. «Экспертные» понятия, являясь междисциплинарной категорией, занимающей промежуточное положение между правовыми понятиями и понятиями «материнских» наук, составляют теоретическую основу ряда родов (видов) судебной экспертизы, задачи которых определяются конкретной категорией дела. В частности, в судебной психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизах разработана теория экспертных понятий, положения которой показывают важное значение этой категории в теории и практике указанных родов судебной экспертизы: экспертные понятия, в отличие от общепсихологических понятий, обладают юридическим значением, они служат основой построения предметных видов судебной экспертизы.

5. Положения теории судебно-экспертных психологических понятий возможно в полной мере использовать и в других родах (видах) судебной экспертизы, задачи которых определяются конкретной категорией уголовного, гражданского дела, дела об административном правонарушении, в частности, в психологической экспертизе информационных материалов, комплексной психолого-лингвистической экспертизе.

Глава 2. ЭКСПЕРТНЫЕ ПОНЯТИЯ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

2.1. Проблема соотношения правовой и лингвистической составляющей юридических понятий в теории и практике судебной лингвистической экспертизы

Известный лингвист Н.Д. Арутюнова в своей книге «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт», размышляя о языке, отмечает следующее: «Язык способен и на “преступные” действия, и они тоже не проходят для него бесследно» [Арутюнова, 1988: 341]. Действительно, если обратиться к особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, то можно увидеть, что порядка 15 % преступных деяний относятся к так называемым «речевым» преступлениям. С конца 1990-х – начала 2000-х годов в России наблюдается рост числа таких преступлений. К ним относятся оскорбление, клевета, преступления экстремистской и террористической направленности (возбуждение вражды, призывы к экстремистским действиям, оправдание терроризма, унижение человеческого достоинства, обвинение и др.), преступления коррупционной направленности (дача, получение, провокация вятки и др.), угроза, преступления, связанные с совершением развратных действий с помощью телекоммуникационной сети Интернет, склонением лиц к суициду и многие другие. В связи с этим появилась потребность в применении специальных лингвистических знаний при расследовании и раскрытии преступлений, которая, в свою очередь, обусловила появление практически во всех государственных и многих негосударственных судебно-экспертных учреждениях России нового рода экспертизы – судебной лингвистической экспертизы.

Термин «лингвистическая экспертиза» утвердился в качестве общеупотребительного в последние несколько лет. В разные годы для обозначения лингвистической экспертизы использовались различные наименования: «филологическая экспертиза», «текстологическая экспертиза», «семасиологическая экспертиза», «лексико-стилистическое исследование документов», «исследование письменной

речи», «юрислингвистика», «лингвокриминалистика», «судебное речеведение» и др. Однако рост числа и появление новых типов так называемых «речевых правонарушений» потребовал выработки единого термина, в качестве которого и по настоящее время выступает термин «судебная лингвистическая экспертиза». Такое название рода судебной экспертизы мотивировано базовой наукой – лингвистикой, наукой о языке.

Появление судебной лингвистической экспертизы обусловлено расширением спектра задач, решаемых экспертами-лингвистами. В советское время предметом криминалистического лингвистического экспертного исследования являлись прежде всего характеристики автора анонимного документа. С развитием гражданского общества фокус юридического внимания переместился с автора текста на смысловой аспект продукта речевой деятельности: потребности у судебно-следственных органов в применении специальных лингвистических знаний с целью решения задач, связанных с исследованием семантики текста, возникли еще в 90-х годах прошлого века, большей частью в связи с рассмотрением дел, связанных с защитой чести, достоинства и деловой репутации. У истоков лингвистической экспертизы стояли сотрудники Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф, А.Н. Баранов и др.

Вскоре судебные лингвистические экспертизы стали проводиться преподавателями практически всех вузов страны. Появились региональные ассоциации экспертов-лингвистов, например, Сибирская ассоциация экспертов-лингвистов, Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» и др. Наиболее известными представителями этих ассоциация являются Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, М.А. Осадчий, К.И. Бринев и др.

Важной вехой в истории судебной лингвистической экспертизы в России стало создание М.В. Горбаневским в 2001 году Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), экспертами которой являлись Ю.А. Бельчиков, Е.И. Галяшина, Е.С. Кара-Мурза, А.С. Мамонтов, Ю.А. Сафонова и др. Издания, выпускаемые ГЛЭДИС ([Цена слова 2001; Понятия чести, достоинства и деловой репутации 2004; Как провести лингвистическую экспертизу

спорного текста? 2006]), явились первыми в России своеобразными учебниками-хрестоматиями по судебной лингвистической экспертизе. Их авторами впервые была предпринята попытка дать определения ключевым для лингвистической экспертизы понятиям (утверждение, мнение, неприличная форма и др.), а приведенными в этих изданиях примерами экспертиз – продемонстрировать возможные подходы к экспертному лингвистическому исследованию продуктов речевой деятельности. Во многом издательская деятельность ГЛЭДИС повлияла на оформление методических подходов судебной лингвистической экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях России, в которых этот род судебной экспертизы появился в начале 2000-х годов.

В системе СЭУ Минюста России изначально лингвистическая экспертиза проводилась как вид судебной автороведческой экспертизы. Так, в программе подготовки экспертов по специальности 2.1 «Исследование письменной речи» была представлена тема «Нестандартные исследования письменной речи», посвященная решению задач, характерных для современной лингвистической экспертизы. В 2006 году в системе СЭУ Минюста России судебная лингвистическая экспертиза появилась как самостоятельный род, была утверждена программа подготовки экспертов по экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности».

Примерно в это же время судебная лингвистическая экспертиза как новый род появилась и в других ведомствах. Были введены соответствующие экспертные специальности для аттестации экспертов государственных судебно-экспертных учреждений – «Исследование текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания» в ЭКП МВД России, «Лингвистические исследования» в экспертных подразделениях органов ФСБ России.

Несмотря на разные названия экспертных специальностей, в судебно-экспертных учреждениях разных ведомств в рамках судебной лингвистической экспертизы решались в целом одни и те же задачи, определяемые категориями дел, по которым экспертиза назначалась (клевета, оскорбление, угроза и т.п.). В каждом

случае и инициаторы экспертиз, и эксперты сталкивались с проблемой формулирования экспертных задач и соответствующих им вопросов. Это обусловлено сложностями, связанными с установлением соотношения правовой и лингвистической составляющей юридических понятий, представляющих конкретную правовую норму, а также риском выхода за пределы специальных лингвистических знаний.

Проблема соотношения правовой и лингвистической составляющей юридических понятий поднималась еще в первых научных работах по судебной лингвистической экспертизе. Так, в изданиях ГЛЭДИС предпринимались попытки осмысления этих понятий с позиции юриспруденции с целью их корректного использования в судебной лингвистической экспертизе. В книге «Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами» ее авторы выделяют юридические понятия (термины), которые, по их мнению, являются наиболее важными при проведении судебных лингвистических экспертиз. Большею частью данные термины связаны с делами об унижении чести, достоинства и деловой репутации. Они разделены на 3 группы: «1. Объект воздействия – честь, достоинство, (моральный) престиж, репутация. 2. Характеристика процесса и средств воздействия – сведения, унижение (честь и достоинства), клевета, оскорбление, неприличная (форма), циничная (форма), нецензурные (выражения), порочащие (сведения). 3. Результат воздействия – моральный вред, нравственные страдания» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации 2004: 33]. Каждый из указанных терминов анализировался авторами в аспекте их понимания в праве, при этом содержание понятия выводилось и представлялось авторами как языковое значение, состоящее из сем, каждая из которых по сути представляет собой правовое понятие: «Понятие оскорбления включает три семы: а) факт унижения или умаления чести или достоинства, б) неприличная форма такого унижения, в) умышленность. Понятие клеветы также включает три семы: а) факт унижения чести и достоинства, б) ложность распространяемых сведений, в) умышленность» [там же: 43]. При этом авторами отмечается нечеткость «правового (законодательного) определения» практически всех выделенных ими ключевых терминов.

В предлагаемых в изданиях ГЛЭДИС формулировках вопросов юридические понятия используются непоследовательно. В основном речевое деяние описывается в данных формулировках через определенные семантические компоненты, которые, по мнению авторов указанных изданий, описывают в какой-то мере эти речевые деяния. Например, по делам об оскорблении предлагается следующий вопрос: «Имеется ли в высказываниях ... резкая, выраженная в грубой, циничной форме отрицательная оценка личности гражданина (ФИО)?»; а по делам, связанным с противодействием экстремизму, – «Имеются ли в текстах «...», слова, выражения или высказывания, содержащие негативные оценки в адрес какой-либо одной национальной, конфессиональной или социальной группы по сравнению с другими социальными категориями?», «Имеются ли высказывания, иницирующие, требующие, предписывающие, побуждающие к осуществлению противоправных (экстремистских) действий (по отношению к лицам какой-либо социальной группы: по признакам пола, расы, национально или конфессиональной принадлежности)?» [Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста?, 2006: 59, 60]. Вместе с тем, наряду с указанными вопросами, предлагаются и иные вопросы, в которых юридические термины включены. Например, по делам об оскорблении в качестве типового предлагается вопрос «Имеются ли в тексте фразы, *направленные на унижение личного достоинства человека (ФИО), высказанные в позорящей его, неприличной форме?*», а по делам, связанным с противодействием экстремизму, – «Имеются ли высказывания, содержащие *пропаганду* неполноценности граждан какой-либо национальности или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой?». При этом, несмотря на данные формулировки с использованием правовых понятий, их авторы сообщают о недопустимости постановки вопросов о наличии в тексте «признаков возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды», «признаков унижения национального достоинства человека либо группы лиц» и др. [Методические рекомендации... 2010: 91].

А.Н. Баранов в своих работах рассматривает правовые понятия в аспекте традиционных лингвистических категорий. Так, призыв определяется как речевой акт:

«Призыв – это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или воспринимаются в таком качестве, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [Баранов 2007: 420]. Аналогично рассматривается и угроза [Баранов 2014].

По мнению А.Н. Баранова и П.Б. Паршина, в случае отсутствия в тексте закона дефиниции того или иного понятия, оно является лингвистически определяемым, в том числе посредством его лексического значения. Говоря о категории «пропаганда», ученые отмечают: «“Пропаганда”, будучи словом, используемым в законодательстве, тем не менее не имеет дефиниции в текстах законов и поэтому является категорией, лингвистически определяемой. Между тем лингвистическое определение основывается на интуитивном понимании лексемы *пропаганда* как слова современного русского языка» [Баранов, Паршин 2017: 54]. В другой работе А.Н. Баранов подтверждает эту мысль: «Значительная часть терминов, имеющих явно юридическое прочтение в текстах соответствующих документов, определений не имеет. В этих случаях естественно использовать данные русского литературного языка – авторитетные словари или результаты семантического анализа. Такие термины следует относить к лингвистически определяемым» [Баранов, Ерохина 2019: 312].

Исходя из этого положения в случае наличия в законодательстве «лингвистически определяемых» терминов А.Н. Барановым и его соавторами предлагается ставить на разрешение эксперта вопрос, содержащий этот термин. Например, «Имеются ли в предложенном для исследования тексте призывы к действиям, направленным на насильственное свержение конституционного строя и нарушение целостности России? Если да, то какие именно языковые средства указывают на это?»; «Имеются ли в предложенном для исследования тексте призывы к пропаганде или демонстрационному нацистской атрибутике или символике? Если да, то

какие именно языковые средства указывают на это?» [Баранов, Грунченко, Левонтина 2008: 80, 81]. В случаях отсутствия «лингвистически определяемого» термина рекомендуется постановка вопросов, в которых используются понятия, соотносящиеся с определенными аспектами преступного речевого действия, например, с оценочным компонентом («Имеются ли в тексте негативные сведения о действиях представителей отдельных наций (рас, народностей, религий, идеологий, политических течений, социальных групп и т.п.)?») или типом информации («Содержится ли в тексте информация об антагонизме, несовместимости отдельных наций (рас, народностей, религий, идеологий, политических течений, социальных групп и т.п.), об их противопоставлении друг другу? Если да, то какими языковыми средствами эта информация выражена?») [там же: 83, 84].

По такому же принципу формулируются вопросы С.А. Кузнецовым и С.М. Оленниковым. Авторы в научно-практическом пособии «Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими» включают в вопросы только такие понятия, как «призыв», «угроза», «оправдание», «обвинение». Например: «Содержатся ли в представленных на исследование материалах призывы к осуществлению либо обоснование или оправдание необходимости осуществления таких действий, как (*указать какие именно действия имеются в виду*)?»; «Содержатся ли в представленных на исследование материалах угрозы совершения агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» [Кузнецов, Оленников 2014: 89, 91].

Подобного подхода придерживаются и авторы Типовой методики лингвистической экспертизы ЭКЦ МВД России. В данной методике предложен только один вопрос, в котором используется правовое понятие угрозы, при этом понимающееся лингвистически: «Имеются ли в представленном тексте признаки вербальной агрессии в форме угрозы?» [Лингвистическое исследование устных и письменных текстов 2010: 256]. В остальных же вопросах такие понятия не используются. В целом вопросы направлены на установление оценочного компонента высказывания или определенного типа информации, которые могут являться компонентами

преступного речевого действия, например, следующие вопросы: «Имеются ли в представленных текстах высказывания, содержащие положительную оценку враждебных действий одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе?», «Содержатся ли в представленных текстах высказывания, в которых идет речь о преимуществе одного человека или группы лиц перед другими людьми по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе?» [там же: 270–271].

Представляется, что данная позиция не в полной мере соответствует потребностям судебно-следственных органов. С одной стороны, решая вопросы, в которых содержатся «лингвистически определяемые» понятия, эксперт может дать выводы о наличии того или иного речевого действия, при этом данные выводы будут не в полной мере соотноситься с пониманием этого речевого действия в праве. С другой стороны, решая вопросы, в которых такие понятия не содержатся, эксперт может дать выводы, вводящие правоприменителя в заблуждение. Например, вывод о наличии негативной оценки лица или группы лиц не всегда может свидетельствовать о наличии в тексте возбуждения национальной вражды, унижения национального достоинства или оскорбления личности.

В зарубежных исследованиях по судебной лингвистике подобные «лингвистически определяемые» понятия большей частью также рассматриваются в аспекте традиционных лингвистических категорий (см., например, [Olsson 2008]).

Рассмотрение правового понятия, обозначающего речевое правонарушение, через лексическое значение предлагается и в работе Т.М. Изотовой и Д.И. Архаровой «К вопросу о лингвистической методике построения дефиниций юридических понятий». В статье отмечается необходимость построения информационно-смыслового описания языкового значения слова-понятия путем выявления сем на основе анализа словарных толкований. Как подчеркивают авторы, «чтобы лингвистически квалифицировать исследуемые в ходе экспертизы высказывания как имею-

щие или не имеющие оскорбительный, унижающий и пр. характер, необходимо соотносить их языковые параметры со смысловыми компонентами дефиниции понятия оскорбление, унижение и под., построенной на основании избранной лингвистической методики, без опоры на соответствующие дефиниции УК РФ» [Архарова, Изотова 2008: 189]. Семантическое описание, полученное в результате такого исследования, должно быть наложено на определение правового понятия: «Такое наложение корректно выявляет количество совпадающих, несовпадающих и «переходных» семантических признаков, что позволяет дать обоснованный ответ на вопрос о наличии / отсутствии умаляющего, оскорбительного и под. характера слова, выражения в условиях конкретного их употребления» [там же: 193].

Существует еще одна точка зрения на наполнение юридических терминов, обозначающих речевые правонарушения, согласно которой понятия, стоящие за этим термином, включают как лингвистические, так и правовые компоненты.

В таком аспекте правовые понятия рассмотрены в работах М.А. Осадчего, в которых предложен метод параметрического моделирования с целью описания понятия как семантической структуры. В предложенных им моделях содержатся как лингвистические, так и правовые признаки. Например, в параметрической судебно-лингвистической модели информации порочащего характера присутствуют, с одной стороны, признаки, в определенной мере соотносящиеся с лингвистическими параметрами (тип сведений), с другой стороны, правовые признаки (вероятные последствия) [Осадчий 2016: 63–64].

Подобное структурное описание правового понятия обнаруживается в работах И.А. Стернина и соавторов. Речевые правонарушения в них описываются через набор диагностических признаков, включающих как лингвистические, так и правовые параметры. Например, авторы предлагают в качестве лингвистических признаков оскорбления следующий комплекс:

1. сообщение негативных сведений о лице или организации;
2. отнесенность негативных сведений к конкретному лицу или организации;
3. фактологический характер негативных сведений;
4. публичный характер распространения сведений;

5. порочащий характер данных сведений (то есть выраженное в языковой форме указание на нарушение конкретных моральных норм или законов);
6. информационный характер текста;
7. неприличная языковая форма сообщения негативной информации;
8. обобщенность негативной характеристики адресата;
9. наличие доказанного умысла на оскорбление, обусловленного неприязненными отношениями – устанавливается судом» [Стернин, Антонова, Карпов и др. 2013: 23].

При этом оговаривается, что эти признаки не предполагают наличие состава преступления оскорбления: «Все выводы эксперта-лингвиста касаются языковых характеристик спорного текста (пп. 1–8) и предлагают доказательный материал для суда о наличии лингвистических признаков оскорбления, но не предполагают выводов о наличии оскорбления как состава преступления, поскольку лингвист не может установить факт наличия или отсутствия умысла (признак № 9). Для признания спорного текста наносящим оскорбление тому или иному лицу необходимо наличие всех признаков оскорбления» [там же].

В «Методических рекомендациях по производству лингвистических экспертиз текстов, в которых имеется информация, относящаяся к семантическому полю «наркотики»» вопросы, предлагаемые для постановки на разрешение эксперта, формулируются с использованием правовых понятий «пропаганда», «реклама», «призыв»: «Имеются ли в представленном тексте призывы к легализации наркотиков, употреблению, предпочтению одного наркотика перед другим?»; «Содержится ли в представленном тексте информация, направленная на рекламу и пропаганду идей легализации наркотиков, употребления наркотиков, предпочтения одного наркотика перед другим?» [Голощапова, Смирнов, Полосина и др. 2006]. При этом данные понятия рассматриваются авторами данных методических рекомендаций как понятия лингвистические, но с учетом правовых дефиниций.

В целом такой позиции придерживается и А.М. Плотникова. Рассматривая правовой термин «пропаганда» в аспекте юридической и лингвистической интерпретации, ученый обращает внимание на существующие проблемные моменты: с

одной стороны, различие в понимании пропаганды в правовых нормах, с другой стороны, неполную тождественность правового понимания пропаганды языковому значению, представленному в толковых словарях русского языка, в связи с чем, по мнению А.М. Плотниковой, «коллизии между языковым и юридическим толкованием пропаганды могут стать причиной негативных прецедентов» [Плотникова 2018: 55].

В методических изданиях ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, посвященных комплексной психолого-лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, правовые понятия рассматриваются с позиции традиционной криминалистической экспертной диагностики как «экстремистские» значения, представляющие собой диагностические комплексы, в составе которых выделяются лингвистические и психологические компоненты, выведенные в результате экспертологического анализа правовых понятий, предполагающего их операционализацию и использование в формулировках экспертных задач (например, «Содержатся ли в тексте лингвистические и психологические признаки побуждения (в том числе в форме призыва) к каким-либо действиям (в том числе насильственным, дискриминационным) против какой-либо группы, выделенной по национальному, религиозному, социальному и другим признакам, или ее представителей?»), «Содержатся ли в тексте лингвистические и психологические признаки возбуждения вражды, ненависти (розни) по отношению к группе лиц, выделяемой по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе?» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 24, 25]). Объясняя использование правовых терминов, обозначающих «экстремистские» значения, в формулировках экспертных задач, авторы «Методики комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» отмечают следующее: «Законодатель описывает эти значения с помощью общеупотребительных слов и понятий, которые являются “родными” и для экспертов (лингвистов и психологов). В этой ситуации постоянно возникает и обсуждается вопрос о том, можно ли использовать

эти понятия в формулировках экспертных задач и в выводах или же их нужно “переводить” на специальный экспертный язык и именно на этом языке формулировать вопросы и ответы. Однако сам язык специальных признаков достаточно сложен, как всякий метаязык, и еще недостаточно унифицирован. Совершенно очевидно, что нельзя требовать его знания от представителей судебно-следственных органов. Они должны иметь возможность формулировать вопросы на понятном и привычном им языке. Но при этом сами вопросы должны входить в компетенцию эксперта. Выходом из этой ситуации является формулирование вопросов с помощью понятия “специальные признаки”. Под специальными понимаются лингвистические и психологические признаки выраженности значения, описанного в вопросе» [там же: 24]. Заметим, что понятие «лингвистические признаки» активно используется и другими учеными. Например, Е.И. Галяшина выделяет лингвистические признаки оскорбления: «Ведущим лингвистическим признаком оскорбления является неприличная форма выражения отрицательной оценки личности, которая подрывает престиж человека в глазах окружающих, наносит ущерб уважению самого себя» [Галяшина 2020: 116]. В Типовой методике лингвистической экспертизы ЭКЦ МВД России, указано, что ее сущность сводится к «выявлению и оценке имеющихся в тексте лингвистических признаков разных уровней» [Лингвистическое исследование устных и письменных текстов 2010: 243]. Кроме того, авторы Типовой методики предлагают использовать понятие «признак» в формулировках вопросов, например: «Имеются ли в тексте, представленном на исследование, признаки маскировки его содержательных элементов?», «Имеются ли в представленном тексте признаки вербальной агрессии в форме угрозы» [там же: 250, 256].

Возвращаясь к «Методике комплексной психолого-лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму», в качестве примера диагностического комплекса, включающего совокупность указанных лингвистических и психологических признаков, приведем диагностический комплекс «экстремистского» значения «обвинение» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 74], представляющего собой экспертное понятие (см. табл. 3).

Таблица 3. Диагностический комплекс «обвинение»

Компонент значения	Лингвистические признаки значения	Психологические признаки значения
Тематика	<p>Предмет речи: лицо, названное в вопросе; действия, описанные в вопросе.</p> <p>Содержательный тип высказывания: говорится о том, что данное лицо совершило, совершает экстремистские, террористические действия, деяния</p>	<p>Внимание адресата привлекается к ситуации, которая рассматривается автором как конфликт между должным и реальным поведением лица</p>
Отношение	<p>1. Выражена оценка: «действие произошло, происходит в действительности», то есть это факт</p> <p>2. Выражена оценка: «это действие преступное»</p>	<p>Действия лица оцениваются автором как вредные, опасные, направленные против интересов адресата и общества.</p>
Цель	<p>Выраженная речевая цель: информирование адресата о произошедшем, происходящем, о факте.</p>	<p>Текст ориентирует адресата на переоценку предмета речи в негативную сторону, формирует у него новое эмоционально-смысловое отношение к предмету речи (когнитивный и эмоциональный компоненты установки)</p>

Каждый из выделенных компонентов значения («предмет речи», «отношение», «цель») имеет лингвистическое и психологическое наполнение. Вместе с тем такое наполнение определяется пониманием категории «обвинение» в праве, а именно публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную

должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением (ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). В данном случае в формулировке правовой нормы назван предмет речи – «лицо, замещающее государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации», сообщаемая о нем информация – «совершение этим в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением», т.е. совершение им экстремистских действий. Указанная в правовой норме заведомая ложность свидетельствует о представлении этих действий как факта. Соответственно, в лингвистическом аспекте это действие должно рассматриваться как выражение оценки «действие произошло, происходит в действительности», то есть это факт. Обвинение в прагматическом аспекте представляет собой информирование, в связи с чем речевой целью в данном случае выступает «информирование адресата о произошедшем, происходящем, о факте».

Таким образом, «экстремистские» значения, о которых говорится в методических изданиях ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, представляют собой экспертные понятия, теория которых разработана в судебной психологической экспертизе.

Подобный подход к использованию правовых понятий в формулировках вопросов и в выводах эксперта, в отличие от подходов, изложенных в проанализированных выше работах, представляется перспективным. Попытки его использования в однородной судебной лингвистической экспертизе нами были предприняты в работах [Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016а; Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016б; Семантические исследования... 2018] без теоретического осмысления этой категории применительно к данному роду экспертизы.

Рассмотрим категорию «экспертные понятия» в теоретическом аспекте применительно к судебной лингвистической экспертизе в следующем параграфе.

2.2. Экспертные лингвистические понятия как отражение объективной стороны речевого правонарушения

Представляется, что описанные в первой главе настоящего диссертационного исследования положения теории экспертных понятий, разработанной в психологической экспертизе, возможно экстраполировать и на судебную лингвистическую экспертизу, поскольку оба этих рода экспертизы схожи исходя из того, что задачи судебной лингвистической экспертизы так же, как и задачи судебной психологической экспертизы, зависят от той или иной категории уголовного, гражданского, арбитражного дела или дела административного об административном правонарушении. Следовательно, судебная лингвистическая экспертиза, как и психологическая экспертиза, имеет опосредованную связь (в соответствии с концепцией сравнительного судебного экспертоведения А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской [Винберг, Малаховская 1979: 60–61]) с материнской наукой, в связи с чем данные материнской науки (для судебной лингвистической экспертизы – науки о языке) трансформируются в специальные знания судебного эксперта-лингвиста.

Прежде чем перейти к рассмотрению экспертных понятий в судебной лингвистической экспертизе, необходимо остановиться на сущности так называемых речевых правонарушений.

В настоящее время не существует единого термина, которым можно было обозначить правонарушения такого рода.

А.Р. Ратинов, называя данные преступления как «типично журналистские» правонарушения, дает им следующую характеристику: «Их особенность состоит в том, что совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т.е. текстов, распространяемых в средствах массовой информации. В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем самом) заключен сам *Corpus delicti*, все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушений по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки» [Ратинов 2004: 104]. Развивая

свою мысль относительно содержания в тексте объективных признаков деяния, ученый подчеркивает, что именно лингвистические компоненты текста соотносятся с признаками правонарушения: «В информационном споре должны быть выявлены словесные конструкции и смысловые единицы текста, подпадающие под признаки конкретного правонарушения, предусмотренного соответствующей правовой нормой» [там же].

Е.И. Галяшина в своих работах использует термины «правонарушение, совершаемое посредством речевых действий» и «речевое действие, образующее состав правонарушения» [Галяшина 2019: 8; Галяшина 2020: 99], которые, как отмечает ученый, следует различать: «Речевое действие, образующее состав правонарушения, отличается тем, что объектом спора и источником доказательственной информации становится “речевой след” – продукт речевой деятельности, выраженной в форме устного высказывания, письменного или креолизованного (т.е. состоящего из вербальной и невербальной составляющей) текста» [Галяшина 2020: 99–100]. К речевым действиям, образующим состав правонарушения, Е.И. Галяшина относит диффамационные речевые действия, экстремистские речевые действия, угрозу, пропаганду либо незаконную рекламу наркотиков и др.

А.В. Вандышевой и Л.Б. Темниковой предложен подобный термин – «преступление, осуществляемое посредством продуктов речевой деятельности» [Вандышева, Темникова 2018].

Е.В. Рылова для обозначения указанных видов правонарушений использует термин «вербальное преступление», определяя его как «речедеятельностный процесс, реализующийся в социальных / асоциальных ситуациях общения и посягающий на те или иные общественные отношения» [Рылова 2014: 24]. Путем смыслового обобщения уголовно-правовых норм Е.В. Рылова выделила 13 категорий такого рода преступлений: 1) оскорбление; 2) доведение лица до самоубийства; 3) убийство или угроза убийством либо причинение вреда здоровью; 4) дискриминация; 5) разглашение сведений; 6) вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления; 7) вымогательство; 8) публичные призывы; 9) незаконный оборот наркотиков либо незаконные изготовление и оборот порнографических материалов

и предметов, а также их рекламирование с использованием средств массовой информации; 12) действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды; 13) заведомо ложный донос [там же: 11–12].

А.А. Лавицкий предлагает использовать термин «преступление, совершаемое вербальным способом», относя к нему «все формы противозаконных деяний, предметом правовой оценки которых является текст. Текст в данном случае имеет самое широкое значение и включает различные виды семиотических кодов» [Лавицкий 2019: 307].

А.А. Гогин и О.Е. Репетова используют термин «вербальное преступление» наряду с термином «преступление, совершаемое вербальным путем». По их мнению, особенность вербального правонарушения состоит в том, что «его предметом выступает произнесенное публично словесное высказывание или конкретная фраза, распространенная письменно или устно во времени и пространстве» [Гогин, Репетова 2017: 6].

В.Е. Круковский и И.Н. Мосечкин противопоставляют насильственные преступления, закрепленные в особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, преступлениям, названным ими как «нефизическое (психологическое) насилие» [Круковский, Мосечкин 2020]. К нефизическому насилию авторы относят угрозу, принуждение, оскорбление, клевету и др. преступления, т.е. правонарушения, совершаемые посредством прежде всего речевой деятельности.

Таким образом, ученые, используя различные термины, констатируют существование речевых правонарушений как особого типа правонарушений, осуществляемых посредством речевой деятельности и реализуемых в виде различного рода продуктов речевой деятельности (звучащего, письменного, креолизованного, электронного текста).

Если обратиться к особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, то в последней его редакции насчитывается более 15 % от всего объема статей, содержащих такого рода преступления (см. табл. 4).

Таблица 4. Речевые преступления в УК РФ

№№ п/п	Речевое преступление	Статьи УК РФ
1.	Склонение	110.1; 230; 230.1
2.	Угроза	110, 119, 120, 126, 127.1, 127.2, 131, 132, 133, 139, 141, 142, 144, 148, 149, 150, 151, 151.2, 161, 162, 163, 166, 170.1, 178, 179, 183, 185.5, 203, 205, 211, 221, 226, 227, 229, 230, 230.1, 240, 241, 244, 282, 283.1, 286, 296, 302, 309, 313, 318, 321, 322, 330, 333, 361
3.	Принуждение	120, 141, 142, 144, 147, 149, 179, 184, 185.5, 240, 283.1, 302, 309, 333
4.	Шантаж	127.2, 133, 185.5, 230.1, 283.1, 302, 304, 309
5.	Клевета	128.1, 298.1
6.	Понуждение	133
7.	Оскорбление чувств верующих	148
8.	Вовлечение	150, 151, 151.2, 240
9.	Вымогательство	163, 221, 226, 229
10.	Призыв	205.2, 280, 280.1, 354
11.	Оправдание (терроризма)	205.2
12.	Пропаганда (терроризма)	205.2
13.	Сообщение (об акте терроризма)	207
14.	Возбуждение ненависти либо вражды	282
15.	Унижение	110, 282, 335
16.	Оскорбление	107, 113, 297, 319, 336

17.	Провокация (взятки, подкупа)	304
18.	Донос (о совершении преступления)	ч. 1 ст. 306
19.	Обвинение (лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления)	ч. 2 ст. 306
20.	Отрицание (фактов)	354.1
21.	Одобрение (преступлений)	354.1

Также речевые правонарушения обнаруживаются в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (табл. 5).

Таблица 5. Речевые правонарушения в КоАП РФ

№№ п/п	Речевое правонарушение	Статьи КоАП РФ
1.	Принуждение	5.40
2.	Вовлечение	6.10, 6.23, 20.2
3.	Пропаганда	6.13, 6.21, 20.3
4.	Неуважение	13.15, 20.1
5.	Призыв	13.15, 13.37, 20.2.2
6.	Обоснование	13.15, 13.37, 20.2.2
7.	Оправдание	13.15, 13.37, 20.2.2
8.	Предложение	13.15
9.	Возбуждение ненависти либо вражды	20.3.1
10.	Унижение	20.3.1

Речевые правонарушения выделяются и в Гражданском кодексе Российской

Федерации – речевые действия, влекущие гражданско-правовую ответственность по ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации», а также по сопряженной статье 151 ГК РФ «Компенсация морального вреда».

Кроме того, такого рода правонарушения закреплены и в Федеральных законах, например, в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в Федеральном законе от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и многих других (см. Приложение).

Перечисленные правонарушения, как и все другие правонарушения, закрепленные в Уголовном кодексе и в Кодексе об административных правонарушениях, имеют свой состав, включающий субъекта, объект преступления, а также его объективную и субъективную стороны.

Ученые отмечают общую для речевых правонарушений особенность, связанную с тем, что в основе объективной стороны состава преступления лежит речевое действие, текст: «содержательная часть объективной стороны вербальных преступлений актуализирует способ совершения преступления в виде вербальных репрезентаций. Их можно признать средством достижения преступного результата. В других преступлениях вербальные репрезентации являются сопровождающими по отношению к главному деянию. В вербальных составах преступлений речевые действия становятся обязательными элементами, так как по характеру преступления становятся существенными для признания деяния общественно опасным» [Рылова 2014: 18]; «текст все шире используется как *corpus delicti* (от лат. – состав преступления, вещественные доказательства, основные улики)», так как в нем содержатся признаки объективной стороны преступления, совершенного посредством слова» [Галяшина 2020: 100].

Указанные речевые действия, которые являются одним из признаков объективной стороны состава преступления, исходя из принятой в уголовном праве классификации, относятся к действиям информационным или интеллектуальным, которые «представляют собой такое общественно опасное поведение, которое состоит

в передаче соответствующей информации другим лицам с помощью речи или конклюдентных действий, в том числе с использованием современных средств связи» [Российское уголовное право 2010: 127]. Исходя из природы данных действий они могут быть установлены путем применения специальных знаний из тех областей, объектом исследования которых являются речевая, коммуникативная деятельность, а также продукты такой деятельности, т.е. прежде всего путем применения специальных лингвистических и психологических знаний.

Как известно, специальные знания, применяемые в судебной лингвистической экспертизе, – это знания прежде всего в области лингвистической семантики и лингвистической прагматики, в рамках которых в том числе разработаны теории, описывающие речевые действия, например, теория речевых актов [Вежбицка 1985, Остин 1986; Серль 1986], теория речевых жанров [Бахтин 1986; Шмелева 1990; Вежбицка 1997], целеустановок [Безяева 2002]. При этом исходя из принципов общей теории судебной экспертологии [Винберг, Малаховская 1979] специальные знания базовой науки должны быть трансформированы, адаптированы для их реализации в практической деятельности при производстве судебных экспертиз: «специальные знания судебного эксперта являются не прямым аналогом знаний базовой науки, а требуют определенной трансформации» [Сафуанов 2011: 230].

Так, несмотря на то, что часть речевых преступлений, приведенных в табл. 4, имеют прямые соответствия с речевыми актами (речевыми жанрами, целеустановками), достаточно хорошо описанными в лингвистических работах (например, угроза, оскорбление, призыв), заимствовать их в неизменном виде в экспертных целях невозможно, т.к. такие даже подробные лингвистические описания речевых действий «не содержат никакой информации об их юридической значимости, о том, какие правовые последствия могут проистекать из их диагностики» [Сафуанов 2014: 113]. Например, установление в высказывании значения угрозы не свидетельствует о возможности квалификации угрозы как преступления в том случае, если не выявить то, чем именно угрожают, т.е. то, что могло быть соотнесено с элементами состава преступления в соответствии с уголовным законодательством (например, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в соответствии

со ст. 119 УК РФ). Если в экспертизе по делу о противодействии экстремизму и терроризму описывать призыв как речевой акт без учета понимания этой категории в праве, то будут охвачены не все случаи побуждения, реализуемого в тексте: согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под публичными призывами к терроризму «следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности», т.е. призыв в праве понимается широко – как побуждение. Представляется, что в данном случае необходимо применять не просто лингвистические знания, а знания судебно-лингвистические, полученные в результате трансформации, адаптации лингвистических знаний в зависимости от юридического значения устанавливаемых явлений. Подобную точку зрения мы обнаруживаем в трудах зарубежных ученых. Так, А. Johnson и М. Coulthard, говоря об отличии лингвистики от судебной лингвистики, отмечают следующее: «Итак, что по существу отличает судебную лингвистику как отдельную дисциплину, так это ее взаимодействие с социально-правовыми последствиями письменных и устных текстов, которые она описывает» [Johnson & Coulthard 2010: 14]. В данном случае А. Johnson и М. Coulthard говорят о юридических последствиях применения специальных знаний судебного эксперта-лингвиста, что в целом соотносится с вышеприведенной точкой зрения Ф.С. Сафуанова о юридическом значении заключения эксперта.

Приведенные выше, а также другие случаи использования лингвистических терминов без их адаптации в зависимости от юридического значения, по нашему мнению, свидетельствуют о необходимости использования в судебной лингвистической экспертизе так же, как и в судебной психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизе, категории «экспертные понятия», т.е. понятия, занимающие промежуточное положение между лингвистическими феноменами и юридическими терминами.

Как указывалось выше, исходя из положений теории экспертных понятий, разработанной в судебно-психологической экспертизе, для выработки экспертных понятий необходимо проведение экспертологического анализа, в ходе которого применительно к лингвистической экспертизе требуется установить соотношение правовых понятий и стоящих за ними лингвистических феноменов.

Применительно к судебной лингвистической экспертизе общим для всех речевых правонарушений является описанное выше положение о том, что речевое действие, которое лежит в основе объективной стороны преступления, является по природе лингвистическим и именно оно устанавливается путем применения специальных лингвистических знаний. При этом лингвистическое наполнение этого речевого действия может быть шире, чем его понимание как составляющей объективной стороны преступления (например, описанное выше понятие «угроза» или «оскорбление»). Возможна и обратная ситуация (например, понятие «призыв», которое в антиэкстремистском законодательстве понимается широко – как побуждение). Экспертное же понятие занимает промежуточное положение.

Схематично соотношение правового, лингвистического и экспертного понятия можно представить следующим образом (рис. 3).

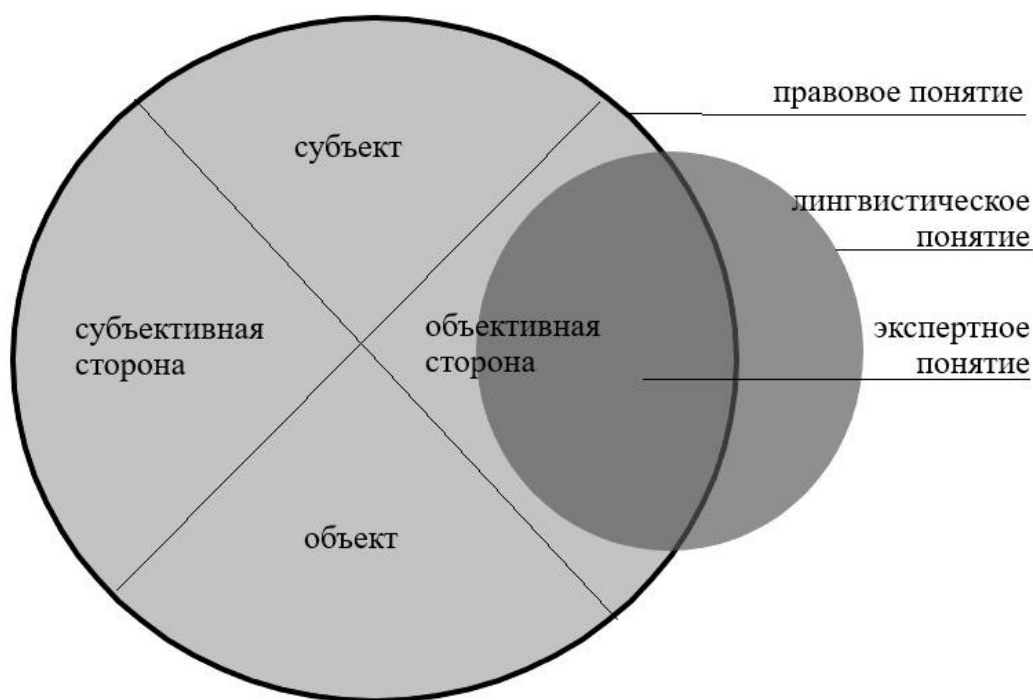

Рис. 3. Соотношение правового, лингвистического и экспертного понятий

Как отмечалось выше, в соответствии с теорией экспертных понятий при разработке экспертного понятия важным является учет формулировки правовой нормы, в том числе диспозиции. Они могут быть сформулированы в лингвистических понятиях (например, «угроза», «призыв», «сообщение», «отрицание»), а могут быть сформулированы и без использования таких понятий (например, «склонение», «принуждение», «возбуждение ненависти либо вражды», «унижение человеческого достоинства»).

В случае формулировки правовой нормы в лингвистических понятиях эти нормы в результате экспертологического анализа непосредственно трансформируются в экспертные понятия. При этом, по нашему мнению, неизменным остается прагматический компонент этого лингвистического понятия (того или иного речевого действия), трансформации же большей частью подвержено его пропозициональный компонент (предметное содержание).

Например, для проведения лингвистической экспертизы по делу о вымогательстве (для квалификации ст. 163 УК РФ) существенным является экспертологический анализ правового понятия «вымогательство».

Исходя из диспозиции данной нормы под вымогательством понимается следующее: «Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». В данном случае вымогательство трактуется как деяние, состоящее из двух речевых действий: «требования передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера» и «угрозы применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпев-

шего или его близких». Они соотносимы с лингвистическими понятиями «требование» и «угроза», которые описаны в теории речевых актов, теории речевых жанров или как целеустановки. При этом, являясь лингвистическими понятиями, они не содержат никакой информации о юридическом значении, в связи с чем требуют трансформации, адаптации для решения экспертной задачи. В данном случае трансформация предполагает введение «понятия-ограничителя» (в терминологии О.Д. Ситковской), определяемого содержанием тех речевых действий, которые представлены в диспозиции правовой нормы. На наш взгляд, «понятие-ограничитель» в данном случае затрагивает только часть семантической структуры того или иного речевого действия, связанную с предметным содержанием (т.е. конкретизация характера требования и угрозы, описанного в норме права), целевой же компонент (прагматическая составляющая) остается неизменным. Таким образом, в данном случае в результате трансформации вырабатываются экспертные понятия «требование совершения действий, связанных с чужим имуществом» и «угроза применением насильственных, разрушительных действий, распространением негативной информации». Установление таких понятий имеет юридическое значение, в связи с чем будет учитываться как один из признаков объективной стороны состава преступления по ст. 163 УК РФ, в отличие, например, от выводов эксперта о наличии в высказываниях требования к совершению действий, не связанных с имуществом, и информации о негативных событиях в жизни адресата в будущем.

Схематически выработку экспертного понятия для проведения судебной лингвистической экспертизы по делам о вымогательстве можно представить следующим образом (рис. 4).

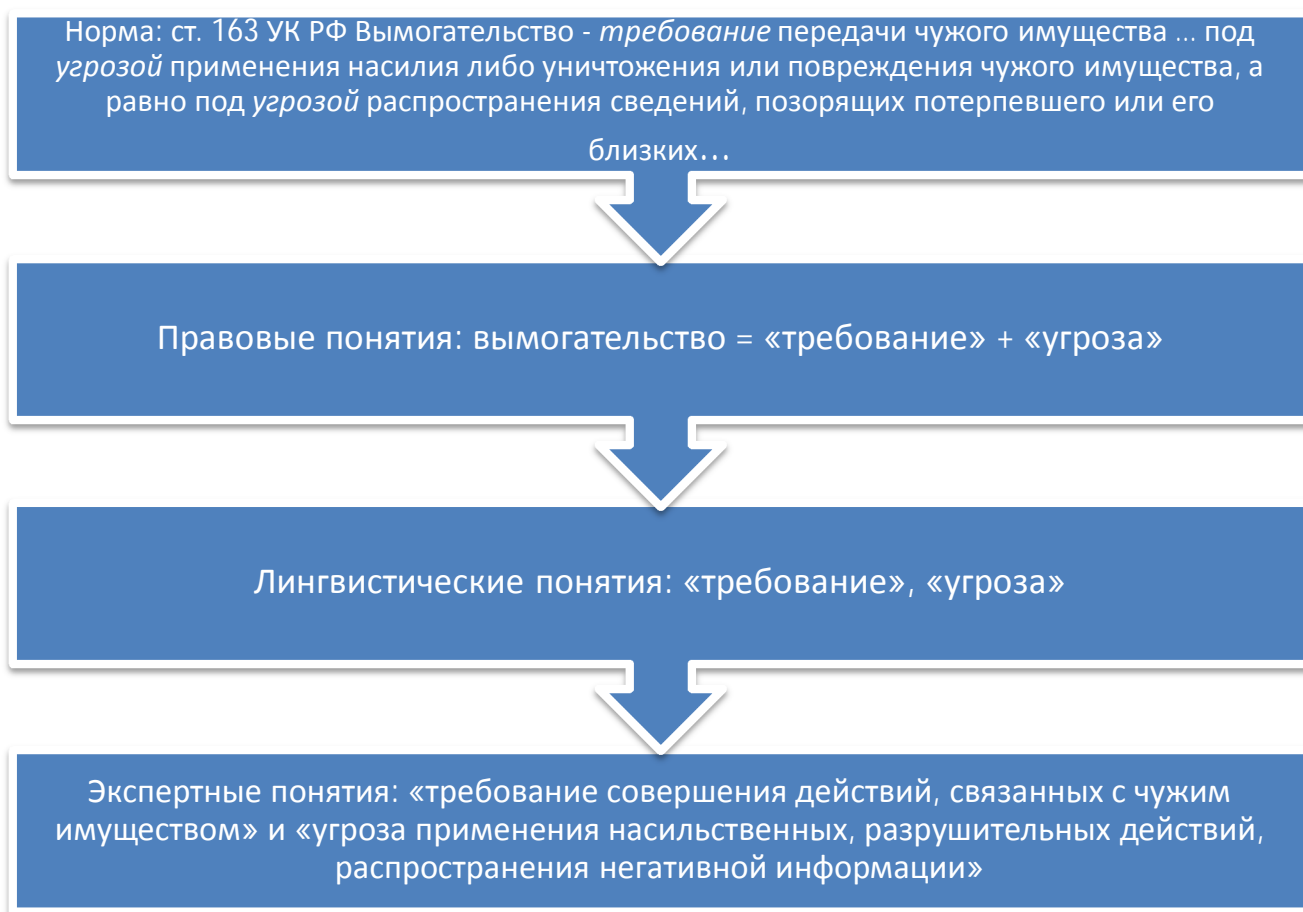

Рис. 4. Выработка экспертных понятий для квалификации ст. 163 УК РФ

В случае формулировки нормы без использования лингвистического понятия выработка судебно-лингвистического экспертного понятия осложняется необходимостью проведения опосредованного анализа. Представляется, что в такой ситуации необходима выработка лингвистического критерия напрямую на основе правового понятия. Исходя из этого на первом этапе анализа необходимо уяснение того, что понимает под этим правовым понятием законодатель, правоприменитель, т.е. определение правового содержания речевого действия. Такая информация может содержаться в диспозиции нормы, Постановлениях Пленума, определениях Верховного Суда Российской Федерации и др. Далее выявленная информация о правовом содержании речевого действия соотносится с имеющимися в базовой науке лингвистическими понятиями, после чего выводится судебно-лингвистическое экспертное понятие.

В качестве примера рассмотрим экспертологический анализ понятия

«оскорбление» применительно к статье 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти».

Правовая дефиниция оскорбления содержится в статье 5.61 КоАП РФ – «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Такая же диспозиция оскорбления ранее имелась в статье 130 УК РФ. До декриминализации этой статьи в ней содержалась общая норма об оскорблении; другие уголовные нормы об оскорблении (статьи 297, 319, 336 УК РФ) являлись специальными по отношению к общей норме, вследствие чего понимание оскорбления в соответствии со статьей 130 УК РФ распространялось и на специальные составы. Данное правовое понимание оскорбления и сейчас распространяется на указанные нормы уголовного права. Согласно диспозиции для квалификации оскорбления существенными являются 2 признака:

- 1) унижение чести и достоинства другого лица,
- 2) неприличная форма выражения такого унижения.

Понятие «унижение» является не лингвистическим, а определяемым в правовом отношении. В настоящее время в юриспруденции под унижением чести и достоинства личности понимается отрицательная оценка личности, имеющая обобщенный характер: «Унижение чести и достоинства – это отрицательная оценка личности в обобщенном виде, направленная на ее дискредитацию, подрыв авторитета человека, как в глазах окружающих, так и в своих собственных» [Кассационное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2010 № 65-О10-1]. Из приведенного правового понимания видно, что данный термин трактуется через такие слова и словосочетания, как «отрицательная оценка личности», «дискредитация», «подрыв авторитета», которые, с одной стороны, говорят о возможности соотнесения данного понятия с традиционной лингвистической категорией оценки (в данном случае отрицательной оценки), с другой стороны, указывают на вид этой оценки – не просто негативная оценка, а оценка, направленная на дискредитацию, подрыв авторитета человека, т.е. статусная оценка (семантическая формула такой оценки – ‘ты мне не равен, ты не достоин нормальной или высокой оценки’ (= ты

недочеловек)»⁵. Соотношение правового понятия «унижение» и лингвистических понятий «негативная оценка» и «статусная оценка» позволяют выделить особый тип оценочного значения, для которого используется понятие «унизительная оценка лица» [Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016б: 12–15]. Указанное понятие в данном случае является экспертным, полученным в результате трансформации лингвистических понятий «негативная оценка» и «статусная оценка» в зависимости от содержания понятия «унижение чести и достоинства» в праве. Экспертное понятие «унизительная оценка», в отличие от понятия «негативная оценка», имеет юридическое значение.

Второй компонент оскорбления в правовом понимании – неприличная форма выражения – в правовой науке понимается как «откровенно циничная, резко противоречащая нравственным нормам, правилам поведения в обществе форма унижительного обращения с человеком» (см., например, [Кассационное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2010 № 65-О10-1]). Согласно приведенному определению понятие «неприличная форма» в праве связывается с нарушением определенных этических норм. При этом в данном случае имеет место ограничение, связанное с таким нарушением: «откровенно циничная, резко противоречащая нравственным нормам... форма унижительного обращения с человеком». То есть под неприличной формой понимается только имеющее высокую степень проявления нарушение этических норм. В лингвистическом аспекте такое ограничение в квалификации неприличной формы связано с использованием специфической лексики и фразеологии, которая в лингвистической литературе обозначена терминами «непристойная лексика», «неприличная лексика», «нецензурная

⁵ А.Н. Баранов и Л.А. Ерохина предлагают вместо термина «статусная оценка» применять термин «социальное лицо» как аналог английского термина «face», использующегося в социологии и социальной психологии: «Унижение всегда сопряжено с угрозой социальному лицу адресата. В примере: В нашей традиции здравоохранения больному не принято что-то объяснять: нахамят и унижат по принципу «ты дура, а я врач», речь идет не о понижении социального статуса, а о рисках пациента потерять уважение со стороны социума» [Баранов, Ерохина 2020: 25].

лексика», «матерная лексика», «ненормативная лексика», «сквернословие», «обценная лексика» и др. В семантическом аспекте такая лексика имеет семантику «телесного низа». Соотношение правового понятия «неприличная форма» и приведенных лингвистических понятий позволяют выработать экспертное понятие «лингвистические признаки неприличной формы выражения». Понятие «лингвистические признаки» в данном случае использовано как маркер экспертного понятия.

Выработанные экспертные понятия «унизительная оценка лица» и «лингвистические признаки неприличной формы выражения» обладают юридическим значением, в связи с чем они могут в совокупности учитываться как признаки объективной стороны состава преступления по ст. 319 УК РФ.

Схематически выработку экспертного понятия для проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении можно представить следующим образом (рис. 5).

Рис. 5. Выработка экспертных понятий для квалификации ст. 319 УК РФ.

В виде таблицы проведенный экспертологический анализ указанных выше правовых понятий приведен ниже (табл. 6).

Таблица 6. Экспертологический анализ правовых понятий «вымогательство» и «оскорбление»

Понятие	Статья	
	ст. 163	ст. 319
Правовое понятие	Вымогательство, т.е. <u>требование</u> передачи чужого имущества ... под <u>угрозой</u> применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, ... распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких...	Оскорбление представителя власти (<u>унижение</u> чести и достоинства лица, выраженное в <u>неприличной форме</u>)
Экспертное понятие	1) требование совершение действий, связанных с чужим имуществом; 2) угроза применения насильственных, разрушительных действий, распространения негативной информации	1) унижительная оценка лица; 2) лингвистические признаки неприличной формы выражения
Лингвистическое понятие	Волеизъявление («требование», «угроза»)	Негативная оценка, статусная оценка; матизмы, вульгаризмы, семантика «телесного низа»

От сущности категории «экспертные понятия» в судебной лингвистической экспертизе переходим к рассмотрению типологии экспертных понятий.

Как известно, в науке о языке языковой знак имеет двусторонний характер: в нем выделяется план содержания (содержательная, смысловая сторона высказывания, текста) и план выражения (формальная сторона высказывания, текста). Это

положение представляется методологически важным для судебной лингвистической экспертизы. Так, Е.И. Галяшина, говоря о тексте/высказывании как носителе доказательственной информации, подчеркивает: «С точки зрения доказательственной информации интерес представляют не только содержательная сторона (сведения, содержащиеся в тексте/высказывании), имеющая значение для правильного разрешения дела, но и формальная сторона, отражающая языковую, функционально-стилистическую, индивидуально-речевую характеристику текста/высказывания» [Галяшина 2020: 99]. Этот аспект отражен нами в методическом пособии «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе» в связи с выделением и описанием задач указанного рода судебной экспертизы. Так, в качестве одной из задач нами выделяется классификационно-диагностическая задача «выявление значения/формы выражения значения и отнесение их к определенному классу», предполагающая установление, с одной стороны, юридически значимых языковых форм (план выражения), к которым относится, например, «неприличная форма выражения», а с другой стороны, – юридически значимых языковых значений (план содержания), например, значения «угроза», «унизительная оценка лица», «побуждение», «пропаганда» и т.п. [Семантические исследования... 2018: 26–27].

Исходя из этого можно выделить экспертные понятия, соотносящиеся с собственно речевыми действиями, и экспертные понятия, соотносящиеся с формой выражения этих речевых действий.

К экспертным понятиям, соотносящимся с собственно речевыми действиями, относится большой класс понятий, связанных с рассмотренными выше речевыми действиями, входящими в состав объективной стороны преступлений.

Вместе с тем, как показал анализ уголовно-правовых и других норм, в них, помимо юридических терминов, которыми обозначаются преступные речевые действия, имеются юридические термины, которыми обозначается направленность этих действий, предметное содержание запрещенной к распространению информации, а также объект действий. Например, в ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терро-

ризма или пропаганда терроризма» таким предметным содержанием действий является «осуществление террористической деятельности», «терроризм»; в ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера» – «действия сексуального характера»; в ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» – «обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан». Во всех приведенных случаях направленность речевого действия хотя и обозначается юридическим термином, при этом он может быть раскрыт в том числе лингвистически и, соответственно, установлен посредством применения специальных лингвистических знаний.

Представляется, что в данном случае выработка экспертного понятия может также быть осуществлена путем проведения экспертологического анализа. Так же, как и в случае с речевыми действиями, в правовой норме может быть дано разъяснение, служащее своеобразным ориентиром для выработки экспертного лингвистического понятия. Например, во введенных в последнее время статьях Уголовного кодекса Российской Федерации имеется раздел «Примечание», который носит разъясняющий характер. Так, в упоминаемой выше статье 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» содержится примечание, разъясняющее то, что понимается под данными обстоятельствами: «Обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, в настоящей статье признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения». С точки зрения выработки экспертных понятий данное разъяснение можно рассматривать в качестве лингвистического критерия: в нем обозначены семантические поля, типы информации, отражающие обозначенные в статье явления. Так, в данном случае

правовое понятие «обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан» раскрывается через понятия «чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера», «чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий», «ситуации, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения», которые с лингвистической точки зрения соотносятся с соответствующими предметами речи и типами информации, например, предмет речи «эпидемия», «стихийное бедствие», «катастрофа» и т.п.

В случае отсутствия какого-либо разъяснения в статье закона лингвистический критерий может быть выработан на основе правового понятия. Например, в ч. 1 ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера» частично раскрывается правовое понятие «действия сексуального характера» через конкретизацию данных действий – «Понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)». В данном случае экспертным понятием будет понятие «сексуальные действия», соотносимое с семантическим полем «секс».

Представляется, что этот тип понятий является междисциплинарным, в связи с чем для его установления требуется применения не только специальных лингвистических знаний, но и знаний из других областей науки.

Таким образом, как показывает анализ правовых норм, юридически значимые языковые значения (план содержания высказывания), отражающие речевые правонарушения, соотносятся с двумя типами экспертных лингвистических понятий:

– экспертные понятия, соотносящиеся с собственно речевыми действиями («побуждение», «требование», «угроза», «возбуждение вражды, ненависти», «унижение достоинства человека», «унизительная оценка лица» и др.);

– экспертные понятия, соотносящиеся с направленностью речевых действий («терроризм», «террористические действия», «действия сексуального характера», «действия, направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», «обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан», «действия имущественного характера» и др.).

Таким образом, применительно к судебной лингвистической экспертизе можно говорить о типологии экспертных лингвистических понятий (рис. 6).

Рис. 6. Система экспертных лингвистических понятий

Согласно теории экспертных понятий в судебной психологической экспертизе последним этапом разработки предметного вида экспертизы является психологический анализ: «Именно на этом этапе происходит соотнесение экспертных понятий со всей суммой знаний, полученной в результате обучения психологии в системе высшего образования. <...> Каждое судебно-психологическое экспертное понятие, проанализированное на предыдущих этапах как психологическое содержание правовых понятий или юридических критериев, на этой стадии методологического исследования выступает как вектор, задающий юридическое значение психологических явлений, описанных в общепринятых теориях» [Сафуанов 2017: 231–232]. Добавим к этому, что от того, из какой именно области востребованы знания,

зависит и выбор методов исследования.

Применительно к судебной лингвистической экспертизе выделенные нами три типа экспертных понятий требуют применения специальных лингвистических знаний из таких областей науки о языке, как лингвистическая семантика, лингвистическая прагматика (для выработки экспертных понятий, соотносящихся с собственно речевыми действиями и их направленностью), а также лексикология, лексикография и стилистика (для выработки экспертных понятий, соотносящихся с формой выражения речевых действий). Соответственно, для выявления судебно-лингвистических экспертных понятий большей частью требуется применение традиционных методов семантического анализа (например, таких методов, как дефиниционный анализ, синонимическое перифразирование, семантическая декомпозиция, контекстологический, корпусный анализ), семантико-прагматический и стилистический анализ.

Установление экспертных понятий, исходя из типов экспертных задач, представляет собой диагностическую (классификационно-диагностическую) задачу, предполагающую использование диагностических комплексов (эталонов) [Корухов, Майлис, Орлова 2003]. Все типы экспертных лингвистических понятий можно представить в виде соответствующего диагностического комплекса признаков.

Так, все понятия, соотносящиеся с собственно речевыми действиями, можно представить вслед за авторами методического пособия [Кукушкина, Сафонова, Секараж 2014] в виде трехкомпонентной структуры «предмет речи/тематика» – «отношение» – «цель».

В качестве примера диагностического комплекса такого понятия можно привести диагностический комплекс речевого действия «требование» (см. табл. 7).

Таблица 7. Структура экспертного понятия «требование»
в виде диагностического комплекса

Компонент значения	Лингвистические признаки значения
Тематика	Предмет речи: а) адресат; б) различные объекты, на которые направлено действие, которое должен совершить адресат. Содержательные типы высказываний: описание действий, которые должен совершить адресат в отношении предмета речи (б)
Отношение	Положительная оценка описываемых действий адресантом: они желательны для адресанта. Негативная оценка описываемых действий адресантом: адресат может не желать их совершать.
Цель	Выражено побуждение к аудитории к совершению описанного действия.

Соответственно, экспертное исследование в таком случае предполагает использование помимо обозначенных выше лингвистических методов специальные методы судебной лингвистической экспертизы, а именно предметно-тематический, оценочно-экспрессивный и целевой анализ.

Понятия, соотносящиеся с направленностью речевых действий, имеют более простую структуру, представляющую собой семантическое поле, семантическое представление искомого понятия (типа информации) [Семантические исследования..., 2018: 107]. Например, экспертное лингвистическое понятие «сексуальные действия» может быть описано через семантическое поле «секс».

В данном случае применяются методы семантического анализа и предметно-тематический анализ.

Наконец, структура экспертных понятий, соотносящихся с формой выражения речевых действий, значительно отличается от структуры рассмотренных выше понятий. К настоящему времени нами разработана структура экспертного понятия «неприличная форма выражения» [Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016а: 97] (см. табл. 8).

Таблица 8. Структура экспертного понятия «неприличная форма выражения» в виде диагностического комплекса

Критерии	Лингвистические признаки формы
Лексикографический	отсутствие значения слова/устойчивого выражения в академических словарях современного русского литературного языка
Стилистический	значения слов/устойчивых выражений, отсутствующих в академических словарях современного русского литературного языка, стилистически маркированы пометами «нецензурное» / «обсценное» / «неприличное» / «вульгарное» / «вульгарно-просторечное»
Семантический	слова/устойчивые выражения, отсутствующие в академических словарях современного русского литературного языка, значения которых стилистически маркированы пометами «неприличное» / «вульгарное» / «вульгарно-просторечное», семантически относятся к сексуальной/эскреторной лексике или образованы от слов, семантически относящихся к сексуальной/эскреторной лексике.

Соответственно, экспертное исследование в таком случае предполагает применение методов, связанных в основном с исследованием использованных языковых средств, их формальной, стилистической стороны.

Диагностические комплексы (эталон), в виде которых судебно-экспертные лингвистические понятия описываются в экспертных методиках, используются экспертом на сравнительной стадии диагностического исследования. На этом этапе

исследования выявленные в ходе аналитической стадии лингвистические признаки сообщенного сравниваются с диагностическим комплексом (эталонном), в результате чего устанавливаются совпадения (соответствия) и различия с диагностическими комплексами. От правильности выработки экспертного лингвистического понятия зависит достоверность экспертного вывода.

Представляется, что наиболее эффективным способом решения проблемы формирования и развития экспертных лингвистических понятий является их стандартизация, предполагающая закрепление и унификацию терминологии. Одно из направлений работы по стандартизации – разработка национальных стандартов в области судебно-экспертной деятельности, в том числе разработка национального стандарта «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения». Благодаря этому возможна в полной мере реализация положения Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», связанного с осуществлением судебно-экспертными учреждениями деятельности по организации и производству судебной лингвистической экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов.

2.3. Предметные виды судебной лингвистической экспертизы

Одним из оснований классификаций видов экспертиз в судебной психологической экспертизе является характер экспертных вопросов и юридическое значение заключений эксперта. По этому основанию в судебной психологической экспертизе выделяются так называемые предметные виды экспертизы [Сафуанов 2017: 221]. Данная классификация судебных экспертиз является уже традиционной для судебной психологической экспертизы. Так, выделяются, например, судебно-психологическая экспертиза порока воли [Секераж 2004], судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемого, судебно-психологическая экспертиза аффекта у обвиняемого, судебно-психологическая экспертиза потерпевшего по делам о мошенничестве [Сафуанов 2014] и др.

В настоящее время насчитывается большое количество предметных видов судебной психологической экспертизы, комплексной психолого-психиатрической экспертизы, что объясняется изменением законодательства, появлением новых правовых норм.

Каждый предметный вид связан с тем или иным экспертным психологическим понятием, т.к. судебно-психологические экспертные понятия составляют частные предметы конкретных видов данного рода экспертизы [Сафуанов 2017: 231].

Выделение экспертных понятий в судебной лингвистической экспертизе также позволяет ввести в классификацию видов данного рода экспертизы предметные виды, поскольку судебно-лингвистические экспертные понятия также составляют частные предметы конкретных видов судебной лингвистической экспертизы. Кроме того, анализ теоретических и методических работ по судебной лингвистической экспертизе показывает, что такое основание классификации видов экспертизы по сути имеет место, авторы этих работ выделяют разные виды экспертизы в зависимости от категории уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении.

Так, в сборнике материалов «Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ» его составители выделяют 2 вида лингвистических исследований, определяющихся категориями дел:

– экспертные исследования спорных текстов СМИ по ст. 280, 282 УК РФ и ФЗ № 114 РФ;

– экспертные исследования спорных текстов СМИ по ст. 129, 130 УК РФ [Методические рекомендации... 2010].

К.И. Бринев и М.А. Осадчий рассматривают следующие виды лингвистической экспертизы в зависимости от категории дела:

- судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении;
- судебная лингвистическая экспертиза по делам клевете и распространении не соответствующих действительности порочащих сведений;

– судебная лингвистическая экспертиза по делам о разжигании межнациональной, религиозной, социальной розни и призывам к экстремистской деятельности;

– судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой [Бринев 2009; Осадчий 2016].

А.М. Плотникова выделяет лингвистическую экспертизу по делам об оскорблении, клевете, угрозе, а также по делам, связанным с нарушением законодательства о рекламе [Плотникова 2018].

В монографии «Судебная лингвистика» имеется раздел, названный как «Лингвистическая экспертиза по различным категориям дел». В качестве таких категорий авторы выделяют лингвистическую экспертизу по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, лингвистическую экспертизу по делам об оскорблении и лингвистическую экспертизу по делам о взяточничестве и иным преступлениям, не связанных с нарушением норм социальной коммуникации [Судебная лингвистика 2015]. Кроме того, авторы указанной монографии выделяют также экспертизу по делам о преступлениях экстремистской направленности. Этому виду экспертизу посвящена отдельная монография [Судебная экспертиза по делам... 2016].

Предметные виды экспертиз присутствуют в Дополнительной образовательной программе профессиональной переподготовки по экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности» [Кузнецов 2015], по которой проходят дополнительную профессиональную переподготовку работники федеральных бюджетных СЭУ Минюста России. Так, в рамках семантических лингвистических экспертиз выделяются следующие виды:

– экспертиза по делам об оскорблении, клевете, защите чести, достоинства и деловой репутации;

– экспертиза по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму;

– экспертиза по делам о взятках, вымогательстве, угрозе, незаконном обороте наркотиков и подобных;

– экспертиза по делам, связанным с нарушением законодательства о рекламе.

Перечисленные виды лингвистических экспертиз данной классификации являются обобщенными, укрупненными. Например, экспертиза по делам об оскорблении, клевете, защите чести, достоинства и деловой репутации включает в себя 2 разнородных вида экспертиз, объединенных по классу категорий дел, связанных с диффамационными речевыми действиями. Экспертиза по делам о взятках, вымогательстве, угрозе, незаконном обороте наркотиков и подобных объединяет множество категорий дел и большей частью выделяется не по характеру задач, а по типу объекта (диалогический текст).

Введение в теоретические основы судебной лингвистической экспертизы категории «экспертные понятия» позволяет выделить более четко предметные виды данного рода экспертизы, различающиеся предметом и характером экспертных задач.

Исходя из представленных в Уголовном кодексе Российской Федерации норм, отображающих речевые преступления, можно выделить следующие предметные виды судебной лингвистической экспертизы в уголовном процессе (см. табл. 9).

Таблица 9. Предметные виды судебной лингвистической экспертизы в уголовном процессе

№№ п/п	Предметный вид	Статьи УК РФ	Экспертные понятия
1.	Экспертиза по делам об оскорблении	297, 319, 336	признаки унижения / унижительная оценка лица; признаки неприличной формы выражения
2.	Экспертиза по делам о клевете	128.1	негативная информация; утверждение о фактах и событиях
3.	Экспертиза по делам, связанным с	205.2, 207, 280, 280.1, 282, 354	признаки побуждения (в том

	противодействием экстремизму и терроризму		числе в форме призыва); признаки пропаганды; признаки оправдания; признаки возбуждения вражды (ненависти); признаки унижения человеческого достоинства
4.	Экспертиза по делам об оскорблении религиозных чувств верующих	148	признаки оскорбления чувств верующих
5.	Экспертиза по делам об угрозе	110, 119, 120, 133, 150, 163, 221, 226, 229, 296	угроза / признаки угрозы
6.	Экспертиза по делам о вымогательстве	163, 221, 226, 229	требование, угроза
7.	Экспертиза по делам, связанным с противодействием коррупции	290, 291, 291.1, 291.2, 304	побуждение, требование, предложение, речевая провокация
8.	Экспертиза по делам о реабилитации нацизма	354.1	отрицание, одобрение, утверждение о фактах и событиях
9.	Экспертиза по делам о заведомо ложном доносе	306	признаки обвинения, утверждение о фактах и событиях
10.	Экспертиза по делам о склонении к действиям	110.1; 230; 230.1	побуждение, признаки склонения

11.	Экспертиза по делам о принуждении и понуждении к действиям	120, 133, 179, 240, 302, 309, 333	побуждение, признаки принуждения, признаки склонения
12.	Экспертиза по делам о вовлечении в деятельность	150, 151, 151.2, 240	побуждение, признаки вовлечения

Как указывалось выше, в КоАП РФ также присутствуют нормы, отображающие речевые правонарушения. Можно выделить следующие предметные виды судебной лингвистической экспертизы в административном процессе (см. табл. 10).

Таблица 10. Предметные виды судебной лингвистической экспертизы в административном процессе

№№ п/п	Предметный вид	Статьи КоАП РФ	Экспертные понятия
1.	Экспертиза по делам об оскорблении, неуважении	5.61, 13.15, 20.1	признаки унижения / унижительная оценка лица; признаки неприличной формы выражения
2.	Экспертиза по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму	13.15, 13.37, 20.3, 20.3.1	признаки побуждения (в том числе в форме призыва); признаки; признаки обоснования, признаки оправдания; признаки пропаганды; признаки возбуждения вражды (ненависти); признаки унижения человеческого достоинства

3.	Экспертиза по делам о пропаганде наркотиков	6.13	признаки пропаганды
4.	Экспертиза по делам о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений	6.21	признаки пропаганды
5.	Экспертиза по делам о принуждении к действиям	5.40	побуждение, признаки принуждения
6.	Экспертиза по делам о вовлечении в деятельность	6.10, 6.23, 20.2	побуждение, признаки вовлечения

В гражданском процессе можно выделить 2 предметных вида судебной лингвистической экспертизы (табл. 11).

Таблица 11. Предметные виды судебной лингвистической экспертизы в гражданском процессе

№№ п/п	Предметный вид	Статьи ГК РФ	Экспертные понятия
1.	Экспертиза по делам о компенсации морального вреда	151	признаки унижения / унижительная оценка лица
2.	Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации	152	негативная информация; утверждение о фактах и событиях

Приведенные перечни предметных видов могут быть дополнены в случае изменения законодательства – введения новых правовых норм, связанных с речевыми

правонарушениями.

Выводы по второй главе

1. Экспертные лингвистические понятия – новая для теории судебной лингвистической экспертизы категория. Они носят междисциплинарный характер, занимают промежуточное положение между правовыми понятиями и лингвистическими феноменами.

2. Экспертные лингвистические понятия соотносятся с речевыми действиями, которые являются в уголовно-правовом и административно-правовом аспекте одним из компонентов объективной стороны состава преступления (правонарушения).

3. В отличие от лингвистических категорий, экспертные лингвистические понятия обладают юридическим значением, в связи с чем их установление путем применения специальных лингвистических знаний значимо при квалификации преступления.

4. Экспертные понятия, сформулированные в юридических терминах, возможно использовать в формулировках экспертных задач, вопросов и выводов. Это обеспечивает более эффективную коммуникацию между экспертом и правоприменителем и позволяет более эффективно использовать заключение эксперта как доказательство по делу.

4. Экспертные лингвистические понятия вырабатываются путем проведения экспертологического анализа, предполагающего установление соотношения правовой нормы и соответствующего лингвистического феномена.

5. Система экспертных лингвистических понятий включает в себя экспертные понятия, соотносящиеся с собственно речевыми действиями; экспертные понятия, соотносящиеся с направленностью речевых действий; экспертные понятия, соотносящиеся с формой выражения речевых действий.

6. В методическом аспекте судебно-экспертные лингвистические понятия могут использоваться при проведении судебной лингвистической экспертизы в виде диагностических комплексов (эталонов), отражающих структуру того или

иного экспертного понятия.

7. Экспертные лингвистические понятия составляют теоретическую и методологическую основу судебной лингвистической экспертизы, на их основе возможно построение новых предметных видов судебной лингвистической экспертизы.

Глава 3. «ПРОВОКАЦИЯ» КАК ЭКСПЕРТНОЕ ПОНЯТИЕ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

3.1. Правовой аспект понятия «провокация»

В последнее время в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России наблюдается значительное увеличение количества судебных лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам коррупционной направленности, прежде всего по статьям 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации. На разрешение эксперта по такой категории дел, как правило, ставятся такие вопросы, как «Идет ли в разговоре речь о денежных средствах, их передаче?», «Каково предназначение денежных средств?», «Побуждает ли один коммуникант другого коммуниканта к передаче денежных средств?», «Побуждает ли один коммуникант другого коммуниканта к принятию денежных средств?».

Последний из перечисленных вопросов также может быть поставлен на разрешение эксперта в случае назначения экспертизы по уголовным делам, возбужденным по статье 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». В данном случае установленное экспертом побуждение к принятию денежных средств может рассматриваться правоприменителем как провокация.

Как показывает экспертная практика, часто эксперт при проведении экспертиз по делам, возбужденным по статьям 290 и 291 УК РФ, сталкивается с провокацией в несколько ином понимании, связанном с предложением передачи денежных средств от одного коммуниканта другому, при этом данное предложение вызвано определенными действиями коммуниканта, которому денежные средства предлагают.

В настоящее время в системе СЭУ Минюста России не существует единого

методического подхода к выявлению провокации путем применения специальных лингвистических знаний. Это по большей части объясняется, на наш взгляд, отсутствием выработанного экспертного понятия «провокация».

Как отмечалось выше, в соответствии с теорией экспертных понятий выработать экспертное понятие возможно путем проведения экспертологического анализа, в ходе которого требуется установить соотношение правовых понятий и стоящих за ними лингвистических феноменов.

Исходя из этого прежде всего необходимо установить, как определяется понятие «провокация» в праве.

В уголовно-правовом законодательстве понятие провокации сформулировано только в статье 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»: попытка передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа. Как видно из приведенного определения, под провокацией по сути понимается неречевое действие – попытка передачи имущества или оказания услуг имущественного характера. При этом, согласно комментариям к данной статье УК РФ, попытка передачи может сопровождаться и речевыми действиями, например, уговорами: «Действия лица, не осознающего провокации, поддавшегося уговорам и принявшего указанные предметы, могут квалифицироваться как покушение на совершение преступлений, предусмотренных ст. 204 или 290 УК» [Комментарий к Уголовному кодексу... 2017].

Таким образом, в ныне действующем Уголовном кодексе Российской Федерации содержится узкое понимание провокации, связанное с попыткой передачи провоцирующим лицом имущества или оказания услуг имущественного характера

провоцируемому лицу.

Вместе с тем в советское время в Уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. имелась норма «провокация взятки», содержащая более широкое понимание провокации. Так, в УК РСФСР 1922 г. провокация взятки определялась как «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку» [Сборник документов... 1953: 130], а в УК РСФСР 1926 г. – «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку» [там же: 279]. Данные определения провокации в определенной мере близки современному ее пониманию, нашедшему отражение в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее ФЗ «Об ОРД»). Согласно указанной статье органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация). То есть провокация в данном случае понимается как некое речевое действие со стороны провоцирующего, направленное на совершение провоцируемым противоправных действий.

Указанная норма в ФЗ «Об ОРД» появилась вследствие вынесения Европейским судом по правам человека Постановления «Ваньян против Российской Федерации», в котором приведены признаки так называемой полицейской провокации: «Если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления»⁶. В других Постановлениях ЕСПЧ понятие полицейской провокации раскрывается через воздействие. Например, в Постановлении «Раманаускас против Литвы» сообщается

⁶ Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 по жалобе «Ваньян против Российской Федерации» (Vanuyan v. Russia), жалоба № 53203/99 // Бюллетень ЕСПЧ. 2006. № 7.

следующее: «Провокация со стороны полиции имеет место при участии сотрудников полиции – как сотрудников правоохранительных органов, так и агентов, действующих по их указаниям, – которые не ограничивают себя расследованием преступной деятельности в пассивной форме, но применяют воздействие такого характера, которое провоцирует совершение преступления и которое в ином случае не было бы совершено, с целью установления преступления, то есть получения доказательства и возбуждения уголовного преследования»⁷. В постановлениях ЕСПЧ понятие «провокация» определяется через «давление», «влияние». Таким образом, термины «провокация», «подстрекательство», «воздействие», «давление», «влияние» используются судом как синонимичные.

Определение полицейской провокации ЕСПЧ соотносится с одним из пониманий этой категории в зарубежном уголовном праве в целом, согласно которому провокация представляет собой акт подстрекательства одним человеком другого к тому, чтобы последний совершил преступление [Black's Law Dictionary 2004: 1241]. При этом имеется и иное понимание, связанное с такими действиями провоцирующего, которые вызывают определенную эмоциональную реакцию у провоцируемого (лишение самообладания, потеря самоконтроля), в результате чего провоцируемый «в пылу страсти» совершает преступное деяние, при этом данное деяние выступает как акт мести [Ashworth 1976; Black's Law Dictionary 2004: 1241; Virgo 1999].

Возвращаясь к отечественному законодательству, необходимо отметить, что Верховный суд Российской Федерации вслед за ФЗ «Об ОРД» в «Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 года) раскрывает провокацию аналогично, т.е. через подстрекательство, склонение, побуждение: «Под про-

⁷ Постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 «Дело «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы» (Ramanauskas v. Lithuania), жалоба N 74420/01 // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 8.

вокацией сбыта судам следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ)».

В уголовно-правовой науке провокация рассматривается неоднозначно. Ряд ученых определяют провокацию через побуждение, подстрекательство провоцируемого лица к совершению преступления. Так, Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров определяют провокацию как «подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и т.п. к действиям, которые могут повлечь тяжкие последствия» [Тихомирова, Тихомиров 1997: 336]. В.Д. Иванов и В.А. Черепяхин отмечают: «Именно стремление лица побудить к совершению преступления, а затем передать подстрекаемое лицо после совершения им преступления органам правосудия и образует провокацию преступления» [Иванов, Черепяхин 2013]. Е.С. Дубоносов под провокацией преступления понимает «активные действия субъектов по умышленному побуждению лица, не имевшего преступного умысла, к совершению преступления» [Дубоносов 2000: 12].

О.А. Вагин, С.Д. Демчук рассматривают провокацию как склонение лица к совершению преступления: «провокация преступления, т.е. склонение к его совершению лиц, не обнаруживших противоправных намерений» [Вагин 2012: 218]; «провокацией преступления является склонение другого лица к совершению преступления любым способом, направленным на формирование и реализацию конкретного (определенного) умысла, в целях привлечения к уголовной ответственности, дискредитации или шантажа этого лица» [Демчук 2015: 109].

А.А. Мастерков понимает провокацию преступления как «вовлечение другого лица в совершении преступления, совершенное с целью наступления вредных для этого лица последствий» [Мастерков 2000: 16]. Через понятие «вовлечение» провокацию преступления определяет и А.Д. Назаров: «Провокацией преступления признается вовлечение другого лица в совершение преступления, совершенное с целью возбуждения против него уголовного преследования» [Назаров 2010: 15].

Более обобщенно рассматривает провокацию С.Н. Радачинский – «умышленная односторонняя деятельность виновного, направленная на моделирование такого поведения другого человека, которое имело бы все внешние признаки преступления, с целью дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения, если при этом деяние провоцируемого фактически не обладает признаками виновности» [Радачинский 1999: 12]. В данном случае провокация рассматривается как деятельность провоцирующего лица без конкретизации вида деятельности (физическое действие или речевое действие).

Таким образом, понятие «провокация» в праве определяется неоднозначно. Вместе с тем существенным для настоящего исследования является то, что большей частью провокация рассматривается преимущественно как действие, осуществляемое посредством речи, и описывается как побуждение в различных формах (собственно побуждение, а также склонение, подстрекательство), осуществляемое как прямо, так и косвенно, непрямо.

3.2. Лингвистический аспект понятия «провокация»

С целью рассмотрения категории «провокация» в лингвистическом аспекте прежде всего необходимо обратиться к данным толковых словарей русского языка, в которых приводятся дефиниции слова «провокация» как элемента повседневного языка. Приведем лишь те словарные толкования, которые можно соотнести с пониманием провокации преступления в праве⁸:

«ПРОВОКАЦИЯ. [латин. provocatio — вызов]. 2. Умышленный вызов, подстрекательство с какой-н. целью. *Открытая провокация войны фашистами. В этом вопросе скрывалась провокация*» [Толковый словарь русского языка 1939, Т. 3: 906–907].

«ПРОВОКАЦИЯ. 1. Действие, направленное против отдельных лиц, групп,

⁸ Исключены толкования слова «провокация» как медицинского термина, а также обозначения этим словом природных явлений.

государств и т.п. с целью вызвать ответное действие, влекущее за собой тяжелые или гибельные для них последствия» [Словарь современного русского литературного языка 1948—1965, Т. 11: 980–981].

«ПРОВОКАЦИЯ. 1. Подстрекательство, побуждение кого-л. (отдельных лиц, групп, организаций и т. д.) к таким действиям, которые повлекут за собой тяжелые, гибельные для них последствия. *Военная провокация*» [Словарь русского языка 1999: 472].

«ПРОВОКАЦИЯ. 1. Предательское поведение, подстрекательство кого-н. к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия. *Устроить провокацию. Не поддаваться на провокацию*» [Ожегов и Шведова 2010: 563].

«ПРОВОКАЦИЯ. 2. Подстрекательство, побуждение кого-л. к действиям, которые могут повлечь тяжёлые для него последствия. *Втянуть в провокацию кого-л. Организовать провокацию*» [Большой толковый словарь русского языка 1998: 1002].

Подобным образом определяются слова «провокация» и «провоцировать» в английском языке:

ПРОВОКАЦИЯ. Действие или заявление, которое направлено на то, чтобы рассердить кого-то. [The American heritage dictionary 2004].

ПРОВОЦИРОВАТЬ 1. Разжигать злость или обиду. 2. Побуждать к активным действиям или ощущениям. 3. Давать начало; вызывать: *провоцировать смех*. 4. Добиваться сознательно; вызвать: *спровоцировать драку* [Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus].

Из приведенных толкований слова «провокация» видно, что оно понимается как определенное действие или поведение одного лица, вызывающие совершение действия другим лицом, и толкуется через слова «действие», «побуждение», «подстрекательство», «вызов», «поведение».

Согласно «Новому объяснительному словарю русского языка» глаголы «про-

воцировать», «подстрекать», «побуждать» являются синонимами с общим значением побуждения к действию. Наряду с данными глаголами в синонимический ряд глаголов, выражающих такое значение, входят глаголы «подталкивать», «толкать», «убеждать», «уговаривать», «улаживать», «агитировать», «призывать», «взывать», «подговаривать», «подбивать», «подзуживать», «подначивать». Кроме того, в данный синонимический ряд включен глагол «склонять» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2004: 369]. Как отмечалось выше, склонение так же, как побуждение и подстрекательство, является одной из форм проявления провокации в правовом понимании.

Глагол «побуждать» в приведенном выше синонимическом ряду выражает общее для всех включенных в этот ряд значение «*X побуждает Y-а к P = 'желая, чтобы Y сделал P, и считая, что действие R может быть причиной того, что Y делает P, X делает R'*». Обладая данным общим значением, глагол «побуждать» может употребляться вместо любого из глаголов синонимического ряда с утратой каких-либо оттенков значения, но при этом без нарушения правильности высказывания [там же].

Глаголы «подстрекать» и «провоцировать» рассматриваемого синонимического ряда реализуют общее значение, выраженное глаголом «побуждать», при этом их значение осложнено оценочным компонентом: имеет место отрицательная оценка действия, к которому побуждается объект, и такая же оценка самого акта побуждения [там же: 371]. Кроме того, глагол «провоцировать» не исключает, «что объект или адресат этих действий может сам хотеть сделать то, к чему его побуждают, но от чего он удерживается» [там же].

Входящий в этот же синонимический ряд глагол «склонять» выражает значение, подобное значению глагола «убеждать», который «ориентирован на изменение намерений адресата с тем, чтобы он совершил нужный поступок» [там же: 1172].

Возвращаясь к приведенным выше толкованиям слова «провокация», необходимо отметить, что значения данного слова, а также примеры, иллюстрирующие

его употребление в речи, свидетельствуют о способе совершения провокации: посредством речи (*В этом вопросе скрывалась провокация*) и посредством определенных физических действий (*Открытая провокация войны фашистами; военная провокация*).

Такое разграничение способов реализации провокативных действий является традиционным в исследованиях, посвященных феномену провокации. Так, И.М. Дзялошинский и Р.В. Жолудь выделяют три группы средств, используемых при осуществлении провокации: провокативные действия, провокативные тексты и провокативные речи [Дзялошинский, Жолудь 2017: 63]. В свою очередь, провокативные речи ученые разделяют на 2 типа: «Первый тип рассчитан на провоцирование адресата не действие, которое необходимо или заранее известно провокатору. Второй тип предусматривает получение в ответ какой-либо информации – или известной провокатору или неизвестной (в этом случае говорят о “выпытывании” сведений)» [там же: 65].

Для ситуации провокации преступления наибольший интерес представляют именно провокативные речи, причем обоих типов.

Речевая провокация как лингвистический феномен в настоящее время достаточно хорошо описан в традиционных для науки о языке терминах «речевой акт», «речевой жанр», «речевая стратегия», «речевое воздействие» и др.

В.Н. Степанов рассматривает данное явление сквозь призму теории речевых жанров как «комплексное жанровое образование» «в совокупности лингвистических и прагматических факторов, выражающее провокативное намерение (провоцирующего) скорректировать эмоциональное состояние и коммуникативную активность провоцируемого, вызвав в нём интенциональное состояние, аналогичное демонстрируемому и не соответствующее актуальному эмоциональному состоянию реципиента» [Степанов 2014: 92]. Ученый отмечает, что провокация в речи проявляется как провокативная стратегия – комплекс интенций говорящего, составляющий программный блок, и «последовательно реализуется в процессе репрезентации речевых жанров (провокативных жанров) до того момента, пока не будет

достигнут ожидаемый провокативный эффект» [там же: 91]. По мнению В.Н. Степанова, можно говорить о существовании провокативной деятельности как особого вида речевой деятельности [Степанов 2008].

Е.Н. Зарецкая определяет речевую провокацию в риторическом аспекте – как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на (1) получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо (2) дестабилизацию его эмоционального состояния» [Зарецкая 1998: 48]. Она рассматривает провокационную речь как подчиняющее прямое воздействие: «человека вынуждают помимо его воли передать некоторую информацию» [Зарецкая 2000].

По мнению О.С. Иссерс, провокация представляет собой провокационную речевую стратегию, которую можно определить как «конфликтогенную технологию речевого воздействия, поскольку она побуждает партнера к речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [Иссерс 2009: 95]. Провокация как речевая стратегия реализуется посредством речевых тактик. Например, провокационная речевая стратегия, направления на выведывание информации, выполняется через следующие речевые тактики: «игра по правилам», «частичный запрос», «установление связей и отношений», «наведение темы», «принуждение через обвинение, или игра без правил», «апелляция к слухам», «комплимент» [там же: 96–100].

Как коммуникативную стратегию определяет провокацию и О.С. Волкова: «коммуникативная провокация – это стратегия деструктивного поведения, направленная на вовлечение партнера по коммуникации в конфликтное взаимодействие или создание условий для его возникновения» [Волкова 2014: 52].

В.Л. al Guburi рассматривает речевую провокацию как речевой акт. Вслед за Дж. Л. Остином [Остин 1986] ученый выделяет в речевом акте 3 уровня: локутивный акт, иллюкутивная сила и перлокутивный эффект: «Провокацию следует рассматривать как словесное действие (локутивный акт), имеющее специфическую

функцию (иллокутивная сила) оскорбления или гнева и приводящее к специфическому эффекту (перлокутивная сила) провоцирования, заставляющему кипеть кровь и, возможно, побуждающему провоцируемого к совершению преступления» [Al Guburi 2013: 872]. Ученый отмечает, что провокация является преднамеренным речевым актом, который может быть прямым или косвенным. В последнем случае провокация реализуется посредством различных форм непрямого общения, «наиболее значимыми из которых для провокации являются намеки, инсинуации и предложения передать больше того, что сказано. В таких случаях говорящий чаще всего потенциально предсказывает, что его собеседник поймет его сообщение, но он не уверен, каким будет ответ» [Ibid.: 873].

Таким образом, приведенные толкования слова «провокация» как элемента повседневного языка, а также определения провокации как лингвистического феномена свидетельствуют о том, что провокация в лингвистическом аспекте можно описать как волеизъявление, например, в понимании этой категории М.Г. Безяевой, согласно которому волеизъявление связано с желанием одного коммуниканта воздействовать на другого коммуниканта (или третье лицо) в целях изменить ситуацию: «Под волеизъявлением мы понимаем выражение желания говорящего каузировать действие при наличии его (непосредственного) исполнителя либо слушающего, способного довести до сведения третьего лица желание говорящего и тем самым каузировать его действия с целью изменения ситуации» [Безяева 2002: 13]. При этом каузация включает два параметра: параметр причины, толчка к изменению ситуации и параметр воздействия [там же].

Существенным для провокации как лингвистического феномена также является то, что она большей частью представляет собой сложное действие, складывающееся из ряда более простых действий. В этой связи неслучайно провокацию многие ученые рассматривают как речевую стратегию – «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008: 54].

3.3. Экспертный аспект понятия «провокация»

Вопрос о возможности решения вопроса о наличии/отсутствии в разговоре провокации в рамках судебной лингвистической экспертизы является в настоящее время пока не решенным. Так, авторы монографии «Судебная лингвистика» считают, что вопрос о наличии в разговоре признаков провокации пока что не может быть решен путем использования специальных лингвистических знаний, поскольку, во-первых, понятие «провокация» имеет правовой и психологический характер, во-вторых, провокация рассматривается авторами как перлокутивная составляющая коммуникации, которая относится к результату речевого общения и является ненаблюдаемым и не восстанавливаемым категорично значением, в-третьих, в настоящее время отсутствуют апробированные лингвистические методы для выявления в рамках экспертизы феномена провокации [Судебная лингвистика 2015: 275].

С другой стороны, Т.В. Варлакова рассматривает провокацию как юридико-лингвистическую категорию, выявление которой возможно в рамках судебной лингвистической экспертизы. По ее мнению, на разрешение эксперта могут быть поставлены следующие вопросы: «Имеются ли высказывания побудительного характера или фразы в форме директивного предписания к действиям в пользу кого-либо из участников разговора, высказанные в адрес другого (-их) участника (-ов) и свидетельствующие о возможной провокации? Если да, то какие именно, в какой форме, от кого исходят и кому адресованы?»; «Имеются ли признаки речевой провокации в высказываниях побудительного характера в адрес собеседника со стороны кого-либо из участников разговоров к совершению каких-либо действий? Если да, то какие именно провокационные высказывания выявлены и в какой форме (прямого побуждения, констатации необходимости или иной)?» [Варлакова 2013: 34–35].

Рассмотрение провокации как юридико-лингвистической категории, т.е. в междисциплинарном аспекте, по нашему мнению, является верным, поскольку оно

близко к ее пониманию в качестве судебно-лингвистического экспертного понятия. Как указывалось выше, для выработки экспертного понятия «провокация» необходим экспертологический анализ, предполагающий установление соотношения правовой нормы и лингвистического феномена.

Повторим, что правовое понимание провокации преступления раскрывается в ФЗ «Об ОРД»: провокация – это подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. То есть провокация в праве определяется через синонимический ряд «подстрекательство, склонение, побуждение». При этом одно из этих понятий – «побуждение» – является собственно лингвистическим, а два других – «подстрекательство» и «склонение» – таковыми не являются, но при этом раскрываются через побуждение, выступая в качестве его разновидностей.

Как было установлено, лингвистическая категория «провокация» представляет собой волеизъявление одного коммуниканта, направленное на совершение другим коммуникантом нежелательных для него действий. Указанное понимание провокации в лингвистическом аспекте не несет информации о его юридическом значении, а также о правовых последствиях установления этого феномена в рамках экспертизы, возможности правовой квалификации действий провоцирующего.

Данное лингвистическое понятие достаточно широкое и охватывает большое количество сфер и ситуаций (провокативный дискурс). Для его применения в экспертной практике оно должно быть трансформировано, адаптировано. Такая адаптация возможна путем выделения из всех ситуаций, охватываемых провокативным дискурсом, более узкого круга значимых для уголовно-правовой квалификации ситуаций, например ситуации дачи/получения взятки, коммерческого подкупа. Для данной ситуации значимыми являются такие действия, к которым провоцируется коммуникант, как дача взятки, предложение взятки. Исходя из установленного соотношения правового понятия «провокация» и одноименной лингвистической категории можно сделать вывод, что в качестве судебно-экспертного лингвистического понятия в экспертизах по делам о коррупции выступает понятие «речевая

провокация предложения/дачи взятки». В данном случае речевая провокация понимается как речевое действие – побуждение одним коммуникантом другого коммуниканта к совершению противоправного действия – предложить или дать взятку. Это является лингвистическим наполнением того явления, которое в праве именуется как «провокация преступления (дачи взятки)».

Схематично проведенный экспертологический анализ можно представить в виде таблицы (см. табл. 12).

Таблица 12. Экспертологический анализ понятия «провокация»

Правовая норма	ст. 5 ФЗ «Об ОРД»: органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация).
Правовое понятие	Провокация – подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий
Экспертное понятие	Речевая провокация
Специальное (лингвистическое)	Волеизъявление, побуждение, каузация, речевое воздействие

3.4. Методические подходы к установлению речевой провокации

В настоящее время не существует утвержденных, апробированных методик установления речевой провокации в рамках судебной лингвистической экспертизы. Вместе с тем имеется ряд работ научно-методического характера (например, [Варлакова 2013; Вязигина 2013; Баранов 2014; Доронина 2015; Судебная лингвистика 2015; Галяшина, Галяшин 2016; Галяшина 2016; Штеба 2017]), в которых авторы предлагают методические подходы к установлению этого явления.

Предложенные в перечисленных выше работах подходы сводятся к установлению побуждения одним собеседником другого собеседника к принятию, получению взятки или ее предложению: «При производстве лингвистической экспертизы по делам о получении взятки <...> языковед определяет наличие или отсутствие в представленных словесных материалах побудительных высказываний, имеющих провокационный характер в отношении лица, получившего взятку. Цель речевой провокации — побуждение собеседника к действиям и высказываниям, которые могут нанести ущерб его интересам. <...> Побудительное высказывание, имеющее провокационную направленность, может выступать в качестве способа провокации взятки» [Варлакова 2013: 35].

При этом во всех работах отмечается то, что речевая провокация, в отличие от простого, прямого побуждения, представляет собой сложное комплексное явление, связанное с речевым воздействием: «Провокация предполагает манипулятивное воздействие, в том числе и на сферу эмоций; она ориентирована на вызов у собеседника желаемого говорящему психологического состояния; являет собой комплексное образование» [Галяшина 2016: 9]; «Провокация представляет собой коммуникативное событие, в структуру которого включены такие элементы, как прямое, косвенное или скрытое побуждение, разного рода тактики прямого и скрытого суггестивного воздействия» [Штеба 2017].

Указанная специфика речевой провокации определяет выбор методов исследования. Следует согласиться с А.Н. Барановым, предлагающим в данном случае использовать методы анализа коммуникативной, содержательной и количественной активности участника диалога, а также методы семантического анализа: «Следует отметить, что сам по себе анализ активности участника в рамках той или иной темы общения недостаточен и должен быть дополнен исследованием эксплицитной (пропозициональной) составляющей диалога, а также изучением скрытых, косвенных и неявных способов передачи семантики» [Баранов 2014: 44]. Е.И. Галяшина предлагает применять различные методы лингвистического анализа: «семантические, грамматические, стилистические, коммуникативно-прагматические и

дискурсивные» [Галяшина 2016: 13].

Опираясь на существующий опыт разработки методических подходов к выявлению речевой провокации и положения теории экспертных понятий, рассмотрим методический аспект установления речевой провокации как судебно-лингвистического экспертного понятия.

Как отмечалось в предыдущей главе настоящего диссертационного исследования, задача установления экспертных понятий является диагностической, в связи с чем предполагает установление свойств объекта и сравнение этих свойств с определенным диагностическим комплексом, отражающим особенности того или иного явления. В связи с этим важным является разработка этого диагностического комплекса, совокупности признаков.

Речевая провокация как экспертное лингвистическое понятие, исходя из разработанной нами классификации экспертных понятий, является понятием, соотносящимся с собственно речевым действием. В связи с этим диагностический комплекс «речевая провокация» может быть описан в виде уже ставшей традиционной трехкомпонентной структуры «предмет речи/тематика» – «отношение» – «цель».

Нами было установлено, что экспертное понятие «речевая провокация» понимается как побуждение одним коммуникантом другого коммуниканта к совершению противоправного действия, а именно к предложению или даче взятки. Исходя из этого в основу диагностического комплекса могут быть положены признаки, входящие в диагностический комплекс «побуждение», представленный в методическом пособии «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе» [Семантические исследования... 2018: 112] (см. табл. 13).

Таблица 13. Диагностический комплекс «побуждение к совершению действия»

Компонент значения	Лингвистические признаки значения
Тематика	Предмет речи: а) адресат/аудитория; б) различные объекты, на которые направлено действие, которое необходимо совершить адресату. Содержательные типы высказываний: описание действий, которые нужно совершить адресату в отношении предмета речи (б)
Отношение	Положительная оценка описываемых действий: автор считает их совершение необходимым, целесообразным для адресата/аудитории (эта оценка часто выражена имплицитно – побудительной конструкцией, в семантику которой она обязательно входит)
Цель	Выражено побуждение к аудитории к совершению описанного действия. При этом могут использоваться разные явные речевые цели (вопрос, сообщение о событии, оценка этого события и др.), а побуждение может быть выражено неявно (жанром, особенностями коммуникативной ситуации и др.)

При этом данные признаки необходимо конкретизировать с учетом особенностей реализации провокации как лингвистического феномена.

Исходя из этого диагностический комплекс «речевая провокация» можно представить следующим образом (табл. 14).

Таблица 14. Диагностический комплекс «речевая провокация».

Компонент значения	Лингвистические признаки значения
Тематика	Предмет речи: негативные для адресата, обычно не названные действия, которые необходимо совершить адресату в сложившейся ситуации. При отсутствии коммуникативной неудачи действия называются адресатом (предложение со стороны адресата взятки или дача взятки)
Отношение	Негативные действия адресата желательны, необходимы говорящему
Цель	Выражено побуждение адресата к совершению негативного для него действия. При этом побуждение реализуется как стратегия: могут использоваться разные явные речевые цели (вопрос, сообщение о событии, оценка этого события, убеждение и др.), представляющие собой речевые тактики, реализующие данную речевую стратегию

Как видно из приведенной в табл. 14 структуры диагностического комплекса «речевая провокация», в речи говорящего (провоцирующего) имеет место непря-мая коммуникация: предмет речи явно не назван, речевая цель также выражена неявно, а путем реализации различных речевых целей, «работающих» на общую цель – побуждение собеседника к даче или предложению со стороны последнего взятки. В связи с этим в методическом аспекте важным является установление комплекса речевых тактик, реализующих стратегию речевой провокации.

Обобщение практики производства в СЭУ Минюста России судебных лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз, в которых решались вопросы о наличии/отсутствии в речи коммуникантов речевой провокации, а также обзор литературы ([Варлакова2013; Вязигина 2013; Баранов 2014; Дорони-на 2015]) показали, что набор тактик, реализующих провокативную стратегию,

в целом однообразен. Это по большей части объясняется типичностью коммуникативной ситуации провокации взятки: в разговоре, как правило, участвуют два собеседника, один из которых (X) имеет проблему, но не имеет возможности решить ее законным путем, а второй (Y), по мнению X, имеет возможность (полномочия) эту проблему решить. При этом Y фиксирует разговор посредством аудио- или видеозаписи. При намерении спровоцировать X речевое поведение Y направлено на подведение X к единственному способу решения проблемы последнего – незаконному – путем дачи или предложения им взятки.

Исходя из описанных особенностей данной коммуникативной ситуации можно выделить следующие речевые ходы провоцирующего:

- инициирование провоцирующим темы способа решения проблемы провоцируемого, поддержание этой темы, возвращения к ней. Эта тактика в основном выражается посредством вопросов о способе решения проблемы: *Как мы определимся? Что вы предлагаете? Как решать будем?* В большинстве случаев имеет место повтор одного и того же вопроса. То есть реализуется содержательная активность провоцирующего (в терминологии А.Н. Баранова);

- негативная оценка провоцирующим ситуации, имеющей место у провоцируемого. Как правило, провоцирующий либо дает оценку перспектив в деле провоцируемого, сообщает о негативном прогнозе (имеют место оценочные суждения типа *Плохи ваши дела*), либо говорит о сложности решения проблемы, зависимости ее решения от многих людей (*Вопрос решить трудно, но можно*);

- предложения со стороны провоцирующего по решению проблемы, которые заведомо не устраивают провоцируемого в сложившейся ситуации;

- упреки со стороны провоцирующего в связи с тем, что провоцируемый отказывается принять его предложения по решению проблемы: *Я уже вам всё предложил, а вы отказываетесь*;

- намеки провоцирующего о необходимости предложения провоцируемым денег (*Спасибо в карман не положишь и на хлеб не намажешь; Договоримся; Нужны более веские аргументы*).

Кроме того, провоцирующий в случае коммуникативной неудачи может отступать от ситуации официально-делового общения, что проявляется в изменении тональности общения, проявлении фамильярности, переходе на «ты» и т.п.

Вместе с тем выявление данных тактик должно проводиться с учетом особенностей коммуникативного взаимодействия собеседников, содержания реплик второго коммуниканта. В частности, необходимо обращать внимание на его коммуникативную и содержательную активность в отношении темы денег, взятки: для ситуации речевой провокации данная тема не должна быть изначально инициирована провоцируемым лицом, а должна появиться вследствие действий провоцирующего.

Рассмотрим установление речевой провокации в описанной коммуникативной ситуации на примере из экспертной практики.

Коммуникативная ситуация 1. Основными коммуникантами в разговоре являются М1 – должностное лицо, представитель Государственного учреждения (далее ГУ) и М2 – генеральный директор ООО. М1 – представитель заказчика работ по Государственному контракту № ХХХ. М2 выступает в разговоре как представитель исполнителя работ по указанному Государственному контракту.

Как следует из содержания исследуемого разговора, он является первым разговором, состоявшимся между М1 и М2; коммуниканты ранее знакомы не были.

Коммуникация между М1 и М2 официальная (о чем свидетельствует обращение собеседников друг другу на Вы, деловая тематика беседы), межличностная, непосредственная, вербальная устная, диалогическая. В связи с диалогической формой коммуникации имеет место постоянная мена коммуникативных ролей «говорящий»–«слушающий». Согласно протоколу допроса М1 во время разговора осуществлял негласную аудиозапись посредством диктофона.

Исследование разговора на предмет наличия/отсутствия речевой провокации со стороны М1. В начале разговора М2 сообщает, что его направили к М1 из соседнего кабинета, вводит последнего в курс дела, сообщает о цели своего визита в ГУ: *Это самое (...) ну все сделали работу, сдали. Вопрос, я говорю приехал*

сегодня, ну-у я приехал специально, чтобы <...> ну самое главное не сделать работу, <...> а сдать её, то есть ну; Не, ниче не надо, я, как вам сказать, я сдал, э-э, хочу сдать работу. М1 демонстрирует непонимание: Так. Ну-у сдавайте; Так, так в чем вопрос, я не могу понять! М2, ссылаясь на человека, направившего его к М1, сообщает об отсутствии у него (М2) вопросов и о том, что ранее у него с кем-то состоялась договоренность о приемке работ:

М2: *Может стоит его спросить, у меня вопросов нет, я надеялся, что, то есть, вернее как, мы все решили, договорились, что это все подпишут, ну в смысле работ, принимались все в порядке.*

М1: *Речь идет о приемке работ?*

М2: *Да.*

М1: *Так.*

М1 снова демонстрирует непонимание (*Ну может, если, может, ошиблись кабинетом?; У нас разговор глухого с-с с немым*); предлагает пригласить М3 для разъяснения ситуации; спрашивает о сути контракта: М1: *А вы сами с Москвы? А что у вас за контракт?* – М2: *Да просто контракт по обследованию и испытанию мостов.*

Далее происходит диалог между М1, М2 и М3, в ходе которого последний по просьбе М1 сообщает о контракте, а также о сути претензий к ООО: *Значит, э-э, в рамках контракта по (...) содержанию, пять дробь шестнадцатая, заключенным с «ХХХ», мы-ы в контракт вот ввели проведение обследований, испытаний искусственных сооружений в количестве семидесяти единиц ну; Необходимо(сть) сейчас такая (...) в связи с составлением плана работ семнадцатого года. То есть, что с нас требует Минтранс, что с нас требует Совмин. Предоставленные данные, расчетные работы, то есть ну-у ООО с «ХХХ» заключил контракт, по-моему, в конце ноября, число я точно не помню; Приступили к выполнению данного вида работ. Предварительная сдача показала, что было проведено, что девяносто девять и девять целых процента использованы полностью наши данные, то есть, а именно-о геометрические параметры, полностью все, то есть вот в процессе*

работы они обязаны были уточнить, ну полностью все данные (...) паспортов, ведомости дефектов; То есть в таком виде. Схемы однотипно, почему-то даже схемы ребята поленились, даже вот те паспорта, которые сегодня доставили раз, два, три стоит, извините за выражение двадцатое десятое четырнадцатое. Там просто на схемах помечали, то есть ну просто скопирована вся информация; То есть в таком состоянии вот, на сегодняшний день. По испытаниям так как мы-ы не сильно компетентны в этом, э-э (...) работа. Были отправлены запросы, в (...) в том числе, в Москву, получили ответ, то есть, есть тоже ряд замечаний; По-о предоставленным на сегодняшний момент испытаниям проверил, то есть тоже в принципе <...> Есть замечания. То есть М3 сообщает о ненадлежащем выполнении работ ООО по договору.

М2, в свою очередь, не согласен с подобной оценкой выполненной работы, сообщает о незначительных недостатках в работе, обозначая их с помощью слов «помарки», «ошибки»; обещает в ближайшее время их устранить: Се- семьдесят мостов и сделать шобы без вопросов, это невозможно просто, всегда (...) будут помарки, ну будут ошибки какие-то, ну самое главное, все сделано чтоб. Ну я говорю, в общем (...) э-э испытания (проверили) (...) (способность), долговечность это все установили, ну а какие-то помарки мы в течение, естественно, ближайшего времени устраним; Это примерно ну, сейчас э тут будет ясно, когда будет больше (...) замечаний я думаю, что в течение января месяца максимум (...). Я сам заинтересован в том чтобы, ну то, что (...) кто-то там сказал, что (...) были замечания (интересно но). Потому что у меня некоторые сотрудники там (...). Сообщает о готовности устранить недостатки: Естественно, без, без, без вопросов.

В ответ М1 предлагает М2 заключить дополнительное соглашение: Давайте заключим дополнительное соглашение, и-и после устранения всех замечаний. М2 сообщает, что дополнительное соглашение предполагает продление срока: (...) допсоглашение на продление срока давно уже это (...), насколько я знаю.

М2 сообщает о содержании разговора с сотрудниками «XXX» относительно сдачи работ, в том числе о том, что «XXX» готов принять работы ООО, при этом

окончательное решение за заказчиком – ГУ: *Я вот честно говоря почему, потому что они говорят, мы готовы принять, посмотрели все это дело, всё; Они говорят, а как служба скажет; (...) пообследовали, поиспытали (...) все мосты и питерские там часть мы испытывали. Вот. Здесь получается так, что (...) мы не можем, мы не имеем права подписывать, (...) нам служба скажет, после этого говорит мы их сейчас проверим, (...) и будем смотреть; Там кому это по большому счету эта работа нужна. Они говорят, мы подпишем, как только они под- ну нам скажут.* М2 сообщает о непонимании сложившейся ситуации, связанной с готовностью «ХХХ» принять работы, при этом невозможностью их принять, зависимостью этого от ГУ: *И все, и я почему и говорю, что я приехал вот ну двоякая ситуация получается те (...) «ХХХ» говорит, как только служба скажет. Ну вот типа как служба скажет, так и сделаем. Ну для меня немножко не совсем понятно.* В связи с этим М1 предлагает М2 разобраться в сложившейся ситуации: *Объясните, что вам непонятно?; Давайте какие вопросы были спорные, какие вы сняли, какие остались?* М2, возвращаясь к замечаниям, о которых рассказал М3, сообщает об их необоснованности, о надлежащем исполнении обязательств по договору: *У нас есть и паспорта на все семьдесят и отчеты на все семьдесят мостов. То есть поэтому сказать так, что-то сксерили ну вот то, что там у отдельных мостов там (...) если есть данные почему. Как это сказать, почему тогда их не должно быть на чертежах, если они есть уже. Ну какие-то когда-то старые там данные были. Вот их перенесли нам, ну это не принципиально, то есть, понимаете как, если была мост тогда еще балка двадцать один метр на двадцать четыре, она не могла измениться за время там, ни усушка, ни (угрузка) ни, ни ни размером не изменится. Вот, а вы вот там типа взяли и перечертили, ну естественно перечертили, а что там такого?* Кроме того, сообщает о том, что сложившаяся ситуация является неординарной для него, в связи с чем он лично приехал, чтобы сдать работы; обещает устранить недостатки: *Это вопрос, собственно говоря, вот я говорю, я первый раз такое, ну просто вот мои сотрудники (мучают) меня, мы сдела-, ну сдали документацию. Я больше скажу даже, я приехал, хотя мне самолетом*

нельзя летать, я поэтому машиной; Поэтому ну хочу как бы, как сказать, быстрее решить, ну побыстрее получше, чтобы <...> самое лучшее (...) мнение, впечатление, чтобы все заинтересованы, заинтересованы в сдаче работы, мы двадцать пять лет этим занимаемся успешно, по крайней мере, до сегодняшнего момента. То есть, э-э поэтому и собственно говоря, поэтому я и здесь, и хотел, ну что называется это все привести в порядок. Ну был б конечно, желательно чтобы сдали, подписали, там приняли, какие-то замечания будут, мы их устраним, это не вопрос.

После обсуждения темы замечаний относительно выполненных работ ООО, разговора М2 с «ХХХ» последний снова обещает устранить недостатки до конца января: *Я говорю. Все недостатки максимум все будут устранены, я говорю, ну тут пятнадцать дней в этом в январе, они нам отрезают все. Ну почему, потому что я, конечно, могу заставить людей приехать сюда своих, но ваших-то я не смогу заставить; А после праздников, ну до конца января все устраним.* Также он сообщает о негативных последствиях неподписания актов выполненных работ по договору: *Работы как таковые, ну я говорю сдадим там пере- дни переделаем там. Поправим, что нужно и вопросы все решатся где-то до конца января, это по договору и по-о контракту там все так. Ну если мы щ- как это сказать я так полагаю, что это акты все не подпишутся и прочее, то будут проблемы.* М1 подтверждает это, конкретизируя эти негативные последствия – возврат денежных средств в бюджет: *Да. Двадцать восьмого заканчивает работать казначейство; Если мы в этом году не проплатим подрядчику, то эти деньги на следующий год не предусмотрены. Они уйдут назад в бюджет.*

М2 это также подтверждает, сообщает о возможности оспорить это в судебном порядке: *В бюджет, ну я и вообще это знаю то есть. (...) мы сдадим ну там через чере-через суд это дело все оспорим, ну-у не в этом дело.* Снова акцентирует внимание на личном участии в решении проблемы с целью недопущения обсуждаемых негативных последствий, убеждает в серьезности намерений: *То есть м-м, я почему и сказал, что я почему здесь, не наряжаю ёлку дома, шарик э как реш- как-*

то вот эти вот вопросы как-то как как это сказать не решить, а как это дело все вот, понимаете, чтоб оно вот туда, туда, туда не ушло куда-то, ну в следующий год, потом там еще куда-то, чтоб не доводить это дело там до судов до (...), там еще до чего-то, а, я ж говорю, мы не отказываемся, мы не однодневки.

В ответ М1 побуждает М2 представить свое видение решения вопроса, т.е. его предложения по решению проблемы: (...) *как вы видите решение этого вопроса?* М2 сообщает о существующей договоренности с неким Евгением Николаевичем по решению вопроса, при этом не конкретизирует суть договоренности: *Ну у в принципе с Евгением Николаичем на словах мы уже договорились. Ну хочется чтоб мы...* После прервавшего его телефонного разговора М1 М2 спрашивает, что ему необходимо сделать, чтобы избежать обсуждаемых негативных последствий – заверить ли клятвенно в обязательности устранения недостатков: *То есть э-э ну зуб дать, что мы еде- доделаем, то что какие будут замечания, у меня сейчас здесь вот сотрудники остались, чтобы первоначально чтоб даже посмотреть; После нового года сюда тоже приедут, ну, чтобы здесь работать вот с вопросами и дать ответы на замечания, поправить все что можно; Ну я и говорю, ну так что мне нужно сделать для этого.* М1 сообщает о том, что не знает, что конкретно нужно для этого сделать М2: *Я не знаю.*

М2 отвергает предложение М1 по заключению дополнительного соглашения, обосновывая это невыгодностью для М2 продления сроков договора: *Вернее, как согласно законодательства, вы прекрасно знаете, что доп соглашение написать на продление сроков - нет, нам оно и не нужно продление сроков, почему, потому что я говорю, вот э у меня, говорю вот не складывается только одно, что заказчик один, мы в процессе работы выполнения с ними работали там с- (мосты) уточняли, там еще принимают другие, которые ну они проверят, посмотрят.*

М1 в ответ предлагает взаимодействовать с «ХХХ» с целью решения обсуждаемой проблемы: *Мы не принимаем, мы согласовываем. Просто они могут сейчас если. Мы можем абстрагироваться юридически. Вы вопросы там решаете в*

«XXX», а мы общаемся с «XXX». Вас этот вариант устраивает? М2 также отвергает это предложение: *Не очень, потому что мне че-то вот не нравится, когда как это сказать, а это мое личное (мнение), естественно оно или как это сказать юридически у меня тоже нет с вами никаких этих самых. Мне просто удивительно, я не хочу сказать, что там мне кто-то нравится директор или еще что-то мне не нравится, но получается так что в э-э, как это сказать, договор с одними, а зависит от других. Как это?*

В качестве возможных действий со своей стороны М2 предлагает предоставление ГУ гарантийного письма об устранении всех недостатков в течение месяца: *Юридически я могу написать вот сейчас, э-э как это сказать, вот по-позвоню меня вам завтра сюда принесут, привезут это самое гарантийное письмо, что мы в течение там месяца гарантируем устранить все необходимые это самое; Я к тому, что мы гарантируем выполнение всех работ согласно (...), согласно контракту, согласно (...).*

М1 не принимает это предложение: *Никто мне из ни контролирующих управляющих органов такое гарантийное письмо не будет брать во внимание; предлагает М2 прислать заказчику банковскую гарантию на сумму контракта: Единственное, э-э условие обеспечения контракта, вы можете своему э подрядчику; Э-э ну своему заказчику, э вот прислать банковскую гарантию на сумму контракта. Тогда он пойдет вам на встречу и-и скажем так, примет работы э-э такие как есть, с оговоркой на то, что вы устраните эти недостатки, в течение там такого-то времени. Вот я вам такой вариант предлагаю.*

М2 сообщает о сложности реализации предложения М1, обосновывая это временными затратами: *Сложный вариант, почему, потому что до нового года осталось четыре дня; После нового года все включатся не раньше, чем пятнадцатое; А к числу к тридцатому мы устраним все, что необходимо, ну что найдут, я не знаю. Сообщает М1 о том, что он не понимает, почему сложилась такая ситуация; убеждает в добросовестности выполненной работы, а также сообщает, что делал таким образом, чтобы всё закончилось благополучно для него: Да, я полностью*

как бы как это сказать у меня з- (...) такой ну большая работа, я ее честно говоря контролировал сам. То есть изначально как-то вот я почему изначально послал даже зама сюда узнать; Я потому что ну не первый день замужем, я по этим мостам работал, я тоже тогда хочу выиграть (ставлю срок) месяц. Честно говоря, я делал и семьдесят пять мостов, и сорок пять и пятьдесят; А-а да а-а делал всю эту работу, ну а потом ну там страницы съехали да, там еще что-то такое, ну заказчик, как правило, всегда был в общем-то тоже на нашей стороне; Я даже уже сейчас вот к вечеру блин начинаю понимать, может я не правильно че-нибудь сделал. В принципе. То есть, мы сдали всю документацию, я даже специально, я ехал машиной, а документацию послал самолетом, что если паром не будет работать, чтобы не задержали в общем. И все (...) с утра принесли, отдали, передали, получили бумагу, получили все. И дальше, а дальше, я говорю я всегда по любви как вот хочу чтобы (...).

М1 сообщает о непонимании намерений М2: *Что вы хотите от меня услышать не могу понять?* М2 сообщает о том, что не знает, что делать в такой ситуации, разъясняя желаемое для него развитие ситуации: *подписание актов «XXX» с целью сохранения финансирования в этом году, невозврата денег в бюджет, ГУ необходимо очень быстро проверить выполненные работы, а ООО должен быстро устранить недостатки. Я не знаю, честно говоря, то есть что, что сделать в той ситуации, когда «XXX» должен, по идее, закрыть, чтобы не ушло как финансирование туда, на следующий год и вообще не потерялось там куда-то. Ваши службы в экстренном порядке проверить и (мы) устранить замечания, все будут довольны и счастливы, почему, потому что я так думаю, что мостов у вас еще полно и с ними надо работать и я очень хочу.*

М1 в ответ спрашивает у М2, подходит ли ему предложенный вариант с банковской гарантией: *Вы меня спросили конкретно, я вам конкретно ответил, я предложил вам свой вариант решения вопроса. Вас он устраивает?* М2 отвечает положительно, при этом сообщает о его нецелесообразности в связи с тем, что, по

его мнению, они смогут закончить работу раньше, чем получат банковскую гарантию: *Я не знаю, получается говорю к тому моменту, когда мы-; - Он устраивает, но я, когда получу деньги. Ну гарантию банковскую; Мы уже закончим работу и подписание акта; Я готов любой вариант рассмотреть, вопрос только я говорю логика мне подсказывает, что я его смогу посмотреть только к концу января месяца, ну может не к концу, к двадцатым числам.* М1 уточняет у М2 о неприемлемости для него предложенного варианта с банковской гарантией: *То есть он вам неприемлем по срокам и-.* М2 сообщает о неприемлемости этого предложения для всех сторон договора: *Он не только мне неприемлем, он неприемлем и мне, и вам, вернее ну «XXX». Вот ну вы же сами прекрасно понимаете меня.*

Таким образом, во фрагменте от начала разговора до высказывания М2 «*Он не только мне неприемлем, он неприемлем и мне, и вам, вернее ну «XXX». Вот ну вы же сами прекрасно понимаете меня*» коммуниканты пытаются найти выход из сложившейся ситуации:

– М1 предложил М2 2 варианта: (1) заключить дополнительное соглашение, (2) прислать заказчику банковскую гарантию на сумму контракта;

– М2 не принимает предложения М1, обосновывая это увеличением времени на принятие работ, что грозит неполучением денег за выполненные работы; предлагает М1 гарантийное письмо со своей стороны об устранении всех недостатков в течение месяца. Данный вариант неприемлем для М1. М2 пытается убедить М1 в том, что они обязательно устранят недостатки.

Далее коммуниканты, не договорившись ни о чем, сообщают о своих намерениях:

– М2 сообщает, что ничего не будет предпринимать в такой ситуации и что они смогут добиться оплаты своих работ в судебном порядке: *Ну тогда, тогда, я думаю что пусть вопрос решается как решается. (Согласно контракту). Ну я говорю, что-о ну получается так что почему, потому что и контракт с ними и ещё что-то (...). Не, это не пропадет почему, потому что мы в себе уверены - раз. И в юристах тоже, ну это так;*

– М1 сообщает о негативных последствиях для М2 – намерении направить претензию «XXX», решении проблемы в судебном порядке, в результате чего ООО проиграет в суде: *Пройдет пять дней, мы направим это самое претензию, срок рассмотрения прете- десяти или пятнадцати дней. Они будут, мы их будем, мы их будем душить, они вас будут душить, по срокам; Затем мы уйдем в суды И-и и работа пропадет и деньги пропадут. Я могу вам сейчас список дать, это самое подрядчиков, которые проиграли суды.*

М2 после этого сообщает о необходимости общего для всех сторон решения вопроса: *Не надо, не надо. Э-э, в этом плане, я почему всегда говорю, что я только двумя руками за обоюдное решение вопроса.* В ответ М1 побуждает М2 предложить свой вариант, который исходя из ближайшего контекста устраивал бы все стороны: *Так предложите свой вариант!* В свою очередь М2 произносит высказывание с неопределенным значением *Тут только вопрос вот такой*, которое М1 представляется как предложение передать денежные средства – неназванную часть от суммы договора, о чем свидетельствуют его высказывания *Сколько?* (имеющее количественное значение) и *Это от суммы контракта?* (обозначающее определенную часть денег, обозначенных в договоре).

Последнее из приведенных высказываний является уточняющим вопросом, обусловленным, вероятно, невербальным обозначением части денег М2, предшествующим данному высказыванию, о чем свидетельствует использование в начале высказывания указательного местоимения «это». М2 подтверждает сумму, при этом сообщает, что его фирме можно доверять в финансовом отношении: *Да. То что мы белые пушистые налоговые у меня есть справка, я в прошлом году (...), у нас была налоговая проверка. Мы - белые и пушистые.*

После этого уровень коммуникативной активности в обсуждении темы передачи денег от М2 М1 возрастает. Так, он инициирует тему обстоятельств передачи денег, при этом настаивает на принятии своих условий:

М1: *Когда?*

М2: *Чего? Через неделю после.*

M1: *До.*

M2: *А с-с ч-чего?*

M1: *Мы несем ответственность, мы проплатим деньги. А потом ищи, свищи.*

M2: *Да ну че ищи, свищи, у нас (...) помещения, мы никуда не деваемся.*

M1: *Ну я же об этом не знаю.*

M2: *Ну я понимаю э-э щ- это ну почти э, это без вопросов, решаемый вариант, неделя мне нужна для того чтобы ыть и привезти. Я могу больше там отдать в Моек- ну в Москве, без вопросов. Этот вопрос-с спокойно без вопросов, вот ну то есть тут тут можете узнавать и мы никогда никого не обманывали (...).*

В приведенном фрагменте диалога M1 вводит тему обстоятельств передачи денег вопросительным словом «когда», а несогласие с предложенным сроком выражает односложно, с помощью предлога «до». При этом как в высказывании *Когда?*, так и в высказывании *До* реализуется интонационная конструкция ИК-2⁹, выражающая категоричность требования M1

M2 пытается убедить M1 в необходимых ему временных затратах (1 неделя), в своей благонадежности: *Ну я понимаю э-э щ- это ну почти э, это без вопросов, решаемый вариант, неделя мне нужна для того чтобы ыть и привезти. Я могу больше там отдать в Моск- ну в Москве, без вопросов. Этот вопрос-с спокойно без вопросов, вот ну то есть тут тут можете узнавать и мы никогда никого не обманывали (...).* M1 объясняет свое требование передать деньги в обозначенный им срок (*До*) тем, что он не знаком с M2, не знает, является ли он надежным человеком: *(...) я вас вижу впервые.*

Переходя к обсуждению вариантов решения проблемы, M2 сообщает, что вариант, связанный с передачей денег, является для него приемлемым: *меня этот вариант вполне устраивает кроме одного вот этого пункта. Сколько. Я могу-у к концу года именно сейчас, я догадываюсь, что, если это все пройдет к концу года там и вообще этот вопрос решится быстро. Единственное, что (...) сейчас-то*

⁹ Согласно типологии интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой.

уже в Питере до тридцати доходит за это дело, уже скоро будет (...) как работа в (...) будет выглядеть. Поэтому я говорю, я готов этот вопрос решить быстро и-. М1 сообщает о готовности войти в положение М2 при реализации варианта, связанного с передачей ему денежных средств, но только при выполнении условий, высказанных М1: Мы готовы пойти вам навстречу; Но на наших условиях. М2 в качестве варианта реализации условий М1 предлагает разбить ту сумму денежных средств, о которой они договорились, на 2 части: А че там получается, я говорю, если только разбить половину на половину. М1 соглашается: Давайте. М2 уточняет, решится ли при таком условии его проблема, т.е. подписание акта приема-сдачи работ по договору: Этот вопрос снимется? М1 отвечает на вопрос положительно: Думаю, что да.

Далее коммуниканты продолжают обсуждать обстоятельства передачи денег, а именно, каким образом деньги будут переданы. М2 спрашивает у М1, будут ли приезжать доверенные лица последнего до Нового года в Москву, а также сообщает, что самолетом денежные средства в размере более 400 тысяч перевезти нельзя: Договорились. У вас кто-то из доверенных лиц появляется до нового года в Москве?; Самолетом больше четырехсот тысяч нельзя. Это вы знаете, (...) потому что как это борьба с-с еще с чем-то там с каким-то с контрабандой; Террористом. То есть, у меня было уже пара прецедентов, я (...) то есть (...); Э-э на самолете больше четырехсот тысяч. (Ребята) трясут это видно на этом ну мониторе. М1 не отказывается от такого варианта передачи денег, предлагает в связи с сообщенной М2 информацией об ограничениях перевезти деньги за 2 полета: Ну два раза; Два раза слетать. По пять, по шесть рейсов в день.

М2 соглашается, вероятно, сообщает о частях передаваемых денег: С кем разговаривать? С вами? Без вопросов. Сейчас я, у меня будильник таблетки пью, извините. Ноль пять? И там там одиннадцать (...) в контракте; Угу, (...) одиннадцать; Ноль пять и ноль шесть; а также сообщает о том, что лично он не прилетит к М1 передавать деньги: Я не полечу; Полетит доверенный сотрудник в лице

(зама); Водитель, аргументируя это проблемами со здоровьем: *Мне нельзя на самолете летать. Я скажу, у меня просто по сердцу, мне не з- мне запретили летать самолетом. Я бы до вас сейчас в машине не ездил, вон она внизу стоит, два дня.* М1 не соглашается на то, чтобы кто-то помимо М2 передавал ему деньги: *Ну мне бы не хотелось с-с кем-то кроме вас еще иметь дело; Просто я ни с какими водителями дело иметь не буду;* предлагает М2 остаться в г. N: *Оставайтесь здесь; И вы решаете вопросы совей фирмы.* М2 не соглашается, предлагает М1 направить свое доверенное лицо в Москву: *Я - директор. Я - директор, я не смогу здесь их решить. Я не смогу здесь их решить, я готов оплатить дорогу туда обратно вашему лицу, неважно. Где угодно там встретиться (...).* М1 предлагает созвониться завтра: *Давайте завтра созвонимся, вы завтра еще здесь?* М2 на вопрос о своём завтрашнем местонахождении отвечает отрицательно, сообщает, что решит вопрос, как именно передать М1 деньги, а также сообщает, что деньги передаст его доверенное лицо, которое прилетит в N и передаст деньги лично М1: *Поэтому я решу вопрос; Как-то это дело, мне нет смысла самого себя подставлять. Каким-то образом решу вопрос, прилетит мое доверенное лицо. Пере- передаст лично, что называется и всё и (...).* М1 сообщает, что примет решение по этому вопросу до завтрашнего дня: *Хорошо, я подумаю до завтра.*

В конце разговора М2, вероятно, обещает разобраться с выявленными в их работе недостатками: *С работой мы (...) сами; Это там без вопросов.*

Предметно-тематический анализ исследуемого разговора, проведенного на основе выявленного смыслового содержания и особенностей коммуникативной ситуации, показал следующее.

Основной темой разговора является приемка работ, выполненных ООО по договору с ГУ. В рамках указанной темы обсуждаются следующие предметы речи:

– недостатки, выявленные ГУ при выполнении работ ООО по диагностике и оценке технического состояния в 2016 году мостовых сооружений;

– варианты исправления сложившейся ситуации, связанной с неподписанием работ;

– денежные средства, представляющие собой стоимость работ по договору ООО с ГУ;

– денежные средства, которые М2 должен передать через третье лицо М1 с целью ускорения последним согласования актов выполненных работ по указанному выше договору.

При этом при обсуждении последнего из перечисленных предметов речи имеет место реализация приемов скрытой (непрямой) коммуникации: данный предмет речи прямо не называется, частично восстанавливается из реплик коммуникантов:

– первое упоминание данного предмета речи имеет место в реплике М1 *Сколько?*, реализующей количественное значение, и в реплике *Это от суммы контракта?*, в которой обозначается определенная часть денег от суммы, обозначенной в договоре;

– денежные средства будут передаваться частями (до и после Нового года): *А че там получается, я говорю, если только разбить половину на половину; Ноль пять? И там там одиннадцать (...) в контракте; Угу, (...) одиннадцать; Ноль пять и ноль шесть;*

– валюта, в которой будут передаваться деньги, – рубли, что выводится из высказывания М1 *Это от суммы контракта?* (в договоре сумма указана в рублях).

Оценочно-экспрессивный анализ исследуемого разговора показал, что к предмету речи – денежным средствам, которые М2 должен передать через третье лицо М1 с целью ускорения последним согласования актов выполненных работ по указанному выше договору – М1 выражает положительное отношение. Для него передача данных денежных средств желательна, необходима, о чем свидетельствует его коммуникативная активность после предложения М2 передать денежные средства.

Целевой анализ исследуемого разговора, проведенного на основе выявленного смыслового содержания и особенностей коммуникативной ситуации, показал следующее.

Основной коммуникативной целью М2 в исследуемом разговоре является убеждение М1 в необходимости согласования актов выполненных работ по указанному договору ООО с ГУ в кратчайшие сроки, о чем свидетельствует его коммуникативная активность при обсуждении темы недостатков, выявленных в работе ООО представителями ГУ, акцентирование внимания на личном участии в урегулировании ситуации (приехал лично на автомобиле), обещание устранить недостатки, аргументирование.

Коммуникативные характеристики речи М1 большей частью обусловлены особенностями коммуникативной ситуации: М1 знал, что к нему должен прийти М2 со своей проблемой, вел скрытую запись их беседы. В речи М1 реализуются следующие коммуникативные цели:

- информирование о замечаниях, выявленных в работах, выполненных ООО,
- информирование о негативных последствиях в случае неподписания актов выполненных работ по договору – возврат денежных средств в бюджет;
- предложение М2 решить его проблему путем заключения дополнительного соглашения или предоставления заказчику банковскую гарантию на сумму контракта;
- информирование о негативных последствиях для М2 – направлении претензии «ХХХ», решении проблемы в судебном порядке, в результате чего ООО проиграет в суде;
- побуждение М2 предложить свой вариант (*Так предложите свой вариант!*) после перечисления и обсуждения возможных вариантов, которые не устраивают М2

Указанные коммуникативные цели, выраженные в речи М1, исходя из содержания и композиции разговора в целом, представляют собой речевые тактики, с помощью которых реализуется речевая стратегия побуждения к действию М2, а именно предложения со стороны последнего передать деньги в размере части от суммы договора с целью ускорения М1 согласования актов выполненных работ по договору. Данное побуждение выражено в форме предложения (*Так предложите*

свой вариант!).

О реализации данной стратегии в речи М1 также свидетельствует его коммуникативная активность при обсуждении обстоятельств передачи денег ему от М2: выдвижение своих условий передачи денег, настаивание на своих условиях, категоричность, согласие на получение денег от М2.

В результате сравнения выявленных признаков с диагностическим комплексом «речевая провокация» установлено полное их совпадение. Таким образом, в речи М1 имеет место реализация речевой провокации к предложению и передаче от М2 взятки М1.

Можно выделить и другую типичную ситуацию речевой провокации. В разговоре, как правило, участвуют два собеседника, один из которых – Х – может решить/решает проблему, имеющуюся у Y. Y считает своим долгом отблагодарить X за решение проблемы, при этом Y негласно фиксирует разговор посредством аудио- или видеозаписи. При намерении спровоцировать X речевое поведение Y большей частью направлено на убеждение X в необходимости принять благодарность в виде денег, при этом Y подводит X к самостоятельному озвучиванию суммы денежных средств.

Речевые тактики в данной коммуникативной ситуации большей частью связаны с убеждением, уговариванием, побуждением.

Рассмотрим данную ситуацию речевой провокации на следующем примере.

Коммуникативная ситуация 2. Основными коммуникантами в разговоре являются М2 – председатель СНТ и М1 – гражданин, ранее склонивший М2 выдать ему справку о наличии участка в СНТ, позволяющую физическому лицу, не зарегистрированному в качестве индивидуального предпринимателя, осуществлять реализацию овощей и фруктов на рынках г. N.

Коммуникация между М1 и М2 неофициальная, межличностная, непосредственная, вербальная устная, диалогическая. В связи с диалогической формой коммуникации имеет место постоянная мена коммуникативных ролей «говорящий»–

»слушающий». Согласно протоколу допроса М1 во время разговора осуществлял негласную аудиозапись посредством диктофона.

Исследование разговора на предмет наличия/отсутствия в разговоре речевой провокации со стороны М1.

Темой данного диалога является справка, которую М2 выдает М1 об имеющемся у последнего дачном участке.

В начале разговора его участники обсуждают сведения, которые должны содержаться в справке, способ ее выполнения:

М1: *Вот я вам... э... паспортные данные, это вам.*

М2: *Угу.*

М1: *Так, ну-ка серию правильно указал, давайте посмотрим.*

М2: *Ноль три ноль пять...*

М1: *Ноль три ноль пять...*

М2: *Да-а.*

М1: *Номер шестьдесят три-шестьдесят восемь...*

М2: *...восемь сорок... угу.*

М1: *...сорок... всё.*

М1: *Вот он.*

М2: *Угу.*

М1: *Год рождения написал, да?*

М2: *Да-а... (да?).*

М1: *Всё. ФИО...*

М2: *ФИО.*

М1: *Да.*

М2: *От руки пойдёт?*

М1: *Да, пойдёт, конечно.*

Далее М1 высказыванием «*Что я буду должен? Говорите*» поднимает тему вознаграждения за выданную М2 справку: слово «должен» в данном случае реали-

зует значение ‘имеющий долг, обязанный уплатить долг кому-либо’. В данном высказывании содержится побуждение, обращенное к М2 озвучить, какое именно вознаграждение обязан дать М1 М2 за выдачу справки, о чем свидетельствует употребление глагола «говорить» в форме повелительного наклонения: *«Что я буду должен? Говорите»*; *«Ну, как ничего? Ну, мне... Как бы, э... мне ж не одна нужна будет, потом ещё справочка, может быть. Говорите, что...»*. М2 отказывается, сообщает, что выдает справку безвозмездно: *«Да, что должен? Ничего не должны»*.

После окончания составления справки М1 снова поднимает тему вознаграждения за выданную М2 ему справку: задает аналогичный вопрос «Так, э-э... как мы, что я должен вообще-э?». М2 снова отказывается, сообщает, что выдает справку безвозмездно: «Да, ничего».

Далее, после того как коммуниканты договариваются о встрече в понедельник, М1 в третий раз задает вопрос о вознаграждении М2 за выдачу справки М1: «Всё, тогда я не прощаюсь, что я буду должен, Вы-э...», на который М2 снова сообщает, что выдает справку безвозмездно: «А ничего не должны». М1 сразу же сообщает об обязательности дачи вознаграждения М2: «Ну, вообще ничего не бывает, (не?), потому что...», после чего последний соглашается: «Ну хорошо».

Далее, говоря о вознаграждении, М2 обозначает его неконкретизированно – «Что не жалко». В данном обозначении использовано слово «не жалко», реализующем значение ‘об отсутствии сожаления при утрате чего-либо’, а также союзное слово «что», выступающее в значении ‘указывает на предмет, явление, о которых идёт речь’. Исходя из приведенных толкований обозначение «что не жалко» реализует значение ‘незначительное вознаграждение, передача которого не вызовет чувство сожаления у того, кто передает данное вознаграждение’. Кроме того, использование М2 слова «что» свидетельствует о том, что вознаграждение в данном случае понимается широко (необязательно деньги). Об этом также свидетельствует анализ контекстов употребления анализируемого словосочетания в русском языке согласно данным «Национального корпуса русского языка»

[<http://www.ruscorpora.ru>]: ср. следующие контексты: — *Кассеты, журналы, магнитофон? — Берите, что не жалко, все пойдет [Михаил Гиголашвили. Чертовое колесо (2007)]; Он надел, что не жалко: телогрейку, старые брюки, мать нашла мешок-сидорок, но положить в него было почти нечего. [К. Я. Ваншенкин. Его опасные пасы (1960-1969)]; Вообще на «Шилке» носили то, что не жалко, сохраняя платье для берега, так как знали, что купить уже будет негде. [Н. А. Тэффи. Воспоминания (1932)].*

М1, задав вопрос «Сколько с меня? Чтобы и-а не было, мы люди взрослые...», конкретизирует вознаграждение, переводя его в семантическое поле «деньги», о чем свидетельствует использование в вопросе слова «сколько», а в дальнейшем слов «оцениваете», «цену» («Ну, сколько... как вы сами оцениваете? Вы же назначаете цену, не я»). М2 вслед за М1 конкретизирует вознаграждение: «Нет, ну-у... сколько вам... вам не жалко?» – в данном случае он спрашивает уже о деньгах, но при этом сообщает о незначительности вознаграждения. Об этом также свидетельствует анализ контекстов употребления словосочетания «сколько не жалко» в русском языке согласно данным «Национального корпуса русского языка» [<http://www.ruscorpora.ru>]: ср. следующие контексты: А потом предлагают кинуть в ящик денег, сколько не жалко. [Никита Аронов. Трезвые и злые // «Огонек», 2014]; Немного — рублей семь или сколько не жалко. [Михаил Бару. Записки понаехавшего (2010)]; Прикинув, сколько не жалко потратить, он сэкономил до Крекшино. [Александр Иличевский. Матисс // «Новый Мир», 2007]; Достать нельзя, что ли, я плачу! — Ну, плати, сколько не жалко? — Да на, тут хватит! [Олег Павлов. Дело Матюшина (1996)].

Кроме того, вопросом «Нет, ну-у... сколько вам... вам не жалко?» М2 просит М1 самому назвать сумму; сообщает о том, что ситуация с денежным вознаграждением за выдачу им справки кому-либо, – необычная для него, он ранее не назначал цену, выдавал справки безвозмездно:

М1: Ну, сколько... как вы сами оцениваете? (Смех). Вы же назначаете цену, не я.

М2: Нет, ну...

М1: (У-у?)...

М2: (Я?) своим даёшь-то... эту справку так, беспла-бесплатно.

М1: (У-у?)...

(Шум, сильный шорох).

М2: Ну, сколько не жалко Вам?

Далее М1 сам называет размер вознаграждения: «Ну, сколько... Тысячу хватит за эту справку?», М2 соглашается, указывая на значительность размера вознаграждения для него: «Ну, бо-более чем».

Таким образом, предметно-тематический анализ текста разговора показал, что предметом речи в нем являются деньги, а именно денежное вознаграждение М1 М2 за выдачу последним справки об имеющемся у М1 дачном участке.

Анализ активности коммуникантов при обсуждении темы денег исходя из проведенного лингвистического анализа звучащего текста разговора показал следующее.

Тему вознаграждения за справку в разговоре трижды инициирует М1. Все его реплики, касающиеся данной темы, независимы с коммуникативной точки зрения от реплик его собеседника М2 и при этом побуждают последнего каким-либо образом реагировать. Так, М1 трижды задает вопрос о вознаграждении: «Что я буду должен? Говорите»; «Так, э-э... как мы, что я должен вообще-э?»; «Всё, тогда я не прощаюсь, что я буду должен, Вы-э...» и трижды о размере этого вознаграждения: «Сколько с меня? Чтобы и-а не было, мы люди взрослые...»; «Ну, сколько... как вы сами оцениваете?»; «Ну, сколько... Тысячу хватит за эту справку?».

Напротив, М2 не поднимает эту тему, дважды ее не поддерживает, отвечает полным отказом: «Да, что должен? Ничего не должны», «Да, ничего».

Таким образом, в анализируемом разговоре М1 проявляет коммуникативную и содержательную активность при обсуждении темы денежного вознаграждения М2 за выдачу последним справки об имеющемся у М1 дачном участке. М2 при обсуждении данной темы не проявляет ни коммуникативную, ни содержательную

активность.

Исходя из этого оценочно-экспрессивным анализом разговора выявляется, что к передаче денежных средств от М1 М2 в качестве вознаграждения последнего за выдачу справки выражает положительное отношение. Для М1 передача данных денежных средств желательна, необходима.

Целевой анализ исследуемого разговора, проведенного на основе выявленного смыслового содержания и особенностей коммуникативной ситуации, показал следующее.

Коммуникативные характеристики речи М1 большей частью обусловлены особенностями коммуникативной ситуации: М1 вел скрытую запись беседы. В речи М1 в основном реализуется коммуникативная цель «убеждение», в речи М1 присутствует аргументация.

В результате сравнения выявленных признаков с диагностическим комплексом «речевая провокация» установлено полное их совпадение. Таким образом, в речи М1 имеет место реализация речевой провокации к согласию М2 на денежное вознаграждение со стороны М1 за выдачу М2 справки об имеющемся у М1 дачном участке.

Приведенные примеры свидетельствуют о возможности применения предложенного методического подхода к выявлению «речевая провокация» как экспертного лингвистического понятия в рамках судебной лингвистической экспертизы.

Методически важным при выявлении речевой провокации является учет того, что данное явление представляет собой сложное речевое действие – коммуникативную стратегию, реализующуюся посредством комплекса речевых тактик.

При этом представляется, что с учетом характера феномена провокации как сложного комплексного явления, связанного с речевым воздействием, в экспертном плане его целесообразно рассматривать не столько как судебно-лингвистическое, а как психолого-лингвистическое экспертное понятие: «Целесообразность именно комплексного психолого-лингвистического исследования коммуникации

по делам о провокации взятки либо провоцирующих действиях сотрудников, проводящих оперативный эксперимент, представляется несомненной. Различные стратегии, тактики, инструменты межличностного взаимодействия осуществляются с помощью речи, но имеют психологическую природу, базируются на психологических закономерностях и должны исследоваться в рамках системно-динамического подхода» [Секераж 2020: 28]. Следует согласиться с предложенными Т.Н. Секераж двумя вариантами формулировок вопросов, решаемых в рамках комплексной психолого-лингвистической экспертизы: «Первый вариант: “Направлен ли материал на формирование психологической установки к совершению определенных действий? Носит ли коммуникация со стороны кого-либо из ее участников провокативный характер? Если да, то на что направлена коммуникация?”. Общепринятым в психолого-лингвистической экспертизе стало формулирование вопроса таким образом, что в нем отражаются лингвистические и психологические аспекты тех феноменов, которые в праве именуется определенным образом <...>. Поэтому второй вариант вопроса: “Содержатся ли в материале психологические и лингвистические признаки побуждения к совершению определенных действий (предложению, согласию, получению или передаче вознаграждения [взятки])?”» [там же: 29].

Выводы по третьей главе

1. «Провокация» является типичным экспертным лингвистическим понятием, соотносящимся с собственно речевым действием.
2. Выработка этого понятия производится путем экспертологического анализа, предполагающего установление соотношения правового понятия и лингвистического феномена провокации как речевой стратегии, реализующейся посредством комплекса речевых тактик.
3. Рассмотрение экспертного лингвистического понятия «провокация» в методическом аспекте позволяет описать его в виде диагностического комплекса для

решения экспертной диагностической задачи, представляющего собой трёхкомпонентную структуру «предмет речи/тематика» – «отношение» – «цель».

В связи с тем, что речевая провокация в лингвистическом аспекте представляет собой сложное комплексное образование, расстраивающееся по большей части как коммуникативная, речевая стратегия, особую сложность представляет проведение целевого анализа, направленного на выявление речевых целей, которые в данном случае будут являться речевыми тактиками, посредством которых реализуется стратегия провокации.

4. На основе экспертного лингвистического понятия «провокация» возможно построение нового предметного вида судебной лингвистической экспертизы – экспертизы по делам о провокации преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе настоящего исследования проблемы формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии нами сформулирован ряд выводов и предложений, к числу наиболее важных из которых, на наш взгляд, относятся следующие.

1. Судебная лингвистическая экспертиза, на примере которой было проведено настоящее диссертационное исследование, позволила показать, что экспертные понятия являются одной из базовых категорий языка современной судебной экспертологии. Данные понятия, с одной стороны, имеют природу, определяемую базовой наукой, а с другой стороны, обладают юридическим значением. Так, экспертные лингвистические понятия занимают промежуточное положение между правовыми понятиями и лингвистическими феноменами. В отличие от традиционных лингвистических понятий, не несущих никакой информации о юридической значимости стоящих за ними феноменов, экспертные понятия такую информацию содержат, вследствие чего заключение эксперта, в котором установлено экспертное понятие, обладает юридическим значением и может быть более эффективно использовано в качестве доказательства по делу, нежели заключения эксперта, в которых установлены лингвистические феномены или определенные их аспекты, не обладающие таким значением и во многих случаях вводящие в заблуждение правоприменителя. Благодаря такому двустороннему характеру экспертных понятий их использование в судебно-экспертной деятельности, в полной мере отвечает, во-первых, задаче такой деятельности – оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, во-вторых, требованиям и принципам регламентирующего ее законодательства, а именно необходимости проведения экспертного исследования в пределах специальных знаний на строго научной и практической основе.

2. Экспертные лингвистические понятия составляют теоретическую и методологическую основу судебной лингвистической экспертизы, т.е. рода, имеющего опосредованную связь с материнской, базовой наукой (науки о языке, лингвистики) и задачи которого зависят от конкретной категории уголовного, гражданского, арбитражного дела или дела об административном правонарушении. На основе данной категории возможна разработка новых родов и видов судебных экспертиз, связанных с категориями дел, а именно правовыми дефинициями, употребляемыми в нормах права.

3. Использование экспертных понятий в теории и практике конкретного рода (вида) судебной экспертизы позволяет эффективно реагировать на постоянно возникающие вызовы судопроизводства, прежде всего проявляющиеся в изменениях в законодательстве, часто происходящих в последнее время. Это обусловлено возможностью формирования новых экспертных понятий без значительных временных путем проведения экспертологического анализа, предполагающего соотнесение правового понятия и коррелирующего с ним феномена базовой науки, что показано нами на примере экспертного понятия «речевая провокация».

4. На основе экспертных понятий разных родов и видов судебных экспертиз могут быть разработаны системы, типологии таких понятий, определяемые спецификой конкретного рода (вида) экспертиз. Так, в судебной лингвистической экспертизе систему судебно-лингвистических экспертных понятий можно представить в виде трехчастной структуры, включающей экспертные понятия, соотносящиеся с собственно речевым действием («возбуждение вражды (ненависти)», «угроза», «унизительная оценка лица», «обвинения» и др.), экспертные понятия, соотносящиеся с формой выражения речевого действия («неприличная форма») и экспертные понятия, соотносящиеся с направленностью речевого действия («действия сексуального характера», «террористическая деятельность», «изменение основ конституционного строя» и др.). В свою очередь, разработанная система экспертных понятий для каждого конкретного рода (вида) экспертизы позволяет разработать систему экспертных задач.

5. Применение экспертных понятий позволяет разрабатывать новые предметные виды судебных экспертиз, соотносящиеся с характером решаемых задач. Так, пример судебной лингвистической экспертизе показал, что в настоящее время выделяется 12 предметных видов в уголовном процессе: экспертиза по делам об оскорблении, экспертиза по делам о клевете, экспертиза по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, экспертиза по делам об оскорблении религиозных чувств верующих, экспертиза по делам об угрозе, экспертиза по делам о вымогательстве, экспертиза по делам, связанным с противодействием коррупции, экспертиза по делам о реабилитации нацизма, экспертиза по делам о заведомо ложном доносе, экспертиза по делам о склонении к действиям, экспертиза по делам о принуждении и понуждении к действиям, экспертиза по делам о вовлечении в деятельность.

6. Одной из основных тенденций формирования и развития экспертных понятий является их стандартизация, предполагающая закрепление и унификацию терминологии. Одно из направлений работы по стандартизации – разработка национальных стандартов в области судебно-экспертной деятельности, прежде всего в области терминов и определений. Благодаря этому возможна в полной мере реализация положения Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», связанного с осуществлением судебно-экспертными учреждениями деятельности по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов.

7. Применение экспертных понятий в судебной экспертизе является перспективным. На их основе возможно построение системы экспертных задач, которая, с одной стороны, более четко очерчивала бы границы компетенции эксперта, с другой стороны, расширяла бы возможности судебной экспертизы. Представляется, что разработка и применение категории «экспертные понятия» в теоретическом,

практическом и методическом аспектах судебной экспертизы позволят более активно ее использовать, а реализация намеченных путей развития и совершенствования – вывести судебную экспертизу на новый качественный уровень, в наибольшей соответствующий потребностям правосудия.

8. В качестве направлений дальнейших исследований можно выделить следующие:

– унификация и стандартизация экспертных понятий. Применительно к судебной лингвистической экспертизе – разработка национального стандарта «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения»;

– унификация технологий конструирования экспертных понятий;

– разработка нового и модернизация существующего научно-методического обеспечения производства экспертиз;

– модернизация дополнительных программ профессиональной переподготовки по экспертным специальностям;

– гармонизация программ подготовки по экспертным специальностям, реализуемым в ходе обучения экспертов разных ведомств.

Список использованных источников

1. Нормативно-правовые и нормативно-технические акты, судебная практика

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. (ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. от 31.07.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс

5. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 01.03.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

6. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 26.07.2019). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

7. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

8. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. от 26.07.2019). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

9. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (в ред. от 02.12.2019). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

10. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. от 18.03.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

11. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

12. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

13. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" (в ред. от 13.12.2019). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 08.06.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

15. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020) (в ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

16. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

19. ГОСТ Р 57344-2016 Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения // Каталог национальных стандартов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational>.

20. Кассационное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2010 № 65-О10-1 [Электронный ресурс] / Судебная система Российской Федерации

Федерации. Электрон. дан. Режим доступа:
http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_44992.htm

21. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 года) [Электронный ресурс] / Гарант. Электрон. дан. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70097832/>

22. Постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 «Дело «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы» (Ramanauskas v. Lithuania), жалоба N 74420/01 // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 8.

23. Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 по жалобе «Ваньян против Российской Федерации» (Vanyan v. Russia), жалоба № 53203/99 // Бюллетень ЕСПЧ. 2006. № 7.

24. ISO 21043-1:2018. Forensic sciences - Part 1: Terms and definitions.

II. Монографии, учебники, учебные пособия

25. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.

26. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

27. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

28. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 751 с.

29. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. 264 с.

30. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. 272 с.

31. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Том I. Общая теория советской криминалистики. М.: Академия МВД СССР, 1977. 340 с.
32. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
33. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз) / Отв. ред. генерал-лейтенант юстиции Б.А. Викторов. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1979. 181 с.
34. Галяшина Е.И. Судебное речеведение: учебник. М.: Норма : ИНФРА-М, 2020. 320 с.
35. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии): Монография. М.: Высш. шк., 1986. 280 с.
36. Гогин А.А., Репетова О.Е. Вербальные правонарушения: понятие, сущность, виды: электронное учебное пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2017. 98 с.
37. Дьяконова О.Г. Теоретические основы судебной экспертологии: монография. М.: Проспект, 2017. 480 с.
38. Дубоносов Е.С. Провокация взятки либо коммерческого подкупа: Лекция. М.: Кн. мир, 2002. 35 с.
39. Егоров Н.Н., Ищенко И.П. Криминалистика. М.: Издательство ЮРАЙТ, 2020. 545 с.
40. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1998. 480 с.
41. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
42. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический Мир, 2006. 112 с.

43. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2017. 736 с. // ЭБС «Консультант плюс».
44. Корухов Ю.Г., Майлис Н.П., Орлова В.Ф. Криминалистическая экспертная диагностика (Методическое пособие). М.: РФЦСЭ, 2003. 199 с.
45. Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. 224 с.
46. Кузнецов В.О. Дополнительная образовательная программа профессиональной переподготовки по экспертной специальности 26.1. «Исследование продуктов речевой деятельности». М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2015.
47. Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу. Учебное пособие. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 112 с.
48. Назаров А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2010. 150 с.
49. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 256 с.
50. Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория / Отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: РФЦСЭ, 1997. 432 с.
51. Плотникова А.М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики: монография. Екатеринбург; М.: ТХТ. 2018. 197 с.
52. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: Проспект, 2010. 526 с.
53. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / Под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. 368 с.
54. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М., 2014. 421 с.

55. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 152 с.
56. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие / Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И. и др.; научный редактор С. А. Смирнова. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 135 с.
57. Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998. - 272 с.
58. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / Сост.: проф. А. А. Герцензон ; Под ред. [и с предисл.] проф. И. Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. 464 с.
59. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 163 с.
60. Судебная лингвистика: монография / Под ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт, 2015. 310 с.
61. Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи. Учебно-методическое пособие / Под ред. С.А. Смирновой, В.О. Кузнецова и А.М. Плотниковой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020.
62. Судебная экспертиза по делам о преступлениях экстремисткой направленности: монография / Под ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт, 2016. 351 с.
63. Усов А.И., Эджубов Л.Г., Микляева О.В., Карпухина Е.С. Проблемы комплексности в теории и практике судебной экспертизы (теоретический анализ). М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2015. 132 с.
64. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2001. 184 с.
65. Grisso T. Juveniles waiver of rights: Legal and psychological competence. New York: Plenum Press, 1981.

66. Olsson J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language, Crime and the Law*. 2nd ed. London: Continuum, 2008. 265 p.

III. Статьи и иные научные публикации

67. Архарова Д.И., Изотова Т.М. К вопросу о лингвистической методике построения дефиниций юридических понятий // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2008. № 4 (12). С. 189–193.

68. Баранов А.Н., Грунченко О.М., Левонтина И.Б. Лингвистическое исследование текстов для выявления в них призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Методические рекомендации по интерпретации смысла призывов (типовая методика) / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2008. 110 с.

69. Баранов А.Н., Ерохина Л.А. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены // *Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной*. М., 2019. С. 312–313.

70. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2017. Том 12. № 2. С. 53–65. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-53-65>

71. Баранов А.Н. Активность участника коммуникации: методы лингвистического анализа // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. 2014. Вып. 13 (20). С. 43–52.

72. Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2014. № 4 (36). С. 139–147.

73. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. М., 1986. С. 198–250.

74. Вагин О.А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности: научный доклад // *Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов всерос. круглого стола, 3 ноября 2011 г.* / Сост. К. Б. Калиновский. СПб.: ид «Петрополис», 2012. С. 7–68.

75. Вандышева А.В., Темникова Л.Б. Судебная лингвистическая экспертиза: проблема корреляции формулировок законодательных норм и соответствующих им лингвистических терминов и понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 100-107.

76. Варлакова Т.В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4. С. 33–36.

77. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251—275.

78. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 99–111.

79. Волкова О.С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 49-55.

80. Волобуев А.Ф. Соотношение понятий «тактический прием» и «тактическая рекомендация» в системе следственной тактики // Криминалистика и судебная экспертиза. К.: Вища школа, 1983. Вып. 27. С. 30–33.

81. Вязигина Н.В. Методологические основы выявления провокации в лингвистической экспертизе по делам о коррупции // Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 7 декабря 2012 года): сборник статей. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 60–64.

82. Гагина О.В., Кузнецов В.О. Методика психолого-лингвистического исследования видеоматериалов процессуальных действий: влияние на содержание показаний. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 52 с.

83. Гагина О.В., Кузнецов В.О., Секераж Т.Н. Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 93–104. doi:10.17759/psylaw.2015100207

84. Галяшина Е. И., Галяшин Н. В. Использование специальных знаний для разграничения взятки и ее провокации. Специальный выпуск для участников курса очно-дистанционного обучения «Провокация и другие незаконные методы оперативно-розыскной деятельности». Европейская программа образования в области прав человека для профессиональных юристов (Программа HELP) в сотрудничестве с Федеральной палатой адвокатов России, Школой адвоката Адвокатской палаты Ставропольского края. Пятигорск. Ставрополь, 26 мая 2016 года, 24 июля 2016 г. Пятигорск, 2016.

85. Галяшина Е.И. Лингвистические методы выявления признаков монтажа фонограмм. М.: Экспертно-криминалистический центр МВД России, 2005. 104 с.

86. Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве: насущные потребности, проблемы и пути их решения. Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 4. С. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-6-18>.

87. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 6–14.

88. Галяшина Е.И. Судебные лингвистические экспертизы в контексте рекомендаций Пленума ВС РФ № 3 от 24.02.2005 г. // Спорные тексты СМИ и судебные иски. Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. С. 185–197.

89. Гвишиани Н.Б. Метаязык // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 297–298.

90. Демчук С.Д. И вновь о провокации преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 103–110.

91. Денявский А.В. Установление признаков контрафактности аудиовизуальных произведений и программного обеспечения // Судебная экспертиза. 2008. № 1 (13). С. 54–63.

92. Дзялошинский И.М., Жолудь Р.В. Провокация в системе коммуникационных технологий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Том 2. №2. С. 62–81.
93. Дозорцева Е.Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // Медицинская и судебная психология. Курс лекций / Под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. М.: Генезис, 2009. С. 480–506.
94. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 3 (53). С. 245–250.
95. Дьяконова О.Г. Понятие и структура предмета науки «судебная экспертиология» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 86–99.
96. Зарецкая Е.Н. Провокационная речь [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2000. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/zaretskaya/> (дата обращения: 23.03.2020).
97. Иванов В.Д., Черепяхин В.А. Провокация преступления // Российский следователь. 2013. № 14. С. 29-32.
98. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 92-98. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-92-98>.
99. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении: научно-информационное пособие для экспертов. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 89 с.
100. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. М., 2009. № 2 (18). С. 92–104.

101. Козлов В.В. Понятие «телесное повреждение» в судебной медицине // Ученые записки. Вопросы уголовного и исправительно-трудового права, уголовного процесса и криминалистики. Выпуск XVI. Саратов: Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского, 1969. С.253–264.

102. Крестовников О.А. К вопросу о развитии языка общей теории судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. № 13 (4). С. 24-27. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-24-27>

103. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 171-182. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100115>

104. Кузнецов С.А., Оленников С.М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом В. Ема, 2014. 312 с.

105. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

106. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ, 2011. 326 с.

107. Лавицкий А.А. Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 300–314. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314>

108. Лавринович А.Н., Голев А.С. Экспертные понятия в практике судебной психолого-психиатрической экспертизы // Юридическая психология: Тез. докл. к VII съезду Общества психологов СССР. М., 1989. С. 43–44.

109. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ / Сост. Ю.А.Бельчиков, М.В.Горбаневский, И.В. Жарков/ Издание Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам по заказу Роскомнадзора. М.: ИПК Информкнига, 2010. 208 с.

110. Методические рекомендации по производству лингвистических экспертиз текстов, в которых имеется информация, относящаяся к семантическому полю «наркотики» / Т.И. Голощапова, А.А. Смирнов, А.М. Полосина, И.В. Курьянова; под ред. д.ю.н., профессора А. М. Черенкова. М.: ЭКУ 9 департамента ФСКН России; РФЦСЭ при Минюсте России, 2006. 43 с.

111. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т.А. Назарова, Е.А. Гримайло, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков, А.В. Ростовская // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. С. 243-292.

112. Нестеров А.В. К вопросу о термине «экспертиза» // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 1 (1). С. 40–44.

113. Нефедов С.Н. Стандартизация методического обеспечения судебно-экспертной деятельности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1 (39). С. 61–72.

114. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

115. Павлова Г.М. Совершенствование методики по выявлению признаков контрафактности сигарет // Конкурентоспособность территорий: Материалы XX Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов. В 8-ми частях. Екатеринбург, 2017. С. 68–71.

116. Панарина Д.В. Язык криминалистики и судебной экспертизы в структуре научного знания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1–2. С. 143–150

117. Полянская В.А. Трансформация данных «материнских» наук в специальные экспертные понятия // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Калуга, 26–29 мая 2010 г.). Калуга: Калужский гос. пед. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2010. С. 247–250.

118. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004. 326 с.

119. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык судебной экспертизы: тенденции формирования и развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 185–190.

120. Ратинов А.Р. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» // Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами. Изд. 2, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004. С. 101–116.

121. Рылова Е.В. Категории вербальных преступлений в УК РФ // Юрилингвистика. 2014. № 3 (14). С. 10–25.

122. Сафуанов Ф.С. Актуальные теоретические и методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы // Психология и право. 2011. Том 1. № 2.

123. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Том 7. №1. С. 220–239.

124. Сафуанов Ф.С. Принципы клинико-психологической судебной экспертизы // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10205

125. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 33–45. doi:10.17759/psylaw.2017060203

126. Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 1. С. 35–43. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43>

127. Секераж Т.Н. Судебно-психологические аспекты понятия «провокация» в уголовном процессе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 19–33. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>

128. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

129. Степанов В.Н. Провокативные речевые жанры как инструменты непрямой коммуникации: лингвистические признаки и анализ // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 89–99.

130. Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Основные научные направления терминоведения общей теории судебной экспертизы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 52-60.

131. Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Терминологические проблемы языка межотраслевого института судебной экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 647–652.

132. Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Чеснокова Е.В. Стандартизация в судебно-экспертной деятельности: прогнозы и решения // Закон. 2019. № 10. С. 55–62.

133. Хазиев Ш.Н. Экономическая категория «стоимость» в уголовном праве и судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 1. С. 13–23. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-13-23>

134. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Психометрические методики зарубежной судебно-психиатрической практики и их теоретическая основа // Российский психиатрический журнал. 2018. № 5. С. 64–73.

135. Чеснокова Е.В. Соотношение терминов и определений международного стандарта ИСО 21043-1-2018 и терминологии отечественной судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. № 14 (1). С. 44-49. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-44-49>.

136. Шляхов А.Р. Пути повышения роли судебной экспертизы // Советское государство и право. М.: Наука, 1978. № 3. С. 82-87.

137. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik / Русистика. 1990. № 2. С. 20–32.

138. Штеба А.А. Лингвистические признаки провокации // Litera. 2017. № 1. С. 120–128. DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.19580.

139. Эджубов Л.Г. Язык судебной экспертизы // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультиформальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II / Под ред. С.А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2012. С. 434–439.

140. Юматов В.А., Нестерова О.А. Язык криминалистики и судебной экспертизы. Современное состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 254–258.

141. Al Guburi, Basim Y. Jasim. Provocation: a legi-pragmatic approach // Contemporary Readings in Law and Social Justice. Vol. 5 (2). 2013. Pp. 858–878.

142. Ashworth A.J. The Doctrine of Provocation. The Cambridge Law Journal. 1976. Volume 35. Issue 2. Pp. 292-320. DOI: 10.1017/S0008197300012046

143. Competency to stand trial and mental illness (DHEW Publication No. ADM77-103). Rockville, MD: Department of Health, Education and Welfare, 1973.

144. Grisso T. Empirical Assessments for Legal Competencies. Grisso T., Borum R., Edens J., et al. Evaluating competencies. Boston, MA: Springer Science, Business Media, Inc. 2003.

145. Johnson A., Coulthard M. Introduction. Current debates in forensic linguistics. The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. Edited by Malcolm Coulthard and Alison Johnson. London: Routledge, 2010. P. 1–15.

146. Roth L., Lidz C., Meisel A., Soloff P., Kaufman F., Spike, D., & Foster R. Competency to decide about treatment or research: An overview of some empirical data. International Journal of Law and Psychiatry. 1982. No. 5. P. 29–50.

147. Virgo G. Defining Provocation. The Cambridge Law Journal. 1999. Vol. 58. Issue 1. Pp. 7-10.

IV. Словари и энциклопедии

148. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

149. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славян. культуры; Вена: Wiener slavistische almanach, 2004. 1417 с.

150. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИНФОТЕХ», 2010. 874 с.

151. Словарь основных и специальных терминов криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий / Под ред. Л.Д. Беляевой. М.: ВНИИСЭ, 1987. 197 с.

152. Словарь основных терминов судебно-бухгалтерской и планово-экономической экспертиз / Отв. ред. В.К. Степутенкова. М.: ВНИИСЭ, 1987. 99 с.

153. Словарь основных терминов судебной автотехнической экспертизы / Отв. ред. А.К. Педенчук. М.: ВНИИСЭ, 1988. 66 с.

154. Словарь основных терминов судебной фототехнической экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1985. 32 с.

155. Словарь основных терминов судебно-медицинской, судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз / Отв. ред.: Винберг А.И. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1986. 119 с.

156. Словарь основных терминов судебно-почвоведческой экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1987. 41 с.

157. Словарь основных терминов судебно-технической экспертизы документов. М.: ВНИИСЭ, 1985. 67 с.

158. Словарь основных терминов судебных экспертиз / Под ред. А.И. Винберга, А.Р. Шляхова, А.А. Эйсмана. М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1980. 92 с.

159. Словарь основных терминов теории и практики судебно-баллистической экспертизы / Сост. Е.И. Стащенко. М.: ВНИИСЭ, 1984. 78 с.

160. Словарь основных терминов теории и практики судебно-почерковедческой экспертизы / Отв. ред. В.Ф. Орлова. М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1981. 70 с.

161. Словарь основных терминов трасологических экспертиз. М.: ВНИИСЭ, 1987. 135 с.

162. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П—Р. 750 с.

163. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 11: Пра-Пятью / Ред. Е.Э. Биржакова и Р.П. Рогожникова. 1842 стб.

164. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие / Под науч. ред. проф. И.А. Стернина. Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2013. 80 с.

165. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 1997. 525 с.

166. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3: П – Ряшка / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. 1424 стб.

167. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимедальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II / Под ред. С.А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2012. 456 с.

168. Black's Law Dictionary, 8th ed. Bryan A. Garner, ed. St. Paul: «Thomson/West», 2004. 1810 p.

169. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru>

170. The American heritage dictionary. 4th ed. New York : A Dell Book, 2004. VIII, 951 p.

V. Авторефераты диссертаций и диссертации

171. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1991. 44 с.

172. Мастерков А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. 18 с.

173. Панарина Д.В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.12. Тула, 2018. 238 с.

174. Радачинский С.Н. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. 28 с.

175. Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09. М., 2004. 200 с.

176. Weithorn L. Competency to render informed treatment decision: A comparison of certain minors and adults. Unpublished doctoral dissertation, University of Pittsburgh, 1980.

Речевые действия в современном российском законодательстве

Законодательство	побуждение	призыв	склонение	понуждение	принуждение	вовлечение	требование	провокация	подстрекательство	пропаганда	агитация	угроза	шантаж	унижение	неприличная форма	неуважение	оскорбление чувств	возбуждение вражды	оправдание	отрицание	сообщение/информирование	одобрение	донос	обвинение	утверждение о фактах	обоснование
Конституция РФ		+			+					+	+			+				+								
УК РФ	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
КоАП РФ		+				+				+	+			+	+	+		+	+						+	+
ГК РФ														+											+	
ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»		+								+		+		+				+	+					+		+
ФЗ «О противодействии терроризму»		+							+	+									+							+

Законода- тельство	побуждение	призыв	склонение	понуждение	принуждение	вовлечение	требование	провокация	подстрекательство	пропаганда	агитация	угроза	шантаж	унижение	неприличная форма	неуважение	оскорбление чувств	возбуждение вражды	оправдание	отрицание	сообщение/информирование	одобрение	донос	обвинение	утверждение о фактах	обоснование
Закон РФ «О СМИ»		+								+									+		+					
ФЗ "О сво- боде сове- сти и о ре- лигиозных объедине- ниях"	+		+		+	+				+		+					+				+					
ФЗ «О ре- кламе»	+	+																							+	
ФЗ «Об информа- ции, ин- формаци- онных тех- нологиях и		+								+									+						+	+

